

Библиотека мировой литературы

Библиотека мировой литературы

Омар Хайям

В созвездии поэтов

**Антология
восточной лирики**

Санкт-Петербург
КРИСТАЛЛ
2001

Составление,
вступительная статья,
примечания,
пояснительный словарь
И. Н. Крайневой

Омар Хайям в созвездии поэтов. Антология восточной лирики /
Сост., вступ. ст., примеч., пояснит. словарь И. Н. Крайневой. —
СПб.: ООО «Издательский Дом “Кристалл”», 2001. — 592 с., ил.

ISBN 5-306-00071-1

ISBN 5-306-00071-1

© И. Н. Крайнева, состав, вступ. ст.,
примеч., пояснит. словарь, 1997
© ООО «Издательский Дом “Крис-
талл”», оформление, 2001

Восточная лирика, ее шедевры и творцы

Рассказывают, что Гете произнес однажды такую фразу: «Персы из всех своих поэтов за пять столетий признали достойными только семерых. А ведь среди прочих, забракованных ими, многие будут почище меня!»

Подобную расточительность персов можно было бы легко принять за нерасчетливость, если бы не благодатная земля Востока, именуемая Персией, а затем и Ираном, как бы ниспосланная свыше на грешную землю колыбель лирической поэзии и поэтов.

Персидская литература — одна из древнейших в мире и берет свое начало в памятниках древнеиранской письменности первого тысячелетия до нашей эры.* Заметим, что в IX–XV вв. персидский язык (фарси дари) был литературным языком не только иранских народов (персов, таджиков, аф-

*Напомним нашим читателям, что ранние персы были кочевым арийским народом, мигрировавшим через Кавказский хребет на Иранское плато. Персия сыграла видную роль в истории человечества и доминировала в древнем мире до тех пор, пока в результате серии конфликтов между Грецией и Персией в 499–449 гг. до н. э. победа Греции не положила этому предел и Греция не вернула себе ведущую роль в регионе.

Александр Македонский, разгромив войска Дария III в 331 г. до н. э. ускорил крах Персидской империи, ознаменовав тем самым начало эллинистического периода под знаком правления Селевкидов.

Другими поворотными событиями, перепределившими во многом последующий путь древнейшей страны, явились, несомненно, захват арабами в 637 г. н. э. персидской столицы Ктесфиона и введение ислама в качестве государственной религии взамен господствовавшего тогда повсеместно зороастризма (см. Словарь в конце книги).

ганцев, курдов), но и многих тюркоязычных (азербайджанцев, турок, узбеков, туркмен), а также мусульман Индии.

В нашей антологии мы собрали воедино пять звезд персидской поэзии мировой величины, любимых своим народом, составивших золотой фонд классической литературы Ирана. Это Омар Хайям, Саади, Руми, Хафиз, Джами в добротных переводах, порой малоизвестных широкому кругу читателей, принадлежащих перу русских поэтов, филологов и литераторов XIX–XX вв.* Так, многие наши читатели будут, несомненно, приятно удивлены, открыв для себя, к примеру, *неизвестного Бальмонта* — в роли переводчика Омара Хайяма.

Однако обо всем по порядку.

Итак, *Омар Хайям* (ок. 1048 – 1131). В созвездии поэтов звезда Хайяма привычно сияет ярче других. Действительно, ни один из персидских поэтов не привлекает к себе столько внимания и не стоит так явно особняком, как он — скептик и философ-мистик, углубляющийся в тайны рока, ищущий объяснения земных скорбей у Божества и тщетно взывающий к Нему в поисках защиты от судьбы.

Омар Хайям Гиясаддин Абу-ль-Фахт ибн Ибрахим, великий поэт, математик, астроном и философ, родился в деревушке Хорасан близ г. Нишапур. Отец Омара, небогатый ремесленник, занимался всю свою жизнь изготовлением палаток (отсюда и пошло прозвище *Хайям*, что в буквальном переводе означает «делатель палаток»). Этот человек не щадил средств, чтобы дать сыну образование, соответствующее его блестящим способностям.

Примерно в 1042 г. молодой Омар поступает учиться в нишапурское медресе, славное своими культурными и просветительскими традициями. Там он близко сходитя с двумя своими сверстниками, стяжавшими впоследствии громкую славу, один из них — скандальную. Первый — Абдул-Кассем, успешно разрабатывавший науку администра-

* Заметим в самом начале, что инициалами *Л. Н.* пользовался Л. В. Некора.

В интересах читателей мы включили в антологию лирические фрагменты знаменитых поэм Саади и Джами, сознательно прибегая к расширительному пониманию природы лирической поэзии.

Омар Хайям
Работа Мохаммеда Таджвида

тивного управления, был замечен самим Алп-Арсланом, вторым шахом из тюркской династии Сельджукидов,* и в результате сделал карьеру первого министра — по-восточному визиря (о его успехах и государственной мудрости с похвалой отзываются персидские летописи). Другой — сверстник Хайяма из его непосредственного окружения, некто Хасан ибн Сабба, тоже вошел в историю, но существенно иначе. Он также достиг вначале высокого иерархического положения, однако в дальнейшем увлекся интригами против своего благодетеля, сильно скомпрометировал себя и был вынужден бежать в Сирию. А вернувшись домой через какое-то время, основал секту, точнее шайку убийц, просуществовавшую в Персии в итоге около двух веков и причинившую стране массу бед и несчастий.

Разумеется, драматический жизненный опыт однокашников не мог не повлиять на формирование отношения Омара к внешнему миру и его систему нравственных критериев и оценок. По окончании медресе Омар Хайям выбрал свою дорогу.

Первое время он добывал себе пропитание ремеслом, унаследованным от отца, а весь свой досуг отдавал математике, астрономии, философии и поэзии. Сведений об этой поре его жизни крайне мало. Несомненно, пожалуй, одно: именно тогда Хайям подружился с дервишами и проникся мистическо-гуманитарной доктриной суфиев,** что сказалось со временем и отозвалось серией образов и мотивов в его поэтическом творчестве.

Трогательную заботу о судьбе Омара проявил его санный друг, о котором мы уже поведали нашим читателям, Абдул-Кассем. Он предоставил Хайяму возможность свободно заниматься наукой, гарантировав ему достаточный

*Сельджукиды — это султаны тюркской (огузской) династии и ее ветвей, правившие в ряде стран Ближнего и Среднего Востока в XI — нач. XIV вв. Важнейшими представителями династии были: Тогрул-бек (ее основатель), Алп-Арслан, Мелик-шах.

**Суфизм — мистическое течение в исламе, возникшее в VIII–IX вв. Характерная его особенность — сочетание идеалистической метафизики и аскезы. Суфизм исповедует учение о постепенном приближении через мистическую идею к познанию Бога и последующему слиянию с ним. Влияние суфизма на персидскую (а также и арабскую) поэзию — огромно.

минимум материального обеспечения от общей суммы доходов, поступающих в казну из родного хайямова села. С тех пор Хайям зажил безбедно, и с этого момента стала быстро расти его популярность как ученого и поэта.

Через несколько лет он заканчивает свой замечательный труд «Введение в алгебру» и затем, в 1047 г., по приглашению Мелик-шаха, сына и преемника Алп-Арслана, перебирается в Мерв, тогдашнюю столицу Сельджукидов, где вплотную приступает к переработке устаревших астрономических таблиц и обоснованию знаменитой схемы нового летосчисления (с 15 марта 1079 г.), известной под названием зры Джелал-ад-Дина (Мелик-шаха).

Хайяму выпало жить и творить в сложную историческую эпоху — время, когда все было непрочное и мимолетное, когда царства рушились одно за другим, а великие государства и мудрые властители становились жертвами неведомых убийц, старые верования сменялись новыми и дикие орды кочевников, хлынувших из неведомых стран, сметали и сжигали на своем пути памятники древней культуры Ирана. Повсюду возникали раздоры, мелкие государства учиняли кровавые разборки между собой, провинции переходили из рук в руки. Особенно страдала от вечных войн и междоусобиц северо-восточная провинция Персии, родина Омара Хайяма, цветущий Хорасан, традиционно служивший лучшей добычей и лакомым кусочком для завоевателей, а следовательно, и ареной жесточайшей схватки. Понятно, что в такой обстановке поэзия духовно спасала Омара Хайяма от отчаяния.

Биографические сведения о поэте, как мы понимаем, малочисленны и отрывочны. А потому тем более дороги нам письменные свидетельства о его жизни и творчестве, дошедшие до нашего времени из старины глубокой. Ибо Хайям был не только выдающимся математиком и великим поэтом, но и подлинным энциклопедистом. В одном из документальных источников под названием «Рай жизни», датированном 1405 годом, говорится: «Омар Ибрагим Хайям в большей части наук, и особенно в астрономии, был в свое время выдающимся. Ему принадлежат всему свету известные трактаты и несравненные стихи».

Имам Хорасана, Ученейший муж века, Доказательство Истины, Знаток греческой науки, Царь философов Востока

и Запада — таков, подчеркивают историки, далеко не полный перечень почетных титулов Омара Хайяма в зените его славы.

Что же касается философии, то он сам считал себя последователем Ибн-Сины. Его перу принадлежат оригинальные философские сочинения. И среди них «Трактат о бытии и должествовании». Помимо уже упоминавшегося математического сочинения, Хайям создал и второй свой знаменитый математический труд — «Комментарии к трудностям во введениях книг Евклида».

В целом же до нас дошли десять трактатов, составляющих на сегодня все письменное наследие Омара Хайяма.

В заметке Мохаммеда Шахразури, автора истории мудрецов, под заголовком «Услада души» читаем: «Омар Хайям, нишапурец по происхождению и рождению, был равен Абу-Али (Авиценне) в науках философских, но только был дурного нрава, почему его менее посещали люди науки...»

Понятно, что отношения «дурного нравом» Омара с духовенством не сложились, о чем свидетельствует в «Книге мудрецов» (XI–XII в.) ее автор Кифти. «Когда же современники его, — утверждает Кифти применительно к Хайяму, — очернили веру его и вывели наружу те тайны, которые он скрывал, он убоился за свою кровь и, легонько схватив поводья своего языка и пера, совершил хадж (паломничество в Мекку) по причине болезни, не по причине богобоязненности, и обнаружил тайны из тайн нечистых. Когда он прибыл в Багдад, поспешили к нему его единомышленники по части древней науки, но он преградил перед ними двери преграждением раскаявшегося, а не товарища по пиршеству. И вернулся он из хаджа своего в город, посещая утром и вечером места поклонения и скрывая тайны, которые неизбежно откроются...»

В одном из своих научных сочинений Хайям делает такое признание: «Мне сильно мешали невзгоды общественной жизни. Мы были свидетелями гибели людей науки — настолько велики ее бедствия...»

Хайям никогда не замыкался в кругу своих узконаучных интересов. Он любил жизнь, людей, свою землю, чашу доброго вина, красавицу-подругу и рассказал об этом в своих стихах. Он предстает в них перед нами в прекрас-

ных четверостишиях с обычной своей легкой усмешкой на устах. Именно таким, лукавым и мудро-нисходительным, запечатлел поэта художник Мохаммед Таджвиди.

Смерть свою Омар Хайям встретил спокойно и с достоинством. Имам Мохаммед Багдадский рассказывает: «Омар читал «О божественном» из книг «Исцеление» (Авиценны). Дойдя до отдела «О едином и многом», он положил между листов какую-то вещь и сказал мне: «Позови народ, я сделаю завещание». Когда единомышленники собрались, он исполнил, согласно известным условиям, «стояние» и занялся молитвою. И отвратился от всего постороннего. Исполнив молитву на сон грядущий, он пал ниц на землю и сказал: «Боже! Поистине я познал Тебя по мере возможности моей. Прости меня, зане познание мое — заслуга пред Тобою!» И отдал Богу душу».

Как поэт Хайям оставил после себя сборник четверостиший, иначе называемых рубаи. Будучи по форме исконно народными, они и при жизни Хайяма и после его смерти породили множество подражаний. Вот почему вопрос о подлинности тех или иных списков и их атрибуции именно Хайяму весьма затруднен. Исследователи расходятся также в оценке их количества. Есть мнение, что общее число рубаи достигает двух тысяч, в то время как ядро истинно хайямовых стихов не свыше ста стихотворений.

Несравненные по форме, они заключают в себе глубокие мысли поэтического и философского уровня, обретающие порой воистину пророческое звучание. В них-то и заключен самый достоверный рассказ о жизни гениального человека.

Наряду с Омаром Хайямом *Абу Абдаллах Мушрифаддин ибн Муслихаддин Саади Ширази* (между 1203 и 1210–1292) — один из самых любимых авторов в своем отечестве.

Родился Саади в Ширазе, в небогатой духовной семье. Образование получил в середине двадцатых годов XIII в. в высшей духовной академии «Низамийе» в Багдаде под руководством знаменитых богословов. Став известным, он неизменно отказывался от придворной службы, хотя свои лучшие произведения (поэмы «Бустан» и «Гулистан») верно-подданнически посвятил и преподнес в Ширазе, где он жил, местному правителю Абу Беккру ибн Сааду.

Творил Саади в эпоху монгольского лихолетья, ужасов Чингиз-хана и его преемников. Любопытно, что суфийство в те времена широко распространилось в народе и воспринималось скорее не как религия, но как житейский аскетизм, т. е. наиболее удобная и приемлемая форма жизни. Это обстоятельство имело под собой резонные основания: в монгольскую эпоху, говорят иранисты, под вечным дамокловым мечом человек просто в силу неизбежности склоняется к мысли о том, что ничего не имеющий и ничем не дорожащий ничего и не теряет. Такова была житейская философия.

Удивительно, но факт: в ней явно присутствует рациональное зерно. Причем мысль эта, утверждают историки, одинаково глубоко вращалась в сознание как тех, кто уже пострадал от монгольского нашествия, так и тех, кто в силу отдаленности от центра тех или иных территорий еще только с ужасом ждал, страшился и готовился морально к этой каре Божией. Родная же для Саади область Фарс с городом Ширазом, по счастью, за счет умной и осторожной политики ее правителей-атабеков убереглась от трагедий, сопряженных с нашествием.

Саади, как известно, на свою родину вернулся лишь в пожилом возрасте. А до этого времени судьба бросала его во все стороны мусульманского мира — от Индии до Сирии. Он испытал все: сегодня Саади — набожный мусульманин, завтра, спасая жизнь свою, он принимает брахманскую религию в Индии; сегодня он — почтенный шейх-учитель в Дамаске, завтра — пленный раб сирийских крестоносцев, он роет окопы в триполийской рыцарской крепости, воздвигаемой против мусульман.*

Большую часть жизни Саади провел в скитаниях, посетив почти все страны Ближнего и Среднего Востока.

Разумеется, пантеистическое суфийство человека, который «из рук судьбы поел и горячего, и холодного», должно было отличаться на практике редким умением приспосабливаться к обстановке и двойственностью восприятия. Так оно и случилось. И если в своем «Бустане» («Плодовый сад») и в лирических песнях (касыдах и газелях) Саади

*Излагаю по материалам А. Крымского, авторитетного востоковеда начала века. возможно. несколько тенденциозным.

Саади Ширази
Работа Н.Ушина

вдохновенно призывает людей познать суету мира и его ничтожность, то в полупрозаическом-полустихотворном, насыщенном анекдотами «Гулистане» («Розовый сад») он предлагает нам уже набор наилучших способов, помогающих людям комфортно ужиться как-то поспокойнее в нашем суетном мире. Формула его наставлений такова: «Не будь волком, но и не будь овцою, чтобы не съели волки».

Саади невероятно противоречив в своем творчестве, как сказали бы филологи в наши дни, амбивалентен. С одной стороны, он зовет к умерщвлению плоти, с другой — пишет непристойные, грубо порнографические, по определению востоковедов, «гнусности и шуточные заседания», отделяясь при этом облегченным замечанием: «Шуточка в речи — что соль в пище».

К чести Саади, он никогда не был придворным льстецом и вел полуотшельническую жизнь духовного наставника, «старца», в скромном подворье на окраине Шираза, где и был похоронен. Мавзолей над его могилой был сооружен иранским правительством в 1952 г.

Саади одним из первых восточных поэтов стал известен в Европе. На Руси первые переводы Саади появились в начале XVII в.

Его принято считать любимым обиходным, домашним поэтом иранцев, истинным выразителем подлинно персидского духа. Литературные подражания поэту, начавшись однажды при его жизни, благополучно продолжают до настоящего времени. И это не случайно: ведь творчество Саади у него в стране принято изучать еще со школьной скамьи.

В лице Саади мы имеем гениального лирика и перво-классную поэтическую величину, оказавшую огромное влияние на всю последующую литературную традицию, не исключая в этом плане «царя газели» Хафиза, о котором речь впереди.

Популярность у себя на родине *Джалал-ад-Дина Руми* (1207–1279) если даже несколько ниже, чем Саади, то все же лишь незначительно и, как берутся утверждать квалифицированные иранисты, Руми во многом духовнее Саади. Впрочем, об этом судить читателю.

Руми родился в семье выдающегося ученого-богослова. С 1212 г. жил в Нишапуре, Багдаде, Дамаске, Алеппо, в

других местах. В 1220 г. семья перебралась в Конью. Таким образом, когда монголы разоряли Иран, он жил в сельджукско-турецком государстве Малой Азии («Руме»), в Конье, куда монголы, что существенно, не добрались.

Пользуясь покровительством правителей Малой Азии из династии Сельджукидов, Руми получил блестящее образование. Сменив отца в должности преподавателя конийского медресе, он возглавляет крупную суфийскую общину. Долгое время (до пятидесяти лет) он пишет исключительно суфийские лирические стихи, которые, начиная с 1247 г., подписывает именем Шамса Тебризи.

Однако общее гнетущее настроение периода монгольского безвременья XIII в., достигшее и Малой Азии, к тому же отягощенное на годы непрекращающейся тоской Дже-лал-ад-Дина по поводу утраты верного друга, юродивого учителя, сказывается на всей его жизни и творчестве.

Джелал-ад-Дин покидает мир и становится дервишем-«мовлеви» основанного им самим суфийского ордена. Характерная черта его быта — особые радения, хороводная пляска под уныло-печальные звуки флейты.

В своем литературном творчестве Руми проявляет себя как возвышенный пантеист, отождествляющий Бога с природой и видящий в ней воплощение самого Божества. Лирические стихотворения его дивана прославляют, правда, и чисто практическое удобство нестяжания, например, на тему: «Человек Божий сыт без мяса, пьян без вина». Поэт убежден, что жизнь человеческая, подвергающаяся вечным угрозам и опасностям, в том числе от внешних врагов, лучше всего облегчается на путях добровольного отречения от самой жизни, ее рисков и мелочных забот.

Лирика Руми, однако, не свободна, как мы понимаем, от изрядной доли чистой созерцательности. Повсюду в мире он видит Всеединого Бога — поэт влюблен в Него, он рвется к воссоединению с Ним, к отречению от собственного «я», он стремится стереть разницу между «я» и «мы».

Перу Руми принадлежит «Месневи» («Двойница») — сборник стихов и рассказов, чередующихся со стихотворными же рассуждениями, где рифма варьируется в каждой паре двустиший. Рассказав какой-нибудь анекдот, автор тут же поясняет, что это лишь притча, и делает затем нравоучительный вывод — извлекает мораль.

О «Месневи» Руми и ее авторе существует огромная литература как в Европе, так и на Востоке.

Руми как поэт испытал сильнейшее влияние Омара Хайяма. Его «Четверостишия» весьма напоминают хайямовы, а нередко и совпадают с ними слово в слово, что, разумеется, ни в коей мере не снижает их высочайшего художественного уровня.

В целом, как видим, в поэзии XIII–XIV вв. отчетливо обнаруживают себя по крайней мере два направления: первое апеллирует к рассудку (дидактическое), второе — к чувствам читателя (лирическое). И если первое, нетрудно догадаться, достигло своего высшего расцвета в творчестве Саади, второе, вне сомнений, — в поэзии Хафиза.*

Однако между первым и вторым нет непреодолимой пропасти. Как и сама жизнь, поэзия состоит из переливов, а не из отломленных кусков. И в лирике Хафиза, если читать вдумчиво, мы без труда обнаружим образы, поэтические формулы и даже выражения, заимствованные автором у Саади. И это понятно — оба они и соотечественники, и земляки.

Не случайно лирику Хафиза принято квалифицировать как высшее достижение всей средневековой персоязычной лирической поэзии.

Хафизу особенно повезло в его посмертной исторической судьбе. Встреченный Гете, он органично вошел в мировую поэзию и вот уже без малого два столетия блистает в ней как звезда первой величины. В свое время, предваряя публикацию своих переводов из Хафиза, один из величайших русских лириков, Афанасий Фет, писал: «Даже поверхностное знакомство с нашим поэтом служит отрадным подтверждением двух несомненных истин: во-первых, что дух человеческий давно уже достиг той эфирной высоты, которой мы удивляемся в поэтах и мыслителях Запада; во-вторых, что цветы истинной поэзии неувядаемы, независимо от эпохи и почвы, их породившей... Я желал бы, чтобы читатель испытал хотя бы часть того наслаждения, которое выпало на долю моему труду».

*Подробнее см.: История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 274 и сл.

Итак, *Шамседдин Мохаммед Хафиз* (1325–1390), как и Саади, родился в Ширазе, но в семье незнатных горожан. В раннем детстве в нем обнаружили незаурядные способности, и он прославился как «хафиз» (т. е. «хранящий в памяти») — человек, знающий наизусть Коран (отсюда и возник псевдоним поэта).

Плата за обрядовое чтение Корана плюс финансовая поддержка от высоких покровителей — таков был основной источник существования Хафиза. Что касается придворной поэтической деятельности, то она никак не обогатила Хафиза. Неспроста во многих своих стихах он говорит о себе как о человеке необеспеченном.

Обычно считают, что главная тема лирики Хафиза — гедонистическое наслаждение жизнью, доведенное до высших степеней. В самом деле, Хафиз нежно воспевает розовые цветники своего ненаглядного Шираза, соловьев, весну, любовь, слагает гимны добродетели, бодрящему вину. А на упреки прорицателей отвечает, что лучше веселиться и беспутствовать, чем ханжески лицемерить и ловить людей Кораном, как силком.

И все же наряду с восторженным весельем не раз слышится у Хафиза тоска от изменчивости судьбы, от тщеты мира, от торжества грубой силы и невежества, пошлости людской. Веселое и грустное — обычные суфийские темы, и Хафиз многое взял здесь у своих предшественников.

Свои стихи Хафиз начал писать рано. Еще при жизни он обрел огромную поэтическую славу и у себя на родине, и за ее пределами. Хафиза приглашали к своему двору правитель Багдада и делийский султан. Но он так никогда и не покинул родину. Умер же в нищете и был похоронен в Ширазе.

Хафиз — певец универсальных человеческих ценностей, его герой — полнокровный, живой, конкретный человек, зачастую одержимый кипением противоречивых страстей. Он то аскет, мистик и духовидец, то скептик, вольнодумец и мечтатель, возвещающий человечеству наступление светлого земного царства, то откровенный забулдыга, дебошир и грубиян, нарушитель всеобщей гармонии и спокойствия.

В своих газелях, как уже отмечалось, Хафиз широко использует образы и традиционные приемы суфийской поэ-

зии. Между тем крупнейший суфийский авторитет в лице Абдуррахмана Джами отказывался удостоверить, что Хафиз проходил суфийский иску́с и принадлежал к какому-либо суфийскому ордену. Отнюдь.

Что же касается самого *Абдуррахмана Нуреддина бин Ахмада Джами* (1414–1492), то ему суждено было стать фигурой, завершающей великолепную эпоху классической поэзии на фарси.

Джами родился в г. Джам (Хорасан), учился в Самарканде и затем в Герате. Это был баловень судьбы, пользовавшийся колоссальным успехом и уважением при дворе Тимуридов, хотя и избрал для себя путь учителя людей, взывающих истины, далекого от пышной славы и богатства.

Поэт вел подвижнический образ жизни бедняка-суфия. после смерти Джами был признан святым.*

Высокую оценку истинных ценителей литературы получили его жизнеописания суфийских деятелей («Дуновения тесной дружбы из чертогов святости», нравоучительные новеллы «Вахаристан» («Плодовый сад»), семь поэм («Семерица»), написанные в ответ на «Пятерицу» Низами, три дивана, включающие в себя газели, рубаи и другие лирические вещи.

В общем контексте классической поэзии творчество Джами, главного хранителя величайших традиций своих гениальных предшественников, переосмысливается как возвращение к человеку и воспевание его души.

Ирина Крайнева

*Подробнее см.: История литературы народов Средней Азии и Казахстана. / Под ред. М. И. Богдановой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. (С. 73 и сл.); Брагинский И. 12 миниатюр. М.: Художеств. лит., 1996. (С. 254–276.)

Омар Хайям

Беги от поучений святых учителей.
Хотя бы в сеть красавиц, в тенета их кудрей.
И прежде чем кровь сердца всю выпьет
жадный рок,
Ты сам кувшина кровью наполни кубок, пей!

Безумцы в мире есть, которых самомненье
Во мрак надменности и чванства завело —
Иных влечет мечта о райском наслажденье,
О замках, где всегда прохладно и светло,
Где гурии нежней и краше роз Востока.
Безумцы! Как они обманутся жестоко!
Аллах! Настанет день — и с тайны бытия
Завесу темную сорвет рука твоя,
И обнаружится, что все они упали
Далеко от тебя, во мглу безбрежной дали.

Без хмеля и улыбок — что за жизнь?
Без сладких звуков флейты — что за жизнь?
Все, что на солнце видишь, стоит мало.
Но на пиру, в огнях, светла и жизнь.

Блеск диадемы, шелковый тюрбан —
Я все отдам. И власть твою, султан.
Отдам святошу с четками впридачу.
За звуки флейты и еще — стакан.

Бог создал звезды, голубую даль.
Но превзошел себя, создав печаль.
Растопчет смерть волос душистый бархат.
Набьет землю рот, и ей не жаль.

В венце из звезд великих Творец Земли.
Не истощить, не перечесть — вдали.
Лучистых тайн за пазухой у Неба
И темных сил — в карманах у Земли.

В вине таится вечность бессмертных сил.
Огонь живой и юный, давно угасший в нас.
Так пей его с друзьями порой весны и роз.
Впитай всю силу жизни и всю истрать за час!

Великого Китая кувшин вина — ценней.
Сердец, что жаждут рая, кувшин вина ценней.
И муть на дне, и горечь, но сотни чистых душ.
Где сладость неземная, кувшин вина ценней.

Весна. Желанья блещут новизной.
Сквозит аллея нежной белизной.
Цветут деревья — чудо Моисея!
И сладко дышит Иисус весной.

Взгляни, вот платье розы раздвинул ветерок.
Как соловья волнует раскрывшийся цветок!
Не проходи же мимо. Ведь роза расцвела
И распустилась пышно лишь на короткий срок.

Взгляни же: я жил во Вселенной.
Но выгод не ведал мирских.
Я мучился жизнью мгновенной,
Но благ не познал никаких.
Горел я, как светоч веселья.
Погас, не оставив следа.
Разбился, как чаша похмелья,
В ничто обратиться навсегда.

Взгляни и слушай. Роза, ветерок,
Гимн соловья, на облачко намек...
Пей! Все исчезло: роза, трель и тучка.
Развеял все неслышный ветерок.

Вина — другого я и не прошу.
Любви — другого я и не прошу.
«А небеса дадут тебе прощение..»
Не предлагают — я и не прошу!

Вино всей жизни ходу поддает.
Сам для себя обуза, кто не пьет.
А дай вина горе — гора запляшет.
Вино и старым юности прильет!

Вино — источник жизни. Вот вечность в чаше. Пей!
В нем сила молодая, в нем юность наша. Пей!
Сожжен его огнями, омыт живой водой,
Воскреснет мир пред нами — светлей и краше. Пей!

Вином мне жизнь продлите. Вернее средства нет.
Вернуть щекам янтарным рубина алый цвет.
А если все ж умру я, тогда, омыт вином,
В гробу из лоз, хочу я покинуть бренный свет.

Вино не только друг — вино мудрец.
С ним разнотолкам, ересям конец.
Вино — алхимик: превращает разом
В пыль золотую жизненный свинец.

**«Вино пить грех...» — Подумай, не спеши.
Сам против жизни явно не греш.
В ад посылать из-за вина и женщин?
Тогда в раю, наверно, ни души.**

В кумирне, в медресе, во храме, в синагоге
Бояться ада все и рая страстно ждут.
Возникнуть не могло зерно такой тревоги
Лишь в сердце у того, кем правит разум строгий,
В ком тайны Вышнего нашли себе приют.

**Влюбленный! В горестях любви
На помощь Небо не зови!
Оно, поверь моим словам,
В любви бессильней, чем ты сам.**

В могилах спящие земле возвращены,
Частицы праха их рассеяны повсюду —
Рассеяны, как пыль! Какому ж злему чуду,
Увы, подвержены ничтожества сыны?
Какой напиток их так держит в опьянении,
В неведеньи всего, в тревогах и сомненьях?
И будет омрачен рассудок их всегда
До дня последнего суда?

В небесном кубке хмель воздушных роз.
Разбей стекло тщеславно-мелких грез!
К чему тревоги, почести, метанья?
Звон тихий струй и — нежный шелк волос!

Вплетен мой пыл вот в эти завитки.
Вот в эти губы — розы лепестки.
В вине румянец щек. А эти серьги —
Уколы совести моей, они легки.

В пышном зданьи жизни бренной
Пей вино, пока живешь.
Для того, мудрец смиренный,
Чтобы, если ты умрешь,
Пыль разрушенного тела
При дыханье ветерка
В упоеньи долетела
До порога кабака.

Вращаясь, свод небесный нас давит и гнетет.
Пустеет мир, и многих друзей недостает.
Чтоб вырвать хоть мгновенье у рока для себя,
Забудь о том, что было, и не гляди вперед.

В свой час горит на небе лучистых звезд венец,
Восходит и заходит — и меркнет, наконец.
За пазухой у Неба, в карманах у Земли
Запас рождений новых. Ведь вечно жив Творец!

Все ароматы жадно я вдыхал.
Пил все лучи. А женщин всех желал.
Что жизнь? Ручей блеснул на солнце
И где-то в черной трещине — пропал.

Все мудрецы, что раньше ушли, о мальчик мой,
Гниют в своих ошибок пыли, о мальчик мой.
Ты пей и слову правды внимли, о мальчик мой, —
Всю их постройку ветры снесли, о мальчик мой.

**Все царства мира — за стакан вина.
Всю мудрость книг — за остроту вина.
Все почести — за блеск и бархат винный.
Всю музыку — за бульканье вина.**

Всегда будь осторожен — все дни бедой гроаят.
Покой считай отсрочкой — то меч судьбы острят.
И если рок подносит к устам твоим миндаль,
То можешь быть уверен — в нем скрыт
смертельный яд.

Всего, что есть иль было, я формы изучал.
И все горе и долу субстанции познал.
Но пусть меня невеждой объявят, коль скажу,
Что выше опьяненья я что-нибудь знавал.

Всех нас, помимо воли, втолкнули в мир людей.
И выйдем из него мы по воле не своей.
Так будь проворней, мальчик, неси вино скорей,
Чтоб смыть вином могли мы тоску и тяжесть дней.

**В стекле прозрачной чаши рубин вина неси —
Товарища беседы, где мысль вольна, неси.
Нас вихрь из мира праха умчит чрез день, чрез два...
Пустеет чаша жизни. Твоя ж полна. Неси!**

В том не любовь, кто буйством не томим.
В том — хворостинок отсырелый дым.
Любовь — костер. Пылающий, бессонный.
Влюбленный ранен, он неисцелим.

В тоске молило сердце: «Открой мне знания свет!»
«Вот это — знак алифа», — промолвил я в ответ.
И слышу вдруг: «Довольно! Ведь в этой букве —
все.
Когда Единый в доме, другим уж места нет».

В учености — ни смысла, ни границ.
Откроет больше тайный взгляд ресниц.
Пей! Книга Жизни кончится печально.
Укрась вином мелькание страниц.

Все обсудив без страха, мы истину найдем.
Небесный свод представим волшебным фонарем.
Источник света — солнце, наш мир — сквозной
экран,
А мы — смешные тени, и пляшем пред огнем.

Вхожу в мечеть смиренно, с поникшей головой.
Как будто для молитвы. Но замысел — иной.
Здесь коврик незаметно стащил я в прошлый раз,
А он уж поистерся. Хочу стянуть другой!

Вчера на площади базарной видел я,
Как глину вязкую горшечник мял ногами.
С него усердья пот катился в три ручья.
И этот мертвый прах незримыми устами,
Казалось мне, шептал: «Я ближним был твоим!
Стыдись! не будь так груб и так неумолим!»

Где корм, а где — ловушка, не мог я рассмотреть.
Манит хмельная чаша, влечет к себе мечеть.
А все ж с такой подругой и с кубком огненным
Уместней мне не в келье, а в кабачке сидеть.

Где прежде замок высился надменно
До самых облаков,
Куда в чертоги шли цари смиренно,
С покорностью рабов,
Я видел: горлица, нахохлившись, сидела
И, нарушая сон,
Кричала, словно вымолвить хотела:
«Где он? Где он?»

Где расцвели тюльпаны, алея и горя,
Там кровь была пролита великого царя.
А где фиалок бархат — как родинки ланит,
Там прах зарыт красавиц, прекрасных, как заря.

Где ты найдешь поруку, что завтра будешь жив?
Так веселись сегодня, все скорби позабыв.
И пусть сверкнет, играя, вино в лучах луны.
Луна найдет ли вновь нас, урочный круг свершив?

Грозит нам свод небесный бедой — тебе и мне
И надо ждать разлуки с душой — тебе и мне.
Приляг на мягком дерне! В могиле суждено
Питать все эти корни собой — тебе и мне.

Грядущий день и прошлый век
Меня не беспокоят.
Но в этот день, в текущий день
Мне струны песню строят.

Давно готовый к смерти, от страха я далек.
Из половин неравных слагается наш рок.
Небытие — подарок, а жизнь взаймы дана.
Ее верну без споров, когда наступит срок.

Дай чашу мне и слушай. В могилу ляжешь ты,
Где нет веселья, дружбы, любви и красоты.
Запомни это слово — другим не открывай, —
Не расцветают снова увядшие цветы.

Дай чашу мне скорее! Раскаяние спит...
Сегодня все желанья твой ротик утолит.
Сплелись мои обеты, как локоны твои.
Мое вино румяно, как цвет твоих ланит.

Дар, своевольно отнятый, — к чему?
Мелькнувший призрак радости — к чему?
Потухший блеск и самый пышный кубок,
Расколотый и брошенный, — к чему?

Для раненой любви вина готовь.
Мускатного. И алого, как кровь.
Залей пожар, бессонный, затаенный.
И в струнный шелк запутай душу вновь.

Добросовестных и умных
Уважай и посещай —
И подальше без оглядки
От невежды убегай!

Если яд мудрец подложит,
Не смущайся, смело пей!
Даст глупец противоядье,
Вылей на землю скорей!

Доколе жизнь свою ты будешь посвящать
Гордыне суетной и самообожанью?
Иль, одержим больным стремлением к познанию,
Причин небытия и бытия искать?
Пей светлое вино! ту жизнь, что чрез мгновенье
Прервать готова смерть, идущая вослед,
Любить иль понимать не стоит. Цели нет!
И лучше жизнь влечить во сне иль в опьянении!

**Достойней, чем весь мир возделать, заселить, —
В одной душе людской печали утолить,
И лаской одного в неволю заковать,
Чем тысяче рабов свободу даровать!**

До тебя и меня много сумерек было и зорь.
Не напрасно идет по кругам свод небес золотой.
Будь же тщателен ты, наступая на прах — этот прах
Был, конечно, зрачком, был очами красы молодой...

До щек ее добраться, нежных роз.
Сначала в сердце — тысяча заноз.
Так гребень: в зубья мелкие изрежут,
Чтоб слаще плавал в роскоши волос.

**Древо печали ты в сердце своем не сажай —
Книгу веселья, напротив, почаще читай,
Зову хотенья внимай и на зов отвечай,
Миг быстротечный встречай и лозою венчай.**

Если в лучах ты надежды, сердце ищи себе,
сердце.
Если ты в обществе друга, сердцем гляди в его
сердце.
Брось же свою ты Каабу, сердцем ищи себе
сердце.

Есть в небе бык Первин — созвездие Плеяд,
А на рога другой взял землю, говорят.
Открой же взор души, открой глаза сознания,
Как те, сподобился кто истинного знаиья, —
И посмотри-ка: там, меж этих двух быков,
 Какое множество... ослов!

Жалкая страсть человека подобна собаке цепной.
Крик ее — лай непристойный, докучный,
без всякого толка!
Лисья таится в ней хитрость. Давт она
мнимый покой.
Зайца обманчивый сон. Сочетались, слились
в ней одной
Бешенство лютого тигра и жадность
голодного волка!

Живи, безумец. Трать, пока богат.
Ведь ты же сам — не драгоценный клад.
И не мечтай, не сговоятся вору —
Тебя из гроба вытащить назад.

Жизнь пестрым караваном проходит мимо нас.
Смотри, она увозит всех радостей запас.
Эй, виночерпий, утром не будет здесь вина.
Теперь темно: проворней! Стащи кувшин вина!

Заботам и тревогам души не отдавай.
О тех, кто мир покинул, с тоской не вспоминай.
К вину и сладким губкам, как пери, стройных дев
Прильни! Таких сокровищ на ветер не бросай.

За гранью мира ищут и за пределом дней
Скрижаль, калем и небо, и бездну злых огней.
Но мой наставник мудрый шепнул однажды мне:
«Скрижаль, калем и небо, и ад в душе твоей».

За постным Рамазаном и праздник настает.
Здесь сказочник веселый собрал вокруг народ.
А там носильщик с мехом тяжелым на плече,
Толкая всех прохожих, для нас вина несет.

Запрет вина условен: в нем оговорено,
Кто пьет, когда и сколько, и с кем он пьет вино.
Чтоб соблюсти все пункты, ученым надо быть.
Так, значит, нам, ученым, вино разрешено.

Заря. Дай чашу с ярким, как пурпур роз, вином.
Сосуд же доброй славы о камень разобьем.
Что за мечтой тянуться? Хочу я здесь перстом
Твоих кудрей коснуться. И лютни струн — потом.

Заря. Пора проснуться, пора вина искать,
Чтобы чертам увядшим румяный блеск придать.
А заворчит рассудок, ему в лицо плесну
Глоток вина скорее, чтоб он уснул опять.

За чашей мы, дервиши, беспечны и пьяны,
И все богатства мира нам вовсе не нужны.
Вино из рук красавца! Других такой цены
Нет благ на всем пространстве — от Рыбы до Луны.

Зачем смертей, рождений бессмысленный поток?
Где в ткани жизни нашей основа, где уток?
В огне стремлений тщетных сгорело столько душ.
От них, испепеленных, остался ль хоть дымок?

Зла речь твоя, мулла, и ненависть — ей мать!
Ты все зовешь меня безбожником, неверным.
Ты прав, я уличен! Я предан всяким сквернам,
Но будь же справедлив: тебе ли обвинять?

Идем с кувшином, чашей к ручью, на свежий луг.
Урвем минуты счастья, прекрасный, юный друг!
Ведь столько луноликих — то в чашу, то в кувшин —
Уж превратил, вращаясь, небес гончарный круг.

Иди зарей весенней к ручью — меже полей.
С друзьями иль подругой, небесных дев милей.
Пей утреннюю чашу... Свободен будешь ты
От призраков и страхов, мечетей и церквей.

Из жемчуга молений я четок не связал.
Из праха прегрешений с лица не отирал.
Надеюсь на спасенье лишь потому, что я
Единого ни разу двумя не называл.

Имей друзей поменьше. Не расширяй их круг.
И помни: лучше близких вдали живущий друг.
Окинь спокойно взором всех, кто сидит вокруг.
В ком видел ты опору, врага увидишь вдруг.

И ночи сменялися днями
 До нас, о мой друг дорогой.
И звезды свершали все так же
 Свой круг, предреженный судьбой.
Ах, тише! Ступай осторожней
 На пыль под ногою твоей —
Красавиц ты прах попираешь,
 Останки их дивных очей.

И я, седобородый, в силок любви попал.
И вот в руке сверкает искрящийся бокал!
Рассудок терпеливый мне сшил халат заслуг.
А рок мой прихотливый все в клочья изорвал...

Как будто шепот Неба ловлю я в тишине.
Смотри, судьбы веленью покорен я вполне.
От вечногo вращенья, от бега в вышине
И головокруженья нет избавленья мне.

Как вихрь в степи, промчалась бесследно
жизнь моя.
И от нее осталось, быть может, два-три дня.
Ну что ж? Ни день минувший, ни день,
что не настал,
Нимало не заботят, пока живу, меня.

Как нежно щеки розы целует ветерок!
Как светел лик подруги, и луг, и ручеек!
Не говори о прошлом — какой теперь в нем прок?
Будь счастлив настоящим. Смотри, какой денек!

Как пред светлым царственным вождем,
Как пред алым огненным мечом,
Теней и страхов черная зараза —
Орда врагов бежит перед вином.

Как? Тысячи ловушек расставив вдоль дорог,
За каждый шаг неверный грозит нам карой Бог?
Все в мире неизбежно, всем движет Твой закон.
Не будь Твоей здесь воли, как я восстать бы смог?

Как чаша, опрокинут над нами небосвод.
Он все живое давит и разум наш гнетет.
А посмотри, как нежно слилась, уста к устам,
В лобзание чаша с кубком, хоть кровь и там течет...

К краям манящим чаши приник устами я —
«Открой мне тайну срока! Продлится ль
жизнь моя?»

Слилась со мной в лобзание и тихо шепчет:
«Пей!

Мгновенна жизнь. Не будет возврата бытия».

Когда бы ясно тайны жизни
Постигло сердце человека,
Оно б и тайны смерти знало,
Нам недоступные от века!

И если ты — слепой невежда,
Теперь, когда ты сам с собою —
И с миром видимым, и с жизнью
Не разлучен еще судьбою,

То что ж, когда себя покинешь
И жалкий прах в земле истлеет, —
О, что ж тогда твой дух бесплотный,
Безличный дух уразумее?

Когда на луг зеленый, где царствует весна,
Красавец с ликом гурний мне вынесет вина,
Что б там ни говорили, мне вовсе не нужна,
Хоть псом меня зовите, Эдемская страна.

Когда отлита чаша — искусства хрупкий плод, —
Ее и пьяный мастер хранит и бережет.
Но очи, как нарциссы, уста, как сладкий мед...
Чья создала любовь их, чья злоба — разобьет?

Когда-то просвещал нас синклит седых бород,
Когда-то восхищал нас и нашей мысли плод...
А что в конце осталось? Последний вывод — вот:
Сюда прилив примчал нас, отсюда — вихрь несёт.

Когда ты раздобудешь кувшин вина,
То пей его открыто — нам тайна не нужна.
Кто пьян, тот всех свободней. Душа сильна,
вольна...
Чьих нам усов бояться? Чья борода страшна?

Когда уснул я, вот что сказала мудрость мне.
Ни разу роза счастья не расцвела во сне.
Зачем же смерти-брату
Предался ты во власть?
О, пей! Еще века ты
Спать будешь в тишине.

Когда я пью вино — так нв вино любя.
Не для того, чтоб все в беспутстве слить в одно.
А чтоб хоть миг один дышать вовне себя,
Чтоб вне себя побыть — затем я пью вино.

Когда я чару взял рукой и выпил светлого вина,
Когда за чарою другой вновь чара выпита до дна,
Огонь горит в моей груди, и как в лучах света
волна,
Я вижу тысячу волшебств, мне вся Вселенная
видна.

Коль знаменит ты в городе, ты —

«худший из людей»!

Коль ты забьешься в угол свой, ты —

«вредный чародей»!

Святым ли будь, пророком ли — разумнее всего

Здесь быть для всех невидимым, не видя никого.

Коран Всевышним Словом все верные зовут.
Коран читают часто, но чаще — только чтут.
Ах, на краях у чаши яснее надпись есть —
И днем, и ночью наши уста ее прочтут.

Кораном в пятницу вино
Нам строго пить запрещено.
Но пусть отвержен будет тот,
Кто эту заповедь блюдет.
Спокойно чару пей свою —
Мы служим Богу, а не дню!

К тебе, о Неба Колесница,
Несется плач и горький стон.
Давно над смертными глумится
Неотвратимый твой закон.
О, если б грудь твою раскрыли,
Земля, Земля! Как много мы
Нашли б останков в слое пыли,
Как клад бесценный в безднах тьмы.

Кто в мир меня отправил, согласия не спросил.
Хочу ль вернуться, тоже я Им не спрошен был.
А то бы в мире праха приход мой и уход
Совсем не состоялись: я вовсе бы не жил.

Кто в чаше жизни капелькой блеснет —
Ты или я? Блеснет и пропадет!
А виночерпий жизни — миллионы
Лучистых брызг и пролил, и прольет.

Кто помнит, как немного прожить нам суждено,
Для тех печаль и радость, и боль, и смех — одно.
Полна ли жизнь страданием, лекарство ль нам
дано —
Все это так недолго, неважно... Все равно!

Кувшин мой жил когда-то, томленье страсти знал
И, раб кудрей душистых, в силке их изнывал.
У горлышка есть ручка. Она рукой была,
И ею шейку милой он нежно обвивал.

Кувшин с вином душистым мне Ты разбил, Господы!
Дверь радости и счастья мне Ты закрыл, Господы!
Ты по земле, о Боже, разлил мое вино.
Карай меня! Но пьяным не Ты ли был, Господь?

Куда ни обернешься, все чудо для очей!
Равнина стала раем, Каусаром стал ручей.
Забудь весной об аде и счастлив будь в земном
Раю с подругой милой, всех райских дев милей.

К чему грустить нам о грехах? —
Грехи отпустит нам Аллах.
Напрасна грусть твоя, Хайям,
Ведь милость и нужна лишь там,
Где есть грехи. Кто ж свят, тому
И так прощенье ни к чему.

К чему идти ты хочешь? Оставь жену, детей,
И все, что мило сердцу, и близких, и друзей.
Все устрани, что может тебя связать в пути.
Чтоб двигаться свободно, все путы рви скорей.

К чему, когда осуществленья
Желаньям нашим не дано,
И все заранее судьбой предreshено, —
К чему все замыслы, усилья и стремленья?
Мы вечно мучимся, влачась в земной пыли,
И сожаленьями мы растрavляем рану,
Со вздохом говоря: «Ах, поздно мы пришли!
Уйти придется слишком рано!»

К чему печаль нам служит? Смелее, веселись!
Неверен рок? Себе будь верен, веселись!
Весь мир ничто? Тем лучше. Вообрази скорей,
Что нет тебя. И действуй вольней, веселись!

Лишь память мне осталась от счастья прежних дней.
Опять со мною чаша, но нет былых друзей.
Смотри, чтоб не иссякла, налей ее полней —
В ней все мое богатство, запасы жизни всей.

Любви несем мы жизнь, последний дар.
Над сердцем близко занесен удар.
Но и за миг до гибели — дай губы!
О, сладостная чаша нежных чар...

Люблю тебя и слышу со всех сторон укор.
Терплю, боюсь нарушить жестокий договор.
И если жизни мало, до дня суда готов
Продлить любви глубокой и мук суровых спор.

Любовь вначале ласкова всегда.
В воспоминаньях ласкова всегда.
А любишь — боль. И с жадностью друг друга
Терзаем мы и мучаем. Всегда.

Любовь в неверном сердце не стоит ничего.
Огонь полупотухший согреет ли кого?
Кто любит, сна-покоя не знает целый век —
Ни отдыха, ни мира нет в жизни для него.

Мгновеньями он виден, чаще — скрыт.
За нашей жизнью пристально следит.
Бог — нашей дремой коротает вечность —
Сам сочиняет, ставит и — глядит...

Мечтанья — прах! Им места в мире нет
А если б даже сбылся юный бред?
Что, если б выпал снег в пустыне знойной?
Час или два лучей, и снега — нет.

Мир с пегой клячей можно бы сравнить.
А этот всадник — кем он может быть?
Ни в день, ни в ночь — он ни во что не верит.
А где же силы он берет, чтоб жить?

Мир я сравнил бы с шахматной доской —
То день, то ночь. А пешки? Мы с тобой.
Подвигают, притиснут и — побили.
И в темный ящик сунут на покой.

Мне каждый день рассудок, познавший звезд пути,
Твердит: «Минуты счастья — лови, не упусти.
Пойми же, не трава ты и, срезанный косой,
Ты не зазеленеешь, не сможешь отрасти...»

Мне лучше быть с Тобой в вертепе, в кабаке
И помышленьями заветными делиться,
Чем без Тебя, мой Бог, идти в мечеть — молиться
Без пламени в душе, но с четками в руке!

Да! Сотворивший все, что было, есть и будет!
Чтоб ни было со мной, но знай, так верю я —
Введет ли в рай за то меня рука Твоя
Иль на сожжение в аду меня осудит.

Мои заслуги точно, все до одной сочти.
Грехов же, ради Бога, десятки — пропусти.
Их ветренность раздует все адские огни.
Уж лучше, ради праха пророка, все прости.

Моя возлюбленная вновь
Дарит мне прежнюю любовь!
Дай Бог, чтоб дни ее сияли
Так долго, как мои печали!..

Единым нежным обожгла
Мгновенным взором — и ушла,
Оставив счастья обаянье...
О, верно, думала она —
Свершив добро, душа сильна,
Когда не ищет воздаянья!

Моя любовь к тебе достигла совершенства,
И как прекрасна ты, владычица моя!
Как сердце полно слов! Но в трепете блаженства
Язык мой бедный нем. Не странно ль, о друзья,
Томлюсь я жаждою, безмолвный и печальный,
А предо мной река шумит волной кристальной.

Мудрец, взрастивший в сердце росток любви живой,
Бесплодно не теряет минуты ни одной.
Благоволение ль Неба стремится он снискать, —
Земного ль ищет счастья за чашею хмельной?

Мы все — простые шашки. На клетках дней, ночей
Играет нами Небо по прихоти своей.
Мы движемся, покамест забавны для него.
Потом вернут нас в ларчик несозданных вещей.

Мы скромный хлеб и угол укромный предпочли
Роскошным яствам мира, величию земли.
Ценой души и тела купили нищету
И в ней нежданно груды сокровищ обрели.

Мы умрем, а мир наш будет
В небе странствовать всегда.
Мы ж по смерти не оставим
Здесь ни знака, ни следа.
Мы не жили во Вселенной —
Мир вращался и тогда, —
И без нас ему не будет
Ни ущерба, ни вреда.

Мы цель создания, смысл его отменный,
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира — перстень драгоценный,
А мы в том перстне — вправленный алмаз.

На блески дней, зажатые в руке,
Не купишь Тайны где-то вдалеке.
А тут и ложь, на волосок от правды,
И жизнь твоя, сама на волоске.

Надменным Небесам брось вызов горстью пыли.
И в том, чтобы тебя красавицы любили,
Миг счастья лови, ищи его в вине!
О чем тебе молить и в чем просить прощенья?
Вернулся ль хоть один — один, как исключенье
Из всех, исчезнувших в неведомой стране?

Над пьяным, над безумным ты, мудрый, не глумись.
И святостью наружной пред всеми не гордись.
Ты хочешь стать всех выше и все преодолеть?
К тому, кто пал всех ниже, с любовью склонись!

Над розами еще проходят облака,
Окутывают их фатой прозрачной тени.
Все жажду сердцем я волшебных опьянений —
Не отходи ко сну; не пробил час пока!
О, пей душа моя! В вине сверкает пламя.
И залит небосвод багряными лучами.

Над розой дымка, вьющаяся ткань —
Бежавшей ночи трепетная лань.
Над розой щек — кольцо волос душистых...
Но взор блеснул. На губках солнце —
Встань!

Назначьте свиданье, друзья!
Когда под землей буду я,
Сойдитесь в условленном месте.
Завету верны моему,
Возрадуйтесь сердцем тому,
Что дружно пируете вместе!
Когда виночерпий молодой
К вам с чашей войдет круговой,
Рубины заблещут огнями
В живительном старом вине.
Пусть каждый, вздохнувший по мне,
Пьет в память о бедном Хайяме!

Налей! Вино — целитель сердечных ран — забот.
Наперсник тех, кто знает любви печаль и гнет.
Милей его обманы и пьяные мечты,
Чем этот череп мира, нависший небосвод.

Нам говорят, что в куцах рая
Мы дивных гурий обойдем,
Себя блаженно услаждая,
Чистейшим медом и вином.
О, если то самим Предвечным
В святом раю разрешено,
То можно ль в мире скоротечном
Забуть красавиц и вино?

Наполни чаши. Бледно струится свет дневной.
Пусть, как рубин, сверкает мой кубок огневой!
Вот два куска алоэ — один послужит нам
Основой звонкой лютни и факелом — другой.

Наш мир — аллея молодая роз,
Хор соловьев и болтовня стрекоз.
А осенью? Безмолвие звезды
И мрак твоих распущенных волос.

Наш мир — поток метафор и символов узор.
Зачем же брать всерьез нам их мнимосущий
здor?
Мирись и с болью, сердце! Ее не устранить,
Ведь текст пером небесным записан с давних пор.

Не видели Венера и Луна
Земного блеска сладостней вина.
Продать вино? Хоть золото и веско,
Ошибка бедных продавцов видна.

Не дай тискам пенала себя захать, Хайям!
Ни дня в пустых заботах нельзя терять, Хайям!
Впивай же свежесть луга, стихов и милых губ —
Потом в могиле душной ты будешь спать, Хайям!

Не дрогнут веки. Ночь, я одинок.
Во тьме роняет роза лепесток.
Так — ты ушла. И горьких опьянений
Летучий бред развеян и далек.

Не знаю, не гадаю, чем наградит меня
Создатель сеней рая и адского огня.
Ценю вино, подругу, прохладу у ручья —
Наличными давай мне, в кредит не верю я.

Не лучше ли за кубком Тебе всю мысль отдать,
Чем тупо пред михрабом поклоны отбивать?
О, первый и последний! О, сущность всех существ!
Дай мне блаженства, муки, что сам захочешь дать.

Нем царь Давид! Стих жалобный псалом.
А соловей санскритским языком
Кричит: «Вина, вина! — над желтой розой. —
Пей! Алой стань, и вспыхни торжеством».

«Не пей, Хайям!..» — Ну, как им объяснить,
Что в темноте я не согласен жить.
А блеск вина и взор лукавый милой —
Вот два блестящих повода, чтоб жить.

Непобедимую в нас поселил, Господь, Ты страсть.
но Ты же — не велишь отдаться ей во власть!
и бедный род людской в большом недоуменье —
Твой дар, приказ Твой — страсть! Твое ж и
запрещение!

Ты словно повелел нам чашу наклонить,
Из содержимого ж — ни капли не пролить!

Не спрашивай меня о том, что так превратно,
О прошлом, будущем... Жизнь — ветра дуновенье.
Считай добычею бегущее мгновенье —
К чему заботиться о том, что невозвратно?

Не станет нас. А миру — хоть бы что.
Исчезнет след. А миру — хоть бы что.
Нас не было, а он — сиял и будет!
Исчезнем мы. А миру — хоть бы что.

Нет в суетной любви могучего сиянья:
Как пламя зыбкое в минуту погасанья,
Она на может дать живящего тепла!
Ее наследие — холодная зола!
Но кто божественной любовью пылает,
Ни отдыха, ни сна, ни пищи тот не знает!
В сиянье радостном взойдет ли яркий день,
Иль мир окутает чадрую ночи тень,
Несутся ль месяцы, года чредой крылатой —
Всё призрак для души, любовью объятой!

Никто из тех, что гонят из в фиников вино,
И тех, что ночь проводят в молитве — все равно,
Не знает твердо почвы. Все тонут, как в волнах.
Не спит один, а в мире все в сон погружено.

Никто на свете не проник
В начала вечного тайник.
Не мог никто ступить ни шагу
За грани личного мирка!
Я вижу: от ученика —
До тех, кто нас ведет ко благу,
Несовершенно все и вся —
Все то, что матерью зачато,
Несовершенства яд неся
От дней рассветных до заката!

Ничтожен мир, и все — ничтожно,
Что в жалком мире ты познал.
Что слышал — суетно и ложно,
И тщетно все, что ты сказал.
Ты мыслил в хижине смиренной.
О чем? К чему? — Ничтожно все.
Ты обошел концы Вселенной,
Но все пред Вечностью — ничто.

Ночь. Брызги звезд. И все они летят,
Как лепестки сиянья в темный сад.
Но сад мой пуст! А брызги золотые
Очнулись в кубке — сладостно кипят.

Ну да, я пью вино!.. И кто не слеп умом,
Кто истину, как я, уразумеет,
О, тот поймет, что перед Божеством
Поступок мой значенья не имеет.
Аллах от века знал, он знал давным-давно,
Что мне, рабу его, придется пить вино!
Его лишь оскорбить я мог бы воздержаньем —
Его предвиденье явилось бы незнаньем...

Ныне в безумстве любви, в безумном, безмерном
 волненьи
 Разум утратили мы — и тонем, горим в опьяненьи,
 Служим святыне вина в кумирне заветной своей!
 Ныне, сейчас, через миг, с восторженно-сладкою
 дрожью
 Прах бытия отряхнув — как дух, возсеемся
 к подножью
 Трона, где вечность царит в сияньи нетленных
 лучей...

О, Боже, смилуйся над сердцем, что в плену,
Над грудью смилуйся, что терпит муки ад.
Прости моим ногам, что к кабаку спешат,
Прости моим рукам, что тянутся к вину.

О, бойся тело отдавать
На пищу горю и страданиям,
Томясь слепым любостяжаньем,
Пред белым серебра сияньем,
Пред желтым золотом трепетать!
Спеши с друзьями пировать,
Пока веселья час не минет,
И теплый вздох твой не остынет.
Твои враги на пир тогда
Придут, как хищная орда!

О горе, горе сердцу, где жгучей страсти нет,
Где нет любви мучений, где грез о счастье нет.
День без любви — потерян, тусклее и серей,
Чем этот день бесплодный, и дней ненастья — нет.

Оделся мир в зеленый наряд весенних дней.
И слез ручей струится у тучки из очей.
Цветы, как руки Мусы, сребрятся среди ветвей,
И пар, дыханье Исы, восходит от полей.

Один припев у мудрости моей:
Жизнь коротка — так дай же волю ей;
Умно бывает — подстригать деревья,
Но обкарнать себя — куда глупей.

Однажды ночью, в тихом сне
Мудрец явился мне
И нежным голосом участия
Поведал: «Роза счастья
Во сне не может расцветать.
Чем смерти подражать,
Вина хлебни-ка: под землею
Наспишься вдоволь в час покоя!»

О друг, будь весел и беспечен!
День скорби будет бесконечен —
И в сочетаньи роковом,
Сойдясь на небе голубом,
Светила встретятся лучами.

Твой прах землею, кирпичами
Мгновенно станет. И из них
Дворцы построят — для других.

О, друг! Зачем пещись о тайнах бытия,
В безумии желать того, что невозможно?
Мечтой бесплодной охвачена тревожно,
Напрасно смущена зачем душа твоя?
Будь счастлив, веселись! При сотворении света
Никто ведь у тебя не спрашивал совета.

О, дух животворящий, ты, чистое вино!
От всех скорбей целенье в тебе одном дано.
Еще мне две-три чаши! Как можно говорить,
Что лучшее лекарство больным запрещено?

О, если я проник в храм твоего доверья,
То слушай — дам тебе спасительный совет.
Любовию к Тому, в чьей власти мрак и свет,
Молю, не надевай одежды лицемерья,
Плаща ханжи не надевай!
Чрез миг наш бранный мир исчезнет
в бесконечности!
Лишь вечность — без конца. Пойми ж: не продавай
За краткий миг всё царство вечности!

О, мальчик! Каждой каплей вина, пролитой в прах,
Огонь тоски залил ты в сокрытых там очах.
Хвала Аллаху! Можем и сами мы с тобой
Изгнать напитком дивным из сердца скорбь и прах.

О прелестях Эдема и гуриях твердят.
А я вино прославлю, что лозы нам дарят.
Наличность мне милее обещанных расплат.
И бубны за горами пускай других манят.

Освободись, о сердце, от плена чувств земных,
От радостей любовных, от горестей пустых!
Иди к дервишам, сердце, присядь на их порог...
И ты, быть может, станешь святым среди святых?

О сердце! Не проникнуть за тайн густой покров
Не расплести нам хитрой работы мудрецов.
Так из вина и чаши мы рай устроим свой,
Куда уж нам забраться превыше облаков!

Оставь про бесконечность и безначальность речь
И дай струе бесценной свободно в кубке течь.
Сомнений и решений мы сбросим тяжесть с плеч.
Узлы хитросплетений вино должно рассечь.

О тайнах сокровенных невеждам не кричи.
И бисер знаний ценных пред глупым не мечи.
Будь скуп в речах и прежде взгляни,
с кем говоришь.
Лелей свои надежды, но прячь от них ключи.

От веры к бунту — легкий миг один.
От правды к Тайне — легкий миг один.
Испей полнее молодость и радость
Дыханье жизни — легкий миг один.

От жилищ неверья лишь одно мгновенье
К знанию вершин.
И от тьмы сомненья к свету уверенья
Только миг один.
Познавай же сладость, краткой жизни радость,
В мимолетный час.
Жизни всей значенье — только дуновение,
Только миг для нас.

Отраднo и прохладнo в саду весенним днем.
Ланиты роз омыты живительным дождем.
Но соловей — в тревоге: пехльвийским языком
Дать бледной розе молит румяный блеск вином.

**«От ран души вином себя избавь...»
Тогда на стол все вина мира ставь.
Моя душа изранена... Все вина
Давай сюда. Но раны — мне оставь.**

Пей! И в огонь весенней кутерьмы
Бросай дырявый, темный плащ зимы.
Недлинен путь земной. А время — птица,
У птицы крылья, ты — у края тьмы.

Плакала капля воды: «Как он далек, Океан!»
Слушая каплю воды, смехом вскипел Океан.
«Разве не все мы с тобой? — капле пропел
Океан. —
Малой раздельны чертой», — капле гудел Океан...

Плодов от древа знания дано вкусить не нам,
Идущим по неверным дорогам и тропам.
Лишь края ветки гибкой коснуться можем мы,
Вчера, сегодня, завтра — как в первый день Адам.

Подобно соколу, мой дух, расправив крылья,
Из мира чудных тайн стрелою полетел —
Умчаться в высший мир хотел —
И что ж? Упал сюда, в мир праха и бессилья!
Не встретив никого, кому души тайник
До сокровеннейших извилин
Открыть бы мог, любя. Печален и бессилен,
Я выйду в ту же дверь, в которую проник.

Подобье караван-сарая —
Наш мир, в котором тьма ночная
Попеременно с днем гостит, —
Остаток пира исполинов,
Объедки сотни властелинов,
Гостеприимных, как Джемшид.

Наш мир — гигантская могила,
Что ложем смерти послужила
Могучим, грозным ста царям,
Неустрашимым, как Бөхрам.

Пока лучи заката шлет солнце с высоты
И дымкой аромата окутаны цветы,
Не спи! Тоски сердечной огонь вином туши.
Для сна есть отдых вечный средь вечной темноты.

Пока твой не смешали с гончарной глиной прах,
Пока другим не служишь ты кружкой на пирах,
Пей сам! Скорее, чаще! Про ад и рай забудь,
Нет времени нам думать о всяких пустяках.

Пока хоть искры ветер не унес,
Воспламеняй ее весельем лоз.
Пока хоть тень осталась прежней силы,
Распутывай узлы душистых кос!

Послушай слов Хайяма про самый верный путь.
Нарушь посты, молитву, зато хоть чем-нибудь
Ты помоги другому, будь плох он, будь он пьян.
Пей сам, грабь по дорогам, но только добрым будь!

Поток времен свиреп, везде угроза.
Я уязвлен и жду все новых ран.
В саду существ я сжавшаяся роза,
Облито сердце кровью, как тюльпан.

Пренебреги законом, молитвой и постом.
Зато делись, чем можешь, с голодным бедняком.
Будь добр... Твоя награда, я сам порукой в том,
Теперь вино земное, небесный рай — потом.

Придя в кабаk обратно, мы все — еще пьяней.
С молитвой пятикратной простились мы, Бог с ней!
И к фляжке длинношей, где булькает вино,
Вытягиваем шеи все мы — еще длинней.

Промчались жизни беззаботной
Дни, роком данные в удел.
Как будто ветер мимолетный
По полю жизни пролетел.
О чем скорбеть? Клянусь дыханьем,
Есть в жизни два ничтожных дня:
День, ставший мне воспоминаньем,
И — не наставший для меня.

Противоядые скорби, рубин целебных лоз
Душист, как мускус черный, и ал, как пурпур роз.
Подай вина и лютню. И обезвредим мы
Смертельный яд печали, отраву едких слез.

Прощаясь с морскими волнами
Как будто пред долгой разлукой,
Заплакала капля, а море
Смеялось над детскою мукой:
«Не плачь! я везде во Вселенной
Питаю озера и реки,
Ты после разлуки мгновенной
Вновь будешь со мною навеки».

Пусть будет мне судьбою покой и отдых дан,
Запас вина и хлеба и звучных строк диван,
Я в хижине с подругой, румяной, как тюльпан,
Узнаю больше счастья, чем во дворце султан.

Пусть вечно в чаше плещет напиток золотой.
Пусть вечно в сердце блещет твой образ молодой!
Бог не дал благодати раскаянья и слез.
Да я б не мог и взять их! На что мне дар такой?

Пусть колесо судьбы мне мира не дает —
Ну что же! Я готов сейчас идти войною!
Пусть доброй славою бессмысленный народ
Меня не наградил — позор зато со мною.
Все прочее — слова!

Вот кубок, и в вине горит рубина пламень —
Ведь у непьющего найдется голова,
А у меня найдется — камень...

Пью разноцветное вино
И слышу я то здесь, то там:
«Не пей вина, не пей. Хайям,
Ведь враг религии оно!»
О, если так, я вам клянусь,
О, если веры враг вино —
Я кровью вражеской упьюсь,
Так по закону быть должно!

Рабы аастывших формул осмыслить жизнь хотят.
Их споры мертвечиной и плесенью разят.
Ты пей вино; оставь им незрелый виноград.
Оскомину суждений, сухой изюм цитат.

Развеселись. В плен не поймать ручья?
Зато ласкает беглая струя.
Нет в женщинах и в жизни постоянства? —
Зато, бывает, очередь твоя!

Раскаянья обеты забыли мы теперь.
И наглухо закрыли для доброй славы дверь.
Мы вне себя. За это нас не осуждай —
Вином любви мы пьяны, не лоз вином — поверь!

Расцвела сегодня пышно
Роза счастья твоего!
Где же чаша? Чаши в руку
Не берешь ты — отчего?

Время — враг наш беспощадный.
Друг мой милый, пей вино.
День отрадный, как сегодня,
Снова встретить — мудрено!

Рожденье наше миру красы не придает,
И наша смерть Вселенной вреда не принесет.
Я никого не встретил, кто мог бы мне сказать —
Кому, зачем был нужен приход наш и уход...

Росинки на тюльпане — жемчужины цветка.
Свои головки клонят фиалки цветника.
Но как соблазна полон душистых роз бутон,
Что прячется стыдливо в одежд своих шелка!

Рубин огромный солнца засиял,
В моем вине — заря. Возьми сандал.
Один кусок — певучей лютней сделай,
Другой — зажги, чтоб мир благоухал.

Свершить здесь омовенье ты можешь лишь вином,
А им не смыть порухи на имени твоём.
Да что там! Покрывало воздержности святой
В лохмотья изодрались, и дыр мы не зашьём.

Светила ночи в высях сверкающих «домов»
Своим движеньем с толку сбивают мудрецов.
Держись за нить рассудка — он там нас проведет,
Где головы кружатся других проводников.

Сегодня возвратилась мне свежесть юных дней.
Подай живее чашу — вино и радость в ней.
Пусть будет даже горько на вкус твое вино,
Я выпью — вкус такой же и жизни всей моей.

Сегодня оргия, с моей женой —
Бесплодной дочкой мудрости пустой —
Я развожусь, друзья, и я в восторге.
И я женюсь на дочке лоз простой.

Скажи, ты знаешь ли, зачем петух дворовый
С рассветом дня, с зарею новой
Горланит часто, каждый миг?
И отчего печален этот крик?

Петух кричит тебе, что в зеркале рассвета
Ночь уходящую его завидел взор,
Что безвозвратна полночь эта,
А ты — такой же все невежда до сих пор.

Скажи, ты знаешь ли за что в устах народных
Лилея, кипарис название благородных
Стяжали с давних пор?
Для люда грешного их воздержанье — диво:
Ей десять языков дано и — молчалива!
А у него сто рук, и он их — не простер

Скинь ризы показные! Не поступай, как тот,
Кто платье покупает, а тело — продает.
Рогожею прикройся. И вот под ней тебя
Неведомая миру порфира облечет.

Сковал нам руки темный обруч дней —
Дней без вины, без помыслов о ней...
Скупое Время и за них взымает
Всю цену полных, настоящих дней.

Слаб человек, судьбы неверный раб,
Изобличенный и бесстыдный раб!
Особенно в любви. Я сам, я первый,
Всегда неверен и ко многим — слаб.

Смотри: кружась, садятся с лиловой высоты
Бутонами жасмина снежинки на цветы.
Из лилий-кубков льется вино, алее роз.
А облака-фиалки шлют белые цветы.

Снеся в кабак одежды, мы бражничаем в нем,
Теряя и надежды, и страх пред Судным днем.
Тела, сердца и души вознесены вином
Над воздухом, землею, водою и огнем.

Сосуд веселья, сердце, печалью не разбей.
Не сыпь крупинок счастья под жернова скорбей.
Никто сказать не может, что будет впереди.
Так лучше беззаботно живи, люби и пей!

Сосуда кровью чистой и алой, как тюльпан,
Из горлышка кувшина наполни свой стакан.
Нет друга с чистым сердцем и чистою душой,
Как влага из кувшина, что мне судьбою дан.

С собой в борьбе упорной всегда я. Как мне быть?
Печали непритворной я полон. Как мне быть?
Ты милосерд. Позорный ты снимешь груз грехов.
Но с памятью тлетворной о прошлом —
как мне быть?

Стеклянный кубок полон вина живой игрой.
И стал подобен телу с кипучею душой.
Кто грузен, вял, недвижим, тот недостоин нас.
Но этот грузный кубок теперь нам не чужой.

Стихий четыре. Чувств, как будто, пять.
И сто загадок... Стоит ли считать?
Сыграй на лютне. Ропот лютни сладок
В нем ветер жизни мастер опьянять.

Стряхнув одежду праха, о дух свободный мой,
Ты в Небо вознесешься, сверкая наготой.
Но как же, неприкрытый, воссядешь там на трон,
Здесь не покинув мерки пристойности земной?

Судьба меня растопчет тяжелою пятой
И птицу-жизнь ошиплет безжалостной рукой.
Но вы кувшин слепите из праха моего
И жизнь в нем воскресите вина струей живой.

Твердят нам лицемеры: то — тело, это — дух.
Не признают единства нигде субстанций двух.
Вину с душой не слиться? Да будь все это так,
Давно б всадил в свой череп я гребень, как петух.

Тебе престол Хосроев судили звезды, шах!
Был царский конь оседлан заране в небесах.
Из золота отлиты подковы у него —
Где ступит конь копытом, там золотится прах.

То сокровенен Ты, невидим никому,
То открываешься в твореньях, как Зиждитель.
Но нет сомнения! Себе лишь самому
В утеху Ты творишь созданий чудных тьму.
Ты — сущность зрелища и вместе сам Ты —
зритель!

Ты благ, Аллах наш, но зачем
Не вводишь грешников в Эдем?
В чем видим благодать мы Твою? —
В том, что безгрешные в раю.
Тут справедливость лишь видна,
Но милость, милость — где ж она?

Ты весь мир обежал. Все, что ты увидал, есть ничто.
Все, что видел кругом, все, что слышал кругом,
есть ничто.
Ты весь мир обошел — что ж ты в мире нашел?
О, ничто.
Ты вошел в свой покой, в домик маленький твой,
он — ничто.

Ты видел землю. Что земля? Ничто!
Наука — слов пустое решето.
Семь климатов перемены — все то же.
Итог неустомленных дум — ничто.

Ты — воин с сетью. Уловляй сердца.
Кувшин вина — и в тень у деревца.
Ручей поет: «Умрешь и станешь глиной.
Дан ненадолго лунный блеск лица».

Ты льешь щедроты, Небо, на весь негодный люд.
В их мельницы и бани арыки все текут.
А добрый — голодает. Ну, кто ж хоть фигу даст
За все благодаянья, что от Тебя идут?

**Ты не оди несчастлив. Не гневи
Упорством Небо. Силы obnovи
На молодой груди упруго-нежной.
Найдешь восторг. И не ищи любви.**

Ты обойден наградой. Позабудь.
Дни вереницей мчатся. Позабудь.
Небрежен ветер: в вечной Книге Жизни
Мог и не той страницей шевельнуть.

Ты опьянел — и радуйся, Хайям!
Ты полюбил — и радуйся, Хайям!
Придет ничто, прикончит эти бредни.
Еще ты жив — и радуйся, Хайям!

Убаюкан тщетною надеждой,
Разметал я на ветер полжизни.
Но ни дня безоблачного счастья
Не познал в земной своей отчизне.

И теперь живу под гнетом страха.
Я боюсь, что время, время злое,
Уловить мне случай помешает —
Увенчать наградой хоть бывшее...

Уж лучше пить и красотой
Тюльпаноликих наслаждаться,
Чем лицемерным быть ханжой
И в благочестьи упражняться.
Ведь, если, скажешь, в ад пойдет
И упоенный, и влюбленный,
То в рай уже никто рожденный,
Никто из смертных не войдет.

Уж мне плащом приличий кувшина не прикрыть.
И я до самой смерти не перестану пить.
Нелепые расчеты у продавца вина —
Ну, что ценнее, лучше он думает купить?

Узор изменчивый загадочной природы
Ты разъяснить просил. И тайны бытия.
Но чтобы правду всю поведать, нужны годы —
И буду краток я.

Наш мир — что марево. Чудесную картинку
Подъемлет лоно вод. И, зыблясь, как туман,
Чрез миг опять она падет в свою пучину,
В бездонный океан.

Укройте меня под землю,
Когда успокоюсь навек.
Не ставьте камней надо мною,
Чтоб помнил меня человек.
Но прах мой, ту бrenную глину
Смешайте с душистым вином,
Слепите кирпич, и кувшину
Послужит он крышкой потом.

Умерь желания и жажду бранных благ,
Коль счастья хочешь ты, сумей порвать оковы,
Которыми тебя опутал свет суровый,
С земным добром иль злом связав твой
каждый шаг...
Живи, довольный всем: спокойное движенье
Сияющих небес прерваться не должно
А в нашей жизни суждено
Исчезнуть в вечности, мелькнувши на мгновенье...

Умчалась юность, беглая весна,
К подземным царствам в ореоле сна.
Как чудо-птица, с ласковым коварством.
Вилась, сияла здесь — и не видна.

**Хайям, за прегрешенье печалью платишь ты.
В бесплодном сокрушеньи все дни потратишь ты.
А милость и прощенье для тех, кто нагрешил.
Нет без греха спасенья. О чем же плачешь ты?**

Хайям, наполни чашу пьяней и — веселись!
Подруги лик тюльпанов алее — веселись.
Тебя не будет скоро? Так ты реши сейчас,
Что нет тебя. И действуй смелее — веселись.

Хайям, Хайям! Твой жалкий прах
Подобен трепетной палатке.
В ней дух царит, как падишах,
Но дни его царенья кратки.

Они ведут в небытию,
Его последнему приюту.
Едва успеет он свою
Палатку бросить, — чрез минуту

Ферраши смерти прибегут
И все разрушат, все сорвут,
Чтоб средь песков пути иного
Создать разрушенное снова.

Хоть жемчуг должного тебе повиновенья
Я не нанизывал на нити поведенья
И сердца не влачил я в прахе ног твоих,
Я чужд отчаянья и верю: будет миг,
Приду к подножию божественного трона
И буду принят я на милосердья лоно,
И буду мил тебе — ведь я всю жизнь молчал,
Ведь жалобами я тебе не докучал!

Хоть Коран и почитают
Откровением святым,
Но не все его читают,
И не все анакомы с ним.
А вот есть слова на чаше,
Что сплелися в ясный стих, —
За пирушкой взоры ваши
Каждый раз читают их.

Хоть лет тебе считают за шестьдесят — пускай!
Как встарь, вино пей смело и хмвя не скрывай.
Пока еще твой череп не глиняный кувшин,
Кувшина с плеч и чаши из рук не выпускай.

Хоть превзойди наставников умом,
Останешься блаженным простаком.
Наш ум, как воду, льют во все кувшины.
Его, как дым, гоняют ветерком.

Хотя стройнее тополя мой стан,
Хотя и щеки — огненный тюльпан,
Но для чего художник своенравный
Ввел тень мою в свой пестрый балаган?

Художник твой взял краски у розы полевой.
У идолов Китая — весь нежный облик твой.
Шах Вавилона, встретив вчера твой нежный взор,
Стал шахматной фигурой и в плен был взят тобой.

**«Что каяться?» — решило Предвечное *вчера*. —
Чтобы *сегодня* этак ты поступал с утра?»
Решать, чем будешь завтра, бесплодная игра.
Все «завтра» жизни нашей наметило «вчера»...**

Что мне блаженства райские — *потом*?
Прошу *сейчас* — наличными, вином.
В кредит — не верю. И на что мне слава —
Под самым ухом барабанный бой?

Что там, за ветхой занавеской Тьмы?
В гаданиях запутались умы.
Когда же с треском лопнет занавеска,
Увидим все, как ошибались мы.

Чье сердце благодати лучом озарено,
Невидимым лучом невидимого Бога,
Где б ни был сердца храм — мечеть иль синагога,
Где б ни молился тот, чье имя внесено
В скрижали истины, в любви святую книгу, —
Он чужд волнения, он недоступен игу,
И не страшит его кромешный, жгучий ад,
И не пленяет рай, исполненный услад!

Шиповник алый нежен. Ты нежней.
Китайский идол пышен. Ты пышней.
Слаб шахматный король пред королевой.
Но я, глупец, перед тобой слабей.

Этот ценный рубин из особого здесь рудника
Этот жемчуг единственный светит особой печатью
И загадка любви непонятной полна благодатью.
И она для разгадки особого ждет языка.

Я буду пить, умру без страха
И, хмельный, лягу под землей.
И аромат вина из праха
Взойдет и встанет надо мной.
Придет к могиле — опьяненный,
И запах старого вина
Вдохнет и вдруг, как пораженный.
Падет, упившись допьяна.

Я вымел бороною пороги кабаков,
С добром и злом простился в пределах двух
миров.
Вкатись они вдруг оба, когда два мяча, в мой двор,
Тогда б я не оставил блаженства пьяных снов!

Я непокорный раб... Где ж, воля, власть твоя?
Душа моя черна, объята мглой порока...
Где ж свет дающее всевидящее око?
О, если ты нам рай, всесильный наш судья,
Даешь за то, что мы блюдем твои веленья,
Ты выполняешь долг — и больше ничего!
Где ж милосердие, свет лика твоего,
Куда ж девается твое благоволение?

Я сам в посудной лавке подслушал вечерком,
Как там горшки на полках беседуют тайком.
Один спросил соседей, кто делал, покупал,
Кто торговал горшками, пока стал сам горшком.

Я снова молод. Алое вино,
Дай радости душе. А заодно
Дай горечи — и терпкой, и душистой.
Жизнь — горькое и пьяное вино.

Я у вина, что ива у ручья.
Поит мой корень пенная струя.
Так Бог судил. О чем-нибудь Он думал.
И брось я пить Его подвел бы я...

Я целый день вину хвалебный гимн пою.
Веселия лозой обвил я жизнь свою
О, доблестный ханжа! Вудь счастлив убежденьем
Что мудрости самой ты внемлешь порученьям.
Но знай, по крайности, что мудрость, ментор твой,
Ничтожный школьник предо мной!

Саади

Газели и отрывки

1

Серебряный тополь... Средь луга — идешь ты.
Неверная, злая, без друга — идешь ты.
Такая ты въявь или снишься такой?
Как весело, стройно, упруго идешь ты!
Пугливые пери бегут от людей.
Как пери мила, без испуга идешь ты.
Ты зрелища хочешь? Гляди ж на себя.
На лучшее разве, подруга, идешь ты?
Пошел бы с тобою, да люди забьют
Тревогу. От шумного круга — уйдешь ты.
Скажи, пожалеешь меня иль уйдешь?
Присядешь на миг иль от друга уйдешь ты?
Я власти твоей покорился давно.
Куда еще грабить жестоко идешь ты?
Пройти по глазам ли захочешь моим —
Глаза подставляю, лишь только идешь ты.
Бранишь ты меня — рвусь я ближе к тебе.
Молюсь на тебя, но далеко идешь ты.
Нигде от тебя не спасутся сердца.
Взяв город, захватывать округ идешь ты.
Иди, хоть уходит из сердца покой.
Пленительно, друг черноокий, идешь ты!
С тобою и сердце? и взор Саади —
Не думай же, что одиноко — идешь ты.

★

Хотя бы попалося и много
Красавиц тебе на пути,
Взгляни — и своею дорогой
Спеши равнодушно пройти.

Вращайся во всяком народе,
Со всеми смеясь без забот.
Но сердце держи на свободе —
Иль горе с любовью придет.

Атласам, шелкам, как новинке,
Дивиться ты можешь подчас.
Но помни притом, что на рынке
Нередки ни шелк, ни атлас.

Как конь или мул, тот подвижен,
Кто к странствиям вольным привык.
Не слеп он, не глух, не унижен,
Как жернова двигатель, плуг!

Свободному мало охоты
В оковы дать тело свое.
Беспечный — зачем на заботы
Спокойное сменит житье?

2

Я не знал того сначала, что моя подруга — злая.
Лучше не ковать союза, чем потом ломать, играя.
На меня друзья в обиде, что тебе я сердце отдал.
А с тебя не спросят — что же ты прелестная такая?
Кто нам набожно бормочет: «Ай, подальше
от красавиц!» —
Понапрасну он хлопочет — наша мысль о том —
иная.
Подыми покров: чужому все равно тебя не видеть.
В малом зеркале не можешь отразиться ты,
большая.
За кольцо дверей заветных не дает соперник
взяться.
Разве нищим забрести мне в твой квартал,
гроши сбирая?
Пытки страсти, жизнь дервиша, град насмешек,
яд злоречья —
Все стерплю, но дней разлуки я не вынесу, родная.
Грезил я: придет подруга, муки сердца расскажу ей.
Что рассказывать? Тыходишь и уходит боль былая.
Надо вынести украдкой, погасить огонь докучный —
Не увидели б соседи, что со мною, дорогая.
Но гасить огонь — что пользы, от соперников
скрываясь.
Выдает лицо любимой, свет лучистый разливая.
Саади на волю рваться из твоих оков — не стоит.
Знает он: в цепях у милой слаще воли, слаще рая.

★

Слугою ты стал у подруги,
Она же — не ценит тебя.
К чему предлагать ей услуги,
Души своей цену губя?

Блажен, кто в ночную лишь пору
Лелеет ее на груди.
И, верность блюдя к уговору,
На утро ей скажет: «Иди!»

А если у милой в неволе
Ты стонешь, без пользы любя,
Ты сам виноват в своей доле,
Взвалив тяготу на себя.

Когда по рукой моей груди
Плодов, и все сладких, как мед, —
Сажать ли мне зелье, откуда
Лишь горький рождается плод?

Подруга ли радостна будет,
А я — удручен и угрюм?
Ее ли печаль не разбудит,
А я — не засну из-за дум?

Попавшийся в сети любезник
Находит двойник себе в том,
Кого на аркане наездник
Влечет за собою пешком...

Я взял бы любовь не на время,
Чтоб ноше посбавили мне.
Не барин мне нужен, чье бремя
Таскал бы я век на спине.

1

*

Как милая ступит из круга
Велений взаимной любви —
Она уж тебе не подруга,
И с нею ты связь — разорви.

Чье сердце меня не жалело
В дни страха и скорби моей —
Какое быть может мне дело
До страхов его и скорбей?

И если мне друг мой бесстыдно
Обиды чинит, что ни шаг,
Откуда мне может быть видно,
Кто друг и кто лютый мой враг?

А если любовница хочет
Казаться твоею рабой,
То знай, что тебя лишь морочит,
В душе потешаясь тобой.

Что значат ее все приветы?
Ловец то готовит силок.
Что значат мольбы и советы?
Вор метит на твой кошелек.

В любовь неизменную веря,
Не траться, чтоб не было бед.
Грозит тебе денег потеря,
А милой простынет и след.

Мгновенный восторг не покроет
Страданья бесчисленных дней.
Пирушка ночная не стоит
Похмелья наутро за ней.

4

На заре распутившейся розе сказал соловей:
«Здесь красавиц немало — гляди же скромней!»
Рассмеялась роза: «Сердиться за правду — грешно.
Но жесткое слово кто ж молвит любимой своей?»

Из «Бустана»

ВВЕДЕНИЕ

Во имя создавшего душу Творца,
В уста нам вложившего речь мудреца!
Он нам прегрешенья прощает и нам
Во всем помогает и внимлет мольбам.
Кто лик свой от Божьих дверей отвернет,
Куда он пойдет, где найдет он почет?
Могуществом горды цари всей земли,
Пред Богом смиренно простерты в пыли.
Кичливых наказывать он не спешит
И тех, кто покался, он не казнит,
Грехи покрывая прощеньем своим.
Господне всеведение — море. Пред ним
Лишь капля — и тот мир грядущий, и сей.
Прогневал ты Бога, покайся скорей —
Помилован будешь...

★

Я много скитался в пределах мирских,
И много я видел народов земных.
Отвсюду я пользу себе извлекал —
На каждом жнивье колосок подбирал...
«В подарок друзьям, — я сказал себе тут, —
Египетский сахар обычно везут.
Из стран сих цветущих ужели я сам
С пустыми руками приеду к друзьям?

Коль сахара нету в деснице моей,
 Да будут слова мои слаще страстей...»
 Не тот это сахар, что можем мы есть,
 Но сахар сей в мудрых писаниях есть.
 Построил дворец я для счастья людей
 И десять в нем сделал для входа дверей.
 Забота о подданных, мудрость в делах—
 Вход первый; вторая же дверь, иль глава, —
 Чтоб щедро платить за добро Божества;
 А третья глава — упоенье любви;
 Четвертая — скромность; покорность — затем.
 Шестая — довольство, хотя бы ничем;
 В седьмой — воспитанье, что нужно юнцу;
 В восьмой — благодарность Благому Творцу;
 В девятой главе — покаянье; и чтец
 В десятой, последней, обрящет конец...
 На страшном суде, ради добрых сердец,
 Я слышал, помилует грешных Творец.
 Читатель, об этом прошу, не забудь.
 Читая, ко мне снисходителен будь...
 В чужой стороне мои недостатки прощаются мне.
 В розарий пришел я с охапкою роз,
 Я в Индию перец зачем-то привез.
 Стихи мои будто бы финик. Смотри —
 Снаружи хоть сладко, костяшка — внутри.

О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРАВИЛАХ МИРОВЛАСТИЯ

Из главы I

Язык славословий — зачем он, зачем?
 Щедроты царя не измерить ничем!
 Сей царь для несчастных и бедных оплот.
 При нем благоденствует в мире народ.
 Ты лета его, о Создатель, продли —

Пусть верой и правдой царит на земли.
Да будет надежд его древо в плодах,
Да будет он здоров и удачлив в делах.
Ты льстивых словес, Саади, не готовь,
Ведь искренность в сердце твоём и любовь.
Царь — путник, а ты как вожатый ступай.
Глаголь ему истину — внимлет пускай!
Одобрит ли этот порядок мудрец —
Пастух отдыхает, а волк меж овец?
Для подданных будь ты оплот и заслон,
Ведь держится ими венец твой и трон.
Они точно корень, а дерево — шах,
Ослаблены корни — нет сил в деревьях.
Не рань им сердца, не глумись над людьми.
Коль ранишь — свой корень ты ранишь.
На праведный путь, если хочешь шагнуть,
Лежит меж надеждой и страхом тот путь.
И каждый, кто в эту дорогу спешит,
К добру он стремится, пред злом не дрожит.
Меж этими чувствами душу деля,
Цари, — благоденствовать будет земля!

*

Коль раб ты смиренный, склонись у дверей,
С главы своей скинув корону царей.
Порфиру долой, коль молитву творишь.
Стенай в исступленной борьбе, как дервиш.
Смиренно моли пред чертогом Творца,
Как будто бы нищий у двери купца:
«Всевластен лишь ты, помыслитель Господь,
Могучий, питающий слабую плоть!
Не царь, издающий закон, пред тобой,
Но нищий смиренно склонен пред тобой.
Что сделают руки мои, царь царей,
Коль мне не поможешь рукою своей?
К добру мне, о Господи, доступ открой,

Чтоб к людям я мог отнестись с добротой».
Коль днем государство делами вершишь,
В ночи иступленно молись, как дервиш.
Пред дверью твоею вельможи и знать —
Пред Богом главу продолжай преклонять.
О, счастье рабам, если их падишах
Пред Господом рабски склонился во прах.

ПРИТЧА

Вот притча, что нам рассказали без лжи
Ревнители веры и правды мужи.
Мудрец раз на барса воссел и на нем,
Змею взявши в руки, поехал верхом.
Тут некто воскликнул: «Друг Божий, скажи,
Сего как достиг ты? И путь укажи!
Как хищник тебе подчинился во всем?
Ужель овладел ты волшебным кольцом?»
Ответил: «Не диво, что эти в плену!
Могу приказать и орлу, и слону.
И если завидна подобная власть,
¶Пред Богом ты должен смиренно упасть.
Ему подчинившись во всем до конца,
Обращаешь охрану и помощь Творца».
Господь своего боголюбца слугу
Ужели предаст на потеху врагу?
Вот истины путь впереди пред тобой.
Найдешь все, что хочешь, пойдя той тропой.
К советам С'ади коль внимателен ты,
Найдешь исполнение желанной мечты!
Так сыну Хормизду сказал Нуширвал —
«Ты слабым и бедным защитником будь,
О счастье своем и покое — забудь!»

РАССКАЗ

В тот же час как навеки глаза закрывал,
Хосров к Шируйэ, перед смертью, воззвал —
«Какой бы ты замысел ни возымел,
Подумай о подданных прежде всех дел.
Ты будь правосуден, дела свои взвесь,
Не то опустеют и нива, и весь.
Народ убежит от тирана-царя,
Повсюду лишь злое о нем говоря.
В основу всех дел если зло ты кладешь,
Свой корень подрежешь, плода не сберешь.
Не столь разрушительны войны, ей-ей,
Как матери слезы, лишенной детей,
И светоч, возженный обидою вдов,
Немало, ты знаешь, пожег городов.
Но ежели правдой царит падишах,
Всегда он пребудет удачлив в делах.
Когда же почует он в бозе, народ
Молитвы свои на погост принесет.
Конец одинаков и добрым, и злым.
Все ж лучше добром коль помянут одним.
Кто богобоязен, того назначай
На должность — он ладно устроит весь край.
Кто подать собирает, обиды творя,
Людей угнетатель и недруг царя.
Главенство, от коего руки взнесло
В мольбе население — ужасное зло.
Кто доброе сеет — добро его плод.
Кто злое посеет — злодейство пожнет.
Легко угнетателей, царь, не карай,
Исторгнуты плевелы будут пускай.
Пусть сих кровопийц не жалеет твой суд,
С их жирного тела пусть кожу сдерут.
Пусть вовремя волка постигнет конец,
Чтоб он не терзал беззащитных овец».

ПРИТЧА

Однажды, со всех угрожая сторон,
Купца обступили разбойники... Он
Вскричал: «Если дерзок разбойник и тать,
То шахское воинство — бабам подстать!»

Ах, если властитель купечеству враг,
Народ свой и войско лишает он благ.
Придет ли разумный торговец туда,
Откуда грозит для торговли беда?
Властитель, чтоб доброе имя снискать,
Обязан купцов и послов охранять.
Властитель, получше послов принимай —
Тебя по Вселенной прославят пускай.
Беда угрожает стране, если там
Обиды чинят чужестранным гостям.
Найдут чужестранцы привет и приют —
И добрую молвь о тебе разнесут.
С гостями будь ласков, с посланцами — мил,
Смотри, чтоб никто их обидеть не мнил.
Но все ж не бросай осторожности: вдруг
Врагом твоим станет, кто с виду был друг.
Зато от сподвижников старых не жди
Отнюдь вероломства, но их награди;
И если из них устарел кто-нибудь,
Смотри, о заслугах его не забудь
Коль верный сановник беспомощно стар,
За верную службу да примет он дар.

РАССКАЗ

Я слышал, что сделался скорбен и хмур,
Приказ о смещенье услышав, Шапур.
Увидев, что стал он и беден, и мал,
К Хосрову такое письмо написал.
«Я службе твоей отдал младости дни,

Теперь же меня, старика, не гони!»
Коль сеет раздоры чужак, мой совет —
Изгнать, но казнить не советую, нет!
Коль ты пощадишь его, ведай, ты прав.
Ему злейший враг его злобный нрав.
Но если из Персии родом смутьян,
Его не гони ты ни в Рум, ни в Сан'ан,
Но здесь же примерно его накажи —
Зачем на других насыпать мятежи?
Ведь скажут: не плох ли в стране той закон,
Откуда выходят такие, как он?
Людей обеспеченных ставь к должностям,
Ведь нищий не ведает страха к царям.
И коль сей чиновник виновен, опричь
Стенаний, тебе ничего не достичь.
Коль заподозришь чиновника в чем,
Пусть будет всегда наблюдатель при нем.
А если поладят они меж собой,
Пусть места лишатся и тот, и другой.
Пред Богом трепещет чиновник пускай,
Тебя коль боится — не верен он, знай.
Пусть казнь иль изгнание его не страшат
Пускай вспоминает почаще он ад.
Расследуй все сам, проверяй все счета —
Ведь честен, пожалуй, единый из ста.
И в местность одну сослуживцев-друзей
Двоих назначать не моги, царь царей!
Как знать, вдруг случится один из них — тать,
Другой же начнет воровство покрывать.
Когда ж у воров недоверье к ворам,
Спокойно идет караван по дворам.
Коль ты у чиновника должность отнял,
Не надо карать, если грех его мал.
Ведь лучше не рвать упования нить,
Чем тысяче узников цепи разбить.
Смещенный не должен надежду терять
На то, что доверье найдет он опять.
Разгневан ты ежели, помни — царей

Таков же ведь гнев, как отца на детей,
Который, сперва наказавши кнутом.
Утешит и слезы осушит потом.
Коль мягок ты, враг твой подумает — слаб.
А если жесток ты — бунтует и раб.
Смешай оба свойства в себе. Как врачи,
Сначала разрежь, а потом залечи.
Будь щедр, благосклонен. Приняв благодать
От Бога, ты должен народу воздать.
Лишь тот не исчез в этом мире земном,
Чье имя народ поминает добром.
Бесследно тому не дано умереть,
Кто строил гостиницы, мост иль мечеть.
Но здесь не оставивши добрых следов
Не будет достоин загробных псалмов.
Итак, если вечности хочешь, свои
Заслуги, о царь, пред людьми не таи!
В историю вступи, в случившемся встарь
Прочтешь, что случится с тобой, государь.
Желали, любили, сменялись цари,
В конце же концов все скончались, смотри!
Но добрая память — наследье одних,
Навеки проклятье — наследие злых.
Доносам не верь, а услышишь донос,
До самых глубин разбери сей вопрос.
Да будет виновный тобой пощажен,
Пощады коль просит и кается он.
За первый проступок — велик он иль мал —
Не нужно, чтоб жизни его ты лишал.
Коль снова грешит он, внушенья поправ,
Да будет ему заключение и штраф.
А если его не исправишь ничем,
Негодный сей плевел исторгни совсем.
Коль хочешь карать ты чью-либо вину,
Последствия взвесь, загляни в глубину.
Рубин бедехшанский нетрудно разбить.
Разбитый, попробуй-ка снова склеить!»

ОКЛЕВЕТАННЫЙ МИНИСТР

Скитаясь по свету, один человек
Однажды в Омане спустился на брег.
Он греков, арабов и турок видал,
Везде он познания себе собирал.
Весь мир он скитаньями избороздил,
В знакомствах познания и опыт копил.
Он видом был крепок, как дуб, но притом
Был вовсе без средств, в затрудненье большом.
Заплаты на платье его там и тут,
От горя душа истлевала, как трут.
Великим царем управлялась земля,
Где он очутился, сойдя с корабля.
Заботясь о доброй молве, этот шах
Имел попечение о всех бедняках.
Скитальца приветили, в баню свели
(Дорогой он был утомлен и — в пыли).
И вот пред царем очутился бедняк
И, руки скрестив (уважения знак),
Направив смиренно к престолу стопы
(То мудрость вступает на счастья тропы).
«Откуда пришел ты? — спросил падишах. —
Зачем очутился ты в наших местах?
О мудрый, что видел, поведай ты мне
Дурного иль доброго в нашей стране?»
Скиталец ответил ему: «Падишах,
Создатель тебе да поможет в делах!
В твоём государстве не видел нигде
Я сердца, попавшего в лапы к беде,
Не признак ли мудрости царской, когда
В стране не отыщешь насилья следа?
Не видел я пьянством вскруженных голов,
Но много разрушенных зрел кабаков».
Так молвил наш странник, как будто бы он
Разбрасывал перлы. Был царь восхищен.
И, словно прекрасное выслушать рад,

Скитальцу пожаловал много наград —
И перлов и множества злата... Потом
Подробно его расспросил обо всем.
Скиталец так мудро о всем говорил,
Что стал для царя он всех более мил.
И царь во внимание к свойствам таким
Решил его сделать визирем своим.
«Однако спешить в этом деле не след —
Ведь будут сменяться и двор, и совет.
Сначала его испытаю, а там
По мере заслуг возведу по чинам.
Кто, опыт отринув, делами вершит —
В грядущем немало увидит обид.
Когда приговор был обдуман и здрав,
Судье правоведов не стыдно: он — прав.
Заранее думай: спустивши стрелу,
Не сможешь потом воспрепятствовать злу.
Ведь даже Иосиф при славе своей
Не сразу высоких достиг степеней.
Немалое время потребно, чтоб в суть
Души человека ты мог заглянуть».
Так думал властитель. И вот, испытав,
Одобрил он ум незнакомца и нрав.
Нашел, что он честен и ясен умом,
И, чтя в нем величие умственных сил,
Над главным министром его посадил.
И новый вельможа, приняв сей почет,
Сумел успокоить правленьем народ.
Страну подчинил он указам своим,
Ни в ком недовольство не вызвавши сим.
Напрасно б хотел зложелатель-смутьян
Найти в сем визире единый изъян.
Пускай муравьи, напрягаясь, грызут,
Вотще — никогда не прокусят сосуд!
Имел при себе властелин двух рабов,
Двух солнцеподобных прелестных юнцов,
Подобных двум гуриям или пери.
Их двое, и главных светил ведь не три.

Так схожи, что будто лицо здесь одно,
Другое же в зеркале отражено.
На эти прелестные два существа
Имели влиянье скитальца слова.
Когда ж они цену узнали уму
И нраву его, привязались к нему.
Тогда возымел к ним наклонность и он.
Но чужд был сей склонности грязный уклон.
Спокойствие в душу себе проливал
Он, глядя на чистый и нежный овал.
Коль хочешь, чтоб сан твой остался высок,
Земным обольщениям останься далек.
Невинную, чистую чувствуя страсть,
Все ж бойся, сановник иль мудрый, упасть.
Проведал об этом смещенный министр,
К царю побежал он, злораден и быстр.
«Вот этот, не знаю, ну, как его там?
Почтенья не ведает к нашим местам.
Бродяги всегда беззастенчивы. Их,
Ну, можно ль когда променять на своих?
Сей плотоугодник, к измене клонясь,
Имеет с рабами преступную связь.
Ужели возможно, чтоб этот наглец
Распутством грязнил падишаха дворец?
Раскрыть непотребство священная цель —
Я царскую милость забуду ужель?
С одним подозреньем являться не след,
Но разве у нас доказательства нет?
Один из придворных увидел, как он
В объятьях сжимает юнца, распален.
Я правду сказал, а теперь падишах
Пускай сам уверится в этих словах».
Так он — да не видит он светлого дня —
Царю говорил, чужеземца черня.
Малейшей причиной искусный злодей
Пожар разжигает в сердцах у людей.
Достаточно искры — огонь запылал

И старое древо мгновенно пожрал!
В ужасную ярость властитель пришел
И гневом вскипел через край, как котел.
Казнить чужеземца сначала решил,
Однако, подумав, умерил он пыл.
Жестоко любимцев былых убивать.
Вслед ласке гонение вдруг воздвигать.
Тому, кто обласкан тобою, мечом
Зачем угрожаешь? Не будь палачом!
Ужели ласкал, возвышал для того,
Чтоб смерти предать беззаконно его?
Его ты не сразу к себе приближал —
Его предварительно ты испытал.
И ныне, пока не проверишь, не след
Считать справедливым враждебный навет.
Так вспомнил властитель слова мудрецов
И тайну свою облачил он в покров.
Ах, сердце — темница для тайны людей,
Раз выпустил — вновь не наложишь цепей!
Стал царь наблюдать за визирем своим
И вот что однажды заметил за ним.
Взглянул на раба чужеземный мудрец,
В ответ усмехнулся легонько юнец.
Ведь двое, коль вместе сердца их стучат,
Беседу ведут, пусть уста их молчат.
У любящих взор — как водянойкой больной,
Его не насытишь и Тигра водой.
Царя подозренья окрепли, и он
Визиря к себе подозвал, разъярен.
Однако свой гнев поборов и к тому ж
Всю мудрость призвав, начал тихо: «О муж,
Тебя я разумным всегда почитал.
Я тайны правленья тебе доверял.
В тебе признавал я возвышенный нрав.
Не знал я, что низок твой нрав и лукав.
Увы, я ошибся, и должность сия
Тебе не подходит — вина не твоя.

Врага я взлелеял и дал вместе с тем
Возможность ему осквернить мой гарем».
Услышав такое сужденье царя,
Мудрец отвечал ему, смело смотря —
«Не знаю вины за собой, падишах.
Коль нету вины, мне неведом и страх.
Не знаю, каков на меня был навет,
И в помыслах я не лукавил, о нет!»
На это ответ у царя был таков:
«На очную ставку противник готов.
Мой бывший визирь обвиняет, а ты
Давай подтвержденье своей правоты».
Мудрец усмехнулся и палец к устам
Прижал: «Ах, его не дивлюсь я словам!
Завистник ужель не желает мне зла
С тех пор, как его пошатнулись дела?
В тот час, как я был возвеличен над ним
Его стал считать я злодеем моим.
Ведь если кого упредим мы на шаг
У нас за спиною становится враг.
Причину паденья в почете моем
Он видит и будет всегда мне врагом.
Коль выслушать хочет меня властелин,
Здесь очень уместен рассказик один.
Не помню, в какой-то я книге читал,
Что некто во сне сатану увидал.
Как ангел, прекрасен, как кедр, он велик,
Как солнце лучами, сиял его лик.
Сказал человек: «О, уже ль это ты?
У ангелов нет ведь такой красоты!
Как месяц, красив ты. Зачем же тогда
Являешься в мир безобразным всегда?
Тебя представляют внушающим страх.
И в банях народных, и в царских дворцах
Малюют тебя безобразным, кривым,
С лицом почерневшим, противным и злым».
Низвергнутый дух, услышав сей вопрос,

С рыданием и стоном в ответ произнес —
«Счастливец! Ты прав: я совсем не таков,
Но кисть ведь, о горе, в руках у врагов!
Из рая изверг их, и вот на меня
Взирают с тех пор, ненавидя, казня».
Вот также и я. Неизменен мой нрав,
Но враг мой клеветает, бесчестно-лукав.
Коль место мистрово занял ты, вспять
Как можно скорее ты должен бежать.
Но гнев твой, о царь, не страшусь я навлечь.
Я прав и веду я бестрепетно речь.
Бойтся надсмотрщика жулик и лжец,
Чьи гири неверны — мошенник-купец.
В делах и речах я был честен, ей-ей!
Воюсь ли противника лживых речей?»
Ответом таким падишах был смущен,
Рукою взмахнул негодуяще он.
«Что нужды? Лукав ты и ловок в речах.
Но этим ли мнишь оправдаться в грехах?
Врага твоего не доверив речам,
Я в тех обвиненьях уверился сам.
Со свитой вошел я и видел, как ты
Двух юных рабов созерцаешь черты».
Мудрец улыбнулся и мудро сказал:
«То правда, зачем бы я правду скрывал?
Держава твоя да пребудет сильна!
Но есть в этом деле одна сторона.
О царь, бедняжка, не суди сгоряча,
Коль жадно глядит он на двор богача.
Беспечно, игриво резвился я встарь,
Но младость моя не вернется, о царь.
Как нищий, гляжу я теперь на юнцов,
Богатых всей прелестью юных годов.
Я в юности щеки, как розы, имел.
Я, точно хрусталь, был блестящ, белотел.
Так нежен, что тяжки одежды невмочь
Мне были, а волосы были, как ночь...»

Для мощных, великих и мудрых царей
Неведомы гневные вспышки людей.
Отнюдь не достоин гневливый гордец
Носить на главе властелина венец.
И стойкости меньше потребно в боях,
Чем в том, чтоб сдержаться сумел ты в сердцах.
Разумный властитель всегда терпелив
И гнева умеет сдержать он прилив.
Ведь гнев, точно войско, свирепой ордой
Сметает и веру, и правду долой.
И ангелам всех добродетелей ведь
Того злого демона не одолеть
Коль воду закон запрещает — не пей.
Фетвою потребуют крови — пролей!
Ведь так? Посему, коль прикажет фетва,
Преступная пусть упадет голова.
Но если преступник оставил семью,
Излей на нее благосклонность свою.
Пусть кару претерпит злокозненный муж,
Страданья жены и младенца — к чему ж?
Пусть войском богат ты, властитель, и смел,
Но все ж не вторгайся во вражий предел.
Ведь в крепость враждебный властитель уйдет.
Беда на невинных и бедных падет.
Сидящих в тюрьме да не минет твой глаз,
Бывает меж нами невинный подчас.
Случится ль торговцу в стране умереть,
Именьем его не стремись завладеть.
Сберется семейство, над мертвым отцом
Поплачут. И, знаешь, что скажут потом?
«Скончался, бедняга, в пределе чужом.
Насильник же, царь, овладел всем добром».
Страшись, падишах, обездоленных ты.
Стенанья сирот заставляли упасть

Нередко царей долголетнюю власть.
Владыки, чья слава во веки веков,
Не льстились отнюдь на добро бедняков.
Будь ты хоть всемирным владыкой, но лишь
Ограбишь торговца, ты — жалкий дервиш.
Ведь муж благородный скорее умрет,
Чем отнятым хлебом наполнит живот.

РАССКАЗ

Один падишах, хоть и славно царил,
Из ткани подкладочной платье носил.
«Счастливый владыка, — сказали ему, —
Парчовое платье не шьешь — почему?»
Ответил: «Довольно прикрыт я и так,
А платья другие — роскошества знак.
Ужель для того собираю налог,
Чтоб, сидя на троне, роскошничать мог?
Надевши, как жены, роскошный убор,
Как дам я врагу надлежащий отпор?
Быть может, и прихоть во мне не одна,
Да разве затем существует казна?
Казна не затем, чтоб мой двор мог сиять —
Казна для того, чтоб крепка была рать.
Коль воины будут бедны, голодны,
Не станут блюсти безопасность страны.
Налог, десятину, затем мы берем,
Чтоб враг завладел земледельца ослом?
Царь подати тащит, противник — осла.
Ну как, процветут государства дела?»
Бесчестно тех грабить, кто смирен и прост —
Так тащит зерно у мурашика дрозд.
Твой подданный — древо: взлелей и вспои —
Плоды соберешь ты в сушильне свои.
Из почвы его вырывать не моги.
Ведь только глупцы для себя, как враги.

Кто с подданным не был жесток и суров,
Тот счастья вкусит прекрасных плодов.
И подданный если тобой разорен,
Страшись, коль ко Господу взмолится он.
О, крови не лей в беспощадной войне,
Коль мирным путем воцариться в стране
Чужой ты сумеешь! Властитель, ей-ей,
Не стоит владычество крови людей!

*

Превыше Сатурна коль взнесся твой трон,
Властитель, услышишь ли жалобный стон?
Так чутко дремли, чтобы жалобы крик
Мгновенно в твой слух беспокойный проник.
Ведь если обижен кто в царстве твоём,
Ты также виновен в насилии том.
Кусая прохожих, виновен не пес,
А тот человек, у кого он возрос.
Владеешь ты словом, Са'ди, так вперед!
Скажи все, что знаешь — одобрит Господь.
Долой лихоимство и грешную плоть!
Иль жадничай грубо, но истин — не жди,
Иль, плоть обуздав, молви правду, Са'ди.

О СОЧУВСТВИИ БЕДНЯКАМ

Не надо насилья над теми, кто сир.
О царь! Постоянства не ведает мир.
На слабого ты не накладывай гнет —
Ведь может случиться, что в силу войдет.
Пощады не жди, если тот победит,
Кто сам от тебя натерпелся обид.
Врага уважай, хоть и мал он на взгляд.
Есть горы — из мелких камней состоят.

Осилят и льва, как бы ни был он лют.
Один волосок шелковинки слабей —
Сплетенный с другими, он крепче цепей.
Спокойствию близких дороже казны.
Она ни к чему, были б уши вольны.
Правитель, имей уважение к правам —
Смотри, как бы не был бесправен ты сам.
Терпи, угнетенный! Наступит черед —
Усилишься ты, а тиран твой — падет.
Духовно действуй на буйствѣ людей.
Духовные силы телесных сильней.
Засмейтесь, уста угнетенных. Ведь власть
Тирана должна же когда-нибудь пасть.
Встаем, барабанный слышавши бой.
Но как безразличен нам сторож ночной!
В свои погружен караванщик дела.
Его не заботят страданья осла.
Страданья тебе неизвестны, пускай.
Все ж, видя несчастных, в беде помогай.

РАССКАЗ

Народная месть, пробудившись, дотла
В Багдаде полгорода ночью сожгла.
Один из торговцев был рад, что пожар
Не тронул ни лавку его, ни амбар.
Веселье его заметил мудрец
И молвил: «Собой лишь ты занят, глупец!
Остался б лишь дом твой, и ты будешь рад,
Пожрет если пламя весь город Багдад».
Когда голодающих слышится плач,
Едой наслаждаться не может богач.
<...> Меж теми, кем встарь управлялся Иран,
Встречался нередко властитель-тиран.
И что ж? Где величье и слава? Их нет!
Насилье и злая управа? Их нет!

И сколько б ни злобствовал деспот, смотри —
Ведь мир-то остался, но где же цари?
Блажен справедливый властитель. Найдет
Он в день воскресенья у Бога почет.
Господь посылает подобных царей
Как мзду за смирение и правду людей.
Но коль покарать он захочет народ,
Ему властелина-тирана дает.
Такой властелин — не Господень ли кнут?
Все мудрые люди его да бегут!
Воздай благодарность. От Бога — твой трон,
Не то пошатнется, наверное, он.
Но если достойно восхвалишь Творца,
Достигнешь ты благ, коим нету конца.
Тех благ не получишь и будешь убог,
Коль царствовать верой и правдой не мог.
Запретен властителю сладостный сон,
Коль слабый от сильного не защищен.
Ведь царь — это пастырь. А паства — народ.
Пусть стадо не терпит насилия гнет.
Не пастырь, а волк он для паствы своей.
О нет, не избегнет дурного конца
Насилья творящий носитель венца!
Он рано ли, поздно — умрет, и о нем,
Конечно, никто не вспомнит добром.
Будь добр, если ты не желаешь, чтоб свет
Хулу возносил за тобою вослед.

О ДОБРЫХ И ЗЛЫХ ДЕЛАХ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ

Благое творящим — бояться ли зла?
Тот блага не жди, чьи зловредны дела.
Злонравец ведь злобой всегда окружен.
Себя убивает он, как скорпион.
И ежели сердце твое не лежит

К добру, то не сердце в тебе, а гранит!
О нет, мой читатель, я плохо сказал —
Ведь пользу приносят гранит и металл.
Меж тем человек нелюбимый и злой
Еще бесполезней, чем камень простой.
Не всякий из нас благородней, чем зверь.
Злодей хуже всякого зверя, поверь...
Добро — это верное, други, зерно.
Друзья! Я во веки веков не видал,
Чтоб сеющий злое — добро пожинал.

БОРЕЦ И ЧЕРЕП

Какой-то кулачный боец обнищал.
Ни завтрака он, ни обеда — не знал.
Себя не сумев покормить кулаком,
Он стал выколачивать деньги горбом.
Весь день, посылая проклятья судьбе,
Он землю и глину таскал на себе.
Порой разгорался в нем ярости пыл,
Порою сидел он, тосклив и уныл.
Порою, при виде житейских усад,
Вода для него превращалась в яд.
Порой же рыдал: «Не житье, а беда.
Такого никто не знавал никогда!
Другим и барашек, и дичь, и пирог.
А мне не по средствам хотя бы чеснок.
Где ж правда? Ведь рвется проклятие с губ —
Я наг, а кошки хороший тулуп...»
Однажды он землю прилежно копал
И череп истлевший в земле отыскал.
Распался почти и лишился зубов
Вдруг подали голос пустые уста —
«Эй, парень, не так уж плоха нищета!
Ты видишь, во что превратился мой рот.
Пивал он и горечь, пивал он и мед.

Судьба коловратна. Умрешь ты, о друг,
Но все не устанет вращаться сей круг».
Совет сей усвоил несчастный борец,
Печалям своим положил он конец.
«Безумец, не сетуй, — сказал он себе, —
Себя не губи, будь покорен судьбе!
Пускай одному никогда не везло,
Другой же до неба возвысил чело.
По смерти забудут и тот, и другой
Свое положение в жизни земной.
Забудутся горе и радость, и лишь
Останется то, что благого творишь.
Не нужны ни троны, ни блеск диадем,
Добро лишь укажет дорогу в Эдем».

Блаженства от власти не жди, государь.
Пройдет эта власть, как и многие встарь.
Сей мир скоротечен, но вечен твой дух,
К народному гласу склоняя свой слух.
В своих государственных трудных делах
Об истинной вере ревнуй, падишах.
Будь щедр и разбрасывай злато, гляди —
Нет злата, так перлы рассеял С'ади!

**ПРОДОЛЖЕНИЕ СОВЕТОВ ЦАРЯМ.
СОВЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ.**

На мирный исход не утратив вполне
Надежды, не надо стремиться к войне.
Коль силой врага опрокинуть нельзя,
Уместна уступчивых действий стезя.
А если твой враг неуступчив и рьян,
То в щедрости, знай, от беды талисман!
Ведь злато порою оружия сильнее
И делает острые зубы — тупей.
Умело и хитро страной управляй.
Коль руку врага не укусишь — лобзай.

С врагом обращайся как с другом, пока
Ему не сумеешь намять ты бока...
Малейшей вражды опасайся. Порой
Потоп начинался от капли одной.
Не хмурь понапрасну, властитель, бровей —
Ничтожнейший враг все ж опасней друзей.
Коль множит врагов бессердечность твоя
Ликуют они, но страдают друзья.
Вперед не бросайся, коль враг твой сильней
Смотри, кулаками по бритве не бей!
А если ничтожна противника рать,
Не подло ль на слабых, о друг, нападать?
Хотя б ты силен был, как слон или лев,
Не лучше ли мир, чем разнузданный гнев?
Все мирные средства испробуй, о царь!
Лишь их исчерпав, на врага ты ударь.
Коль враг ищет мира, подай ему длань.
Коль ищет войны, будь готовым на брань.
Ведь если о мире он сам попросил —
Значенье твоих приумножил он сил.
А если он сам начинает войну —
С тебя перед Богом снимает вину.
Но если война загорелась, тогда
Долой миролюбье, вражда так вражда!
Коль будешь любезничать ты с подлецом,
Лишь чванство и спесь увеличишь ты в нем.
С геройскою ратью, на борзых конях
Врага сокруши и развей его прах.
Но если смирится, раскается он —
Да будет тобою, о царь, пощажен.
Коль просит пощады, ее окажи.
Но все ж опасайся измены и лжи...
О царь! Ведь победу предвидеть нельзя.
Пусть будет для бегства открыта стезя.
Коль видишь, что, дрогнув, смешался рать,
Зачем драгоценной душе — пропадать?
Коль ты в стороне, убегай ото всех.

Нельзя — так во вражий оденься доспех.
Хоть тысяча вас против вражьих двуста,
Все ж ночью покиньте чужие места.
Напав из засады ночью порой,
Горсть всадников кажется ратью большой.
Следи, чтоб дневной переход отделял
Тебя от врага, если нужен привал...
Используй ошибку противника, царь.
Однако, преследуя, будь начеку —
Отбиться от свиты легко на скаку.

Следи, государь, чтобы в войске герой
Бывал награжден и отмечен тобой...
Страну охраняя дружиной лихой,
Дружину храни золотую казной.
Ты будешь тогда лишь врага побеждать,
Коль будет сыта и обласкана рать.

В сражение лихих храбрецов посылай.
На тигров рыкающих — львов отправляй!
Отдайся в науку седым мудрецам —
Все виды выдавшим матерым волкам...
Итак, коль не хочешь разрух и потерь,
Неопытным людям, властитель, не верь.
Пантер не боятся охотничьи псы.
Неопытный львенок — боится лисы.
Воспитанный в холе, стараньями жен,
От первой же схватки бежит, уstraшен.
Охотой, борьбою, метанием стрел,
Занявшись, подросток становится смел.
Взросший средь нег да веселья, да бань
Трепещет, едва лишь услышит про брань.
Садится на лошадь с великим трудом.
Мальчишка его повергает толчком.
А трус да погибнет! Покинувший бой
Пусть будет убит не врагом, так тобой.
Что хуже бегущих, как бабы, вояк?
О царь, поощряй меж подвластных твоих,
Во-первых, бойцов, мудрецов — во-вторых.

Из славных властителей тот всех славней,
Кто воинов любит и мудрых людей.
Жалеть, коль умрет он, не стоит о том,
Кто саблей владеть не умел иль пером.
Не женоподобных люби плясунов,
Но только писателей или бойцов.
Ведь это не мужество — враг у границ,
А ты предан кравчим иль пенью певиц.
Как много царей, предаваясь вину
И неге, врагу отдавали страну!

Проделок врага опасайся всегда —
Не только, когда разразилась вражда.
Он в дружбе нередко клянется нам днем
И вдруг нападает во мраке ночном.
Поэтому спи наготове, в броне,
Пуховое ложе оставив жене.
Подобно гаремной красавице, наг,
В шатре не ночуй, ведь не дремлет твой враг.
Готовься к войне, о властитель, тайком.
Ведь тайные сборы ведутся врагом.
Пускай нерушимой окружат стеной
Разведчики ловкие стан боевой.

ОБ ОТРАЖЕНИИ ВРАГОВ СРЕДСТВАМИ ИСКУСНОЙ ПОЛИТИКИ

Уверенность брось, что не будет обид
От двух зложелателей, слабых на вид.
Тайком сговорятся, и слабая длань
Окрепнет и станет способной на брань.
Сумей одного лишь уловкой отвлечь,
С другим же легко совладеет твой меч.
Когда в наступленье твой враг перейдет,
Пускай все уловки и хитрости в ход.
С врагами врагов заключай ты союз —
Врагу из подобных же вырваться уз.

Раздор приметив во вражьих войсках,
Вложи ятаган свой в ножны, падишах.
Когда ж меж волками грызня и вражда,
Спокойно пасутся овечьи стада.
Когда меж твоими врагам раздор,
Сзывай на пирушку веселую двор.

О ЩЕДРОСТИ И ВЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
(Из главы II)

РАССКАЗ О ХАТЕМЕ ТАЙСКОМ

Я слышал, что Тайский Хатем скакуна
Имел вороного среди табуна.
Он легкостью — ветер, а ржанием — гром.
Мгновеннее молнии в беге своем.
Он камни разбрасывал из-под копыт,
Не туча ли вешняя с градом летит?
Пустыня ему, как вода кораблям.
За летом его не поспеть и орлам.
О щедром Хатеме молва и хвала
До слуха царя Византии дошла.
В щедротах Хатему подобного нет,
А лошади равной не видывал свет.
Сказал царь визирю: «Прекрасна молва,
Но нет доказательств того, что права.
Хочу получить я такого коня.
И если отдаст он его для меня,
Поверю тому, что высок его сан.
А нет, так молва — лишь пустой барабан».
В далекий Йеменский отправлен был край
Посланник со свитою к племени Тай.
Но ветер весенний вновь жизнь ей несет.
Под ливнем весенним усталый посол
Со свитою поздно к Хатему пришел.
Им злата Хатем предложил и сластей.

Итот час коня заколол для гостей.
Здесь сутки пробыв, до Хатема довел
Свое поручение царский посол.
Услышав об этом, был щедрый таит
Расстроен, взволнован и духом убит.
«Ах, раньше о просьбе своей почему ж
Ты мне не сказал, о мой доблестный муж?
Здесь только вчера для тебя, о посол,
Сего быстрого я заколол.
В тот вечер не мог я до пастбищ дойти.
Был ливень и мрак, залило все пути.
Что было мне делать? А ночью вчера
Стоял лишь мой верный скакун у шатра.
Ужель мог хозяин стерпеть, о мой друг,
Чтоб мучили гостя и глад, и недуг?
Пускай пропадает мой конь вороной,
Лишь добрая слава была бы со мной!»

РАССКАЗ О ПРОРОКЕ МОХАММЕДЕ И ДОЧЕРИ ХАТЕМА

Во время посланника Божьего, знай,
Ислама не приняли в племени Тай.
Пророк, в наказанье, к ним двинул отряд
И пленников много забрал, говорят.
Безжалостно он приказал убивать
Безбожных, отвергших Небес благодать.
Из пленниц одна заявила: «Я — дочь
Хатема, а если не веришь, проверь.
Меня пощади, Господин. Мой отец —
Величья души и добра образец».
Смягчился Мохаммед от женщины слов —
Избавить ее повелел от оков.
На прочих же пленников, жалость презрев,
Решил беспощадно обрушить он гнев.
Тогда обратилась жена к палачу

С рыданием: «Предай и меня ты мечу!
Ужели свободой воспользуюсь я,
Меж тем как мои погибают друзья?»
Хатемовой дочери горестный крик
До слуха посланника Божья достиг.
Он всех из-за женщины этой простил —
«Немало в сем племени доблестных сил».

РАССКАЗ

Я встретил однажды в пути молодца.
Бежит, а за ним — поспешает овца.
«Нехитрое дело, — сказал я, — ну что ж?»
Ошейник он тотчас тут сдернул, и вот
Принялся он бегать и взад и вперед,
Овца же за ним по пятам — ведь ячмень,
Потравку, он сам ей давал каждый день.
Вернувшись на прежнее место, юнец
Промолвил, ко мне обратясь: «О, мудрец!
Тут дело не в привязи. Это — обман.
Но держат щедроты овцу, как аркан».

Коль ласку встречает в погонщике слон,
Едва ль на него нападет, разъярен.
Будь добр и со злыми. Ведь пес, если сыт,
Исправно владенья твои сторожит.
Ведь барс присмирееет и станет ручным,
Коль дважды покормится сыром твоим.

ПОДВИЖНИК И СКРЯГА

Жил в Азии Малой подвижник. Речист,
Умен, родом знатен и жизнью чист.
Прослышав о нем, я отправился в путь.

С толпою друзей, чтоб на мужа взглянуть.
Подвижник был рад иноземным гостям,
Радужную встречу устроил он нам.
Но много имея богатых жилищ
И злата, и нив, был он щедростью нищ.
Он был в обращеньи и ласков, и благ.
Но пуст был и холоден в кухне очаг.
Всю ночь он молился, усерден зело.
Не спали и мы — животы подвело!
Чуть утро — хозяин является к нам
С приветом, расспросами, с лаской к гостям.
Меж нас находился один весельчак,
Который ответил хозяину так:
«Созвучьем лобзанье лишь мило своим
Со словом «питанье», которое чтим.
Сапог не целуй, но корми. А потом
Хотя б ты ударил меня сапогом!»

Блажен только тот, кто стяжательству враг.
А постник бессонный, но черствый — не благ.
Вот так же татарин на страже стоит —
Хоть очи бессонны, да сердце в нем спит.
О да! Святость — в милости. Это усвой!
А хладная речь — барабан лишь пустой.
Тот будет блажен, кто взыскует во всем
Лишь тайного смысла, забыв о пустом.
Лишь смысл тот дарует значенье словам,
Без мысли поступки, слова — только хлам!

О МИЛОСТИ К СИРОТАМ

Бедняге-сиротке, о друг, помоги!
Обмой, вынь занозу ему из ноги.
Как знать, что случится в грядущем с тобой?
Ведь древо без корня поникнет главой.
И если поник сирота, пожалей —

Своих перед ним не ласкай ты детей.
С очей сиротинки — кто слезы утрет?
Коль гневен, к спокойствию — кто призовет?
Ах, если до слез сироту ты довел,
Всколебнется Вышнего Бога престол!
Люби сиротинок от всей ты души —
Обмой их, одень, им глаза осуши!
Родительской сени сиротка лишен —
Пусть будет он кровом твоим осенен.
Когда был лелеем я милым отцом,
Казалось, был венчан я царским венцом.
Мне муха садилась на лоб, и моя
Кругом волновалась тревожно семья.
А ныне никто не поможет, хотя б
Во вражьем плену я томился, как раб.
Изведал я долю сирот до конца,
В младенческих годах лишившись отца.

РАССКАЗ ОБ АВРААМЕ

Я слышал, что не было как-то гостей
В доме Авраамовом целых семь дней.
Пророк об еде и питье забывал,
Все странников Божьих к себе поджидал.
Стоял на пороге и, глядя на путь,
Все ждал, не идет ли к нему кто-нибудь.
И вот приметил: идет человек,
Чьи волосы выбелил старости снег.
С приветом к нему Авраам подошел,
Радушно его приглашая за стол.
«О друг, ты мне мил, как зеница очей,
Отведай-ка трапезы скромной моей».
Направился старец, услышав тот зов,
Под странноприимством прославленный кров.
Там слуги пророка, один за другим,
Сгибались в служеньи пред старцем простым.

Собрали еду, принесли и потом,
Усевшись кругом за накрытым столом,
Все начали Богу молиться. И лишь
Молиться не стал приглашенный дервиш.
Сказал Авраам: «Удивил ты меня.
Ты — старец, а нет в тебе веры огня.
Ужель не должны мы, присевши к столу,
Воздать Промыслителю-Богу хвалу?»
Прохожий ответил: «Нет правил таких
У огнепоклонников-старцев моих».
И понял тогда Авраам Пречестной,
Что видит язычника он пред собой.
С позором изгнал он его, потому
Что скверне нет места у чистых в дому.
Но свыше ниспослан был ангел Серош —
Сказать, что поступок тот был нехорош.
«Сто лет я поддерживал старца, о друг,
А ты от него отверщаешься вдруг!
Огню поклонялся пришелец иль нет —
Ты, выгнав его, мой нарушил завет».

О МИЛОСТИ К НЕДОСТОЙНЫМ

Осиный на кровле заметивши рой,
Хозяин хотел его сбросить долой.
Жена возразила: «Не трогай ты их,
Ведняг не сгоняй ты с местечек родных».
Послушался муж... Но однажды напал
На женщину рой миллионами жал.
По дому, по кровле металась она,
От боли зовя. Муж сказал ей: «Жена,
Сама ты сказала мне — ос не тревожь.
Все вопли и стоны теперь для чего ж?»

Кто злomu поможет, тем самым, поверь,
Он людям готовит немало потерь.

Заметив злой умысел, острым мечом
Покончи немедля с народным врагом.
Не может быть пес так же чтим, как и гость.
Достаточно, ежели бросишь ты кость.
Прекрасно сказал селянин: «Тяжелей
Навьючивать надо ретивых коней».
О сне безмятежном и думать когда ж,
Коль вовсе ленив и небдителен страж?
В военное время тростник — лишь для пик.
А сахарный нам бесполезен тростник.
Добро не для всех. Одному — серебро.
Другому — учи, сокрушая ребро.
Постройку на зыбком песке ты не строй.
Обрушиться может она над тобой.

★

Норовистым сброшенный наземь конем,
Воскликнул властитель Бехрам: «Поделом!
Я лошадь себе выбирать буду впредь
Такую, которой сумею владеть».

Запруживай в дни мелководья поток,
Во время разлива едва будет прок.
Коль волка поймал ты, не медля убей —
Не то распростишься с отарой своей.
От дьявола богопочтенья не жди.
Злонравца поблажкой, смотри, не усиль!
Злодея — в темницу! А беса — в бутыл!
Увидев змею, за дубинкой своей
Не мчись, коль поблизости много камней.
Нечестность чиновничьей видя руки,
Ту руку безжалостно ты — отсеки.
Советником лживым, поправшим закон,
Ты будешь, о царь, в адский пламень введен.
Смотри, не надейся на лживый совет.

Ах, он не сановник, виновник он бед!
Коль счастья ты хочешь, внимай и следи —
Как муж государственный мыслит Са'ди!

О ЛЮБВИ
(Из главы III)

О САМОЗАБВЕНИИ В ЛЮБВИ

Под звуки чарующей музыки раз
Пустилась плясунья прелестная в пляс.
Огонь ли пылавших в собрание свечей
Иль пыл от сердец восхищенных людей
Ей платье поджег и ее испугал.
«Не бойся, — один из влюбленных сказал, —
Смотри, у тебя обгорела пола,
Мое же все сердце сгорело дотла!»
Слиянья с любимым познай благодать,
Забыв между ним и собой — различать!

ПРИТЧА

Вскричал убиваемый жаждою: «Ах,
Блажен, кто теперь утопает в волнах!»
Сказали ему: «Одинаков конец,
Безводье ль убьет иль вода, о глупец».
Ответил: «О нет! Погибая средь вод,
Уста омочить я успел бы вперед.
Кто жаждет, тот бросится в воду, забыв
О том, что назад не вернется он жив».

За милого, любящий, крепко держись,
Коль смерти захочет твоей — согласишься.
Чтоб райского стал ты достоин житья,

Пройди через ад отречения от «я».
Бывает трудом хлебоброб угнетен,
Но, жатву собравши, покоится он.
На пиршестве страсти блажен только тот,
Кто в руки заветную чашу возьмет.

РАССКАЗ О ПОВЕДЕ ЛЮБВИ НАД РАЗУМОМ

Перчатки железные некто надев,
Решил, что его не осилит и лев.
Но зверь так насел на сего чудака,
Что силы не стало, ослабла рука.
Ему закричали: «Крепись, не робей!
Ударь рукавицей его посильней!»
Но зверем измятый, бедняк возопил:
«Перчатка, увы, не прибавит мне сил».

И разум пред страстью любовной, поверь,
Вот так же, как эти перчатки и зверь.
Хотя б ты доспехи носил на плечах,
Ослабнешь бесславно во львиных когтях.
Коль любишь, отбрось рассуждения ты.
Ведь мяч, о читатель, игрушка лапты.

ПРИТЧА

На флейте играя, красивый гонец
Сжигал восхищением много сердец.
За это родитель его попрекал,
Бранился и флейту, случалось, сжигал.
Но вечером как-то прислушался он
И сына игрой был в тот раз восхищен.
Воскликнул он: «Флейту сжигал я в огне,
А ныне огонь разгорелся во мне!»

Ты знаешь ли, в пляске зачем круговой
 Дервиши махают руками порой?
 Они открывают наитья врага,
 А мир отстраняют, ведь мир — суета.
 В восторге любовном коль пустишься в пляс,
 Всем телом твоим пусть владеет экстаз.
 Допустим, искусный пловец ты, но все ж
 Едва ли одетым ты в воду пойдешь.
 Приличия, чести одежды долой,
 Чтоб лучше сумел ты бороться с водой!
 Приманки мирские, как путы порви.
 Тогда лишь достигнешь слиянья в любви.

*

Я ночью бессонной однажды тайком
 Подслушал беседу свечь с мотыльком:
 «И это понятно, но слезы твои
 Что значат?» Свеча отвечала: «Живет
 В разлуке со мною возлюбленный мед.
 С тех пор как не видит любимого взгляд,
 Скорблю, как несчастный любовник Фархад».
 Так молвила, слезы обильно точа
 По желтым ланитам, в унынье свеча.
 «Ты — ветренен. Тяжких не знаешь ты бед.
 В тебе ни смиренья, ни верности — нет.
 Обжегшись, бежишь ты в испуге. А я?
 Сгораю на месте я, слезы струя!
 Тебе обжигает любовь лишь крыла,
 А я неизбежно сгораю дотла.
 На свет мой веселый глядишь до зари.
 О, нет! Ты на слезы мои посмотри!
 Ведь я, как Са'ди. Он улыбчив на вид,
 Но сердце от муки любовной горит!»
 Умолкла свеча. Протекло полчаса.
 Вдруг, в терем вошедши, девица-краса
 Задула свечу. Не дожив до зари,

Погасла она, прошептавши: «Смотри,
Так гибнет любовь! Ах, пыланью сердец
Кончина одна полагает конец.
Над прахом страдальцев любви не рыдай.
Но Вога прославь, ибо принял их в рай!»

Любовник! Не бойся страданий любви,
Но путы соблазнов житейских — порви!
Дав клятву, вперед устремляйся смелей.
Ни стрел не пугайся, ни града камней.
Вступать в океан берегись, но вступив,
Отдайся, коль бури подхватит порыв!

О СМИРЕНИИ
(Из главы IV)

ПРИТЧА

Из тучи раз капля упала одна
И, море увидев, была смущена:
«Безбрежен простор океана... А я?
Что значит здесь жалкая доля моя?»
И так на себя со смиреньем смотря,
Вдруг сделалась перлом, достойным царя,
И волей небес обрела благодать —
Жемчужиной в царском венце воссиять!
Смирившись, высоко была взнесена.
Исчезнуть стремясь, жизнь приjala она.

НИЩИЙ ПРАВОВЕД И СУДЬЯ

Раз бедный законник явился к судье.
Явился и сел на почетной скамье.
Сердито судья на беднягу взглянул,

А пристав пришел, за рукав потянул:
«Вставай, недостойн ты здесь восседать.
Сядь ниже иль вовсе отпавишься вспять.
Почетного места достоин не всяк,
Ведь место сие — уважения знак.
Я вижу, что ты устыдился теперь
И к мерам другим не прибегну, поверь.
Кто скромно садится на месте своем,
Того не изгонят оттоль со стыдом.
Забудь о местах именитых людей.
Быть львом не старайся, коль нету когтей!»
И вспомнились мудрому мужу тогда
Несчастливая доля его и нужда.
Он вздох из груди безнадежной извлек,
Смирненно поднялся и сел в уголок.
Меж тем обсужденья настала пора,
И прения начали прав доктора.
Мгновенно меж них возгорелась вражда —
Твердили настойчиво «нет» или «да».
Как будто в палате судилищной той
Свели петухов на отчаянный бой.
Один, как хмельной, бесновался во зле.
Другой кулаком ударял по земле.
Все более путался спор их, и вот
Запутались так, что ни назад, ни вперед!
Тогда-то смущенье свое одолев,
Воспрянул законник-бедняк, точно лев.
И молвил: «Борцы за Господний завет,
Мужи, откровенья хранящие свет!
Ведь доводы мудрые в споре важней,
Чем сила и крепость гортаней и шей.
Внемлите! Я в этих делах не простака».
Сказали ему «Говори, если так».
Тут речью своей, как печаткой кольца,
Отметил мудрец правоведов сердца.
В пустые прикрасы не вдавшись ничуть,
Предмета затронул он самую суть.

И кончивши речь, ото всех он собрал
Обильную жатву горячих похвал.
Он правил конем красноречья лихим
Увявшим ослом был судья перед ним.
Одежду судейскую сняв и чалму,
Судья захотел передать их ему.
«Я сразу твой сан не сумел распознать,
Я встречи тебе не устроил подстать!
Как жалко, что ты, при таланте таком,
Находишься, друг, в положеньи плохом».
Тут пристав, приблизившись к мужу, ему
С почетом судейскую подал чалму.
Но молвил он, дар отстранивши рукой:
«Тщеславья и гордости путы — долой!
Как завтра останусь средь бедных людей
Я в этом тюрбане длиной в пять локтей?
Ведь если муллою меня назовут,
Презренен мне бедный покажется люд.
Вода ключевая чиста и светла,
В каком бы сосуде она ни была.
Главу украшает величье ума,
А вовсе не пышная в складках чалма.
Пусть пышной чалмой голова обвита,
Что толку, коль будет, как тыква, пуста!
< ... > Пусть пышная свита идет за тобой,
Что толку, коль будешь ты слаб головой...
Тот лучше не стал, кто в богатстве процвел —
Осел в чепраке дорогом все ж — осел».
Так он говорил. Красноречья водой
С души он смывал раздражения зной.
Обиженный резко всегда говорит —
Коль враг твой упал, пусть он будет добит.
Воспользуйся, ежели случай хорош —
Злодей хоть повержен, его уничтожь!
Судья оглушенный преник и притих.
И только из книги божественный стих
«Поистине день сей тяжел», — он шептал.

Да руки кусал, да глазами сверкал.
А бедный законник в тот миг из суда
Ушел, по себе не оставив следа.
Волнение возникло, и спрашивал всяк:
«Откуда явился сей дерзкий чудак?»
Расспрашивал пристав — видал кто иль нет —
Мужчину таких и таких-то примет.
И некий ответил ему гражданин:
«Так сладко сказать мог Саади один».

Ответ тот прекрасен. И прав этот суд,
Коль горькую истину сладкой зовут!

*

Коль хочешь величья, смиришь! Кто велик
Тот здесь, на земле приниженно поник.
Тогда лишь к тебе отнесутся, любя,
Когда ни во что ты поставишь себя.
Высокопоставленный, если смирен,
В том царстве, и в этом он будет блажен.
Повергнешься в прах — внидешь в мир чистоты.

О ты, кто пройдешь над могилой моей,
Запомни во имя господних людей,
Что если стал прахом Са'ди — не беда!
Ведь прахом он был и при жизни, всегда.
Пусть землю, как ветер, обтек он кругом,
Смиранным сошел он во прах бедняком.
Истлеют останки. И вихрь на крылах
По лику Вселенной развеет их прах...
Но знай, что в саду пышноцветном идей
Такой никогда не певал соловей.
Когда б из останков того соловья
Не выросло роз, было б странно, друзья!

О ПОКОРНОСТИ
(Из главы V)

Однажды затеплил в бессонной ночи
Я пламя поэзии яркой свечи.
Один пустомеля мой стих услышал
И, волей-неволей, хвалу мне воздал.
Все ж к ней примешал зложелательство он —
Так рвется невольно у раненых стон.
«Да, стих у Са'ди превосходен, но в нем
Мы только слова назиданья найдем.
Геройских боев он, увы, не певец,
Меж тем как былина — пиитства венец».
Не знал он, что я не любитель былин.
Не то б их слагал я, стиха господин.
Приди, чтоб помериться силой со мной —
Врага я о камень швырну головой.
На поле словесных сражений и сечь
Язык мой разит, как отточенный меч.

АРДЕБИЛЬСКИЙ СТРЕЛОК

Из лука стрелка в Ардебиле я знал.
Железную цепь он стрелою пронзал.
Однажды столкнулся с ним некий боец —
Воинственный, в войлок одетый юнец.
Аркан он — отвагой второй Бехрам Гур —
Имел из сырых антилоповых шкур.
Лишь только противника лучник узрел,
В мгновение ока он взял на прицел.
Полсотни он выпустил стрел, но стрела
Проникнуть сквозь войлок, увы, не могла.
А враг налетел, точно витязь Дестан.
На лучника ловко набросил аркан.
Как вора, скрутил он его и повлек.

Во вражью палатку был брошен стрелок.
Всю ночь он не спал, вспоминая свой стыд.
А утром вошедший слуга говорит:
«Стрелю своей ты железо пронзал.
К одетому в войлок, как в плен, ты попал?»
Стрелок ардебильский, заплавав, рабу
Ответил: «Кто может осилить судьбу?
Ты знаешь, какой я искусный стрелок.
Любому бы мог преподать я урок.
Когда был поддержан счастливой судьбой,
Железо, как войлок, пронзал я стрелой.
Затмилась счастья звезда — о, печаль.
Стал войлок для стрел непронзаем, как сталь».

Напрасна кольчуга, коль пасть суждено.
Коль час не настал, крепче лат — полотно.
Прикрылся — погибнешь, коль пробил твой час.
Но если ты угоден, ты цел,
Хотя бы и лат на себя не надел.
Пред смертью что наши заслуги? Мудрец
До срока ушел, долголетен — глупец!

ЯСТРЕБ И КОРШУН

Сказал ястреб коршуну: «Нет никого
На свете со зреньем острей моего!»
И коршун ответил: «Воспользуйся им,
В окрестностях нет ли чего, поглядим?»
Тут ястреб взлетел, и с возвышенных мест
Он взором окинул равнину окрест.
«Поверишь ли? — молвил. — Но там, вдалеке
Я вижу — крупинка лежит на песке».
Был коршун словами его изумлен.
И с ястребом долу низринулся он.
Лишь ястреб над малым спустился зерном,
Как тот час был за ноги схвачен силком.

Не знал, неразумный, увидев зерно,
Что в сети попасться ему суждено.
Из множества раковин жемчуг в одной,
И в цель попадают не каждой стрелой!
«Приметил ты зернышко, — коршун сказал, —
Что пользы, коль вражьих тенет не видал?»
А пленник вздохнул: «От судьбины тенет,
О друг, осмотрительность нас не спасет!»

Как только судьба изрекла приговор,
Затмился у ястреба видящий взор.
Коль водной пучине не видно конца,
Бессильно искусство любого пловца!

О ДОВОЛЬСТВЕ СУДЬБОЙ (Из главы VI)

РАССКАЗ

Из кости слоновой привез гребешок
Мне некий хаджи — защити их, Пророк!
Однажды случилось узнать мне о том,
Что назвал меня он, разгневавшись, псом.
Я гребень швырнул: «Мне не надо костей!
Собакой меня называть ты не смей!»

Пусть уксус я пью, но едящим халву
Прощать не намерен я злую молву.
Довольствуйся малым. Тогда пред тобой
И нищий, и царь будут равны судьбой.
К чему поклоняться князьям и царям?
Коль жадность отбросишь — владыка ты сам.
Коль ты себялюбец и пленник страстей,
Что ж! Сделай богатого кыблой своей!
Но знай: потеряешь душевный покой

И будешь скитаться, как нищий с сумой.
Судьбою довольные смело глядят
Потуплен у алчных стяжателей взгляд.

ПРИТЧА

Мудрец заболел лихорадкой. Совет
Ему кто-то дал: «Попроси, чтоб сосед
Дал сахару». Молвил на это больной:
«Нет, смерть мне приятней, чем лик его злой.
Ах, сласти мудрец не возьмет нипочем
У гордых и кислых, как уксус, лицом».

За прихотью всякой не следуй, спеша.
Коль властвует тело, скудеет душа.
Страстям поклонение губит людей.
Разумный, спасайся, беги от страстей.
Коль будешь покорствовать им без борьбы,
Претерпишь немало обид от судьбы.
Коль топишь утробы старательно печь,
Не сможешь ты вытерпеть с голодом встреч.
Подтягивай в год изобилья живот —
Голодный не страшен покажется год.
Обжора же чревом своим отягчен,
И вдвое страдает от голода он.
Презренье обжорам! С утробой пустой
Быть лучше, по мне, чем с пустою душой.
О горе! Их участь тяжелая ждет —
Как скот, заблудились. Нет, больше, чем скот.
Не стоит жалеть их. Бессмысленный бык
Поесть до отвала и спать лишь привык.
Ах, если ты жирен и грузен, как вол,
Побои сноси от людей, как осел.

РАССКАЗ

Был некого мужа несчастен удел —
Он к хлебу в придачу чеснок лишь имел.
Сказали ему: «Чтоб поправить дела,
Поди, покормись с дарового стола.
Проси, не стесняйся нисколько. Ведь тот,
Кто будет стесняться, голодным умрет».
Прельстил злополучного стал даровой,
Пошел — с перебитой вернулся рукой.
Воскликнул он, горьким предавшись слезам:
«К чему сожаленья? Виновен я сам!
Я жадностью только несчастье навлек,
Пусть будут со мною мой хлеб и чеснок.
Не лучше ли хлебец, добытый трудом,
Сластей, что подарены мне богачом?»

Не может заснуть, беспокойством томим,
Кто ждет приглашенья к обедам чужим.

О ВЛИЯНИИ ВОСПИТАНИЯ (Из главы VII)

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ МОЛЧАНИЯ

Будь в жизни подобен безмолвной горе,
И к небу взнесешь ты чело в серебре.
Язык обуздайте! Воздержный в речах
Найдет отпущенье во многих грехах.
Мудрец перламутру подобен. Дарит
Лишь изредка жемчуг, который хранит.
К советам открыт молчаливого слух,
Волтун же ко всем увещаниям глух.
Как может болтун неумный понять

Словес, обращенных к нему, благодать?
Речей необдуманных бойся, о брат,
Пред тем как отрезать, примерь семикрат.

РАССКАЗ

Текеш об одном из заветнейших дел
Поведал пахам и хранить повелел.
Шла тайна от сердца к устам целый год.
А тут в день единый о ней весь народ
Проведал. Текеш приказал палачу
Виновных придать без пощады мечу.
Воскликнул тогда из казнимых один:
«Пощады! Ты сам виноват, властелин.
В истоке ручья не сдержал ты, о князь,
Запруды к чему, коль вода разлилась?
Чтоб тайна известной не сделалась всем,
О тайнах своих не беседуй ни с кем.
Сокровища пусть стережет казначей,
Но сам будь хранителем тайны своей.
Ведь ты — господин нереченным словам,
А сказанным ты подчиняешься сам.
Как беса в колодце, на верной цепи
Ты слово в глубинах души —крепи.
Коль вырвется бес невзначай из тюрьмы,
Его не вернешь заклинаньями ты.
Дать волю легко, но назад не вернешь.
Увы, не помогут ни хитрость ни ложь...
Слова, от которых возможна беда
Тебе самому, затаи навсегда.
Как верно сказала невежда жена,
«Молчи, если речь у тебя не умна».
Прекрасно заметил индийский мудрец:
«Всяк собственной силы и чести творец».
В плену у житейских утех и усад
Ты цену себе потеряешь, о брат!»

РАССКАЗ

От мудрого старца я слышал рассказ.—
Приятны такие рассказы для нас. —
«Раз видел я негра, который точь-в-точь
Был черен и длинен, как зимняя ночь...
Девуцу, подобную месяцу, он
Лобзал и в объятьях сжимал, распален.
Так крепко сжимал, что подумал бы ты —
Заря погасает в тисках темноты.
Вмиг Божий закон я припомнил, и пыл
Ненужный меня, как огонь, охватил.
Кругом озираясь, искал я камней
Иль палки, крича: «О безбожник, злодей!»
Крича и бранясь, разлучить их я смог —
Так тьму с белизной разлучает восток.
Он тучей умчался. Предстала бела
Она, как яйцо из-под галки крыла.
Но лишь этот черт убежал, на меня
Набросился ангел, бранясь и кляня:
«Ханжа, лицемер, в черной рясе святош
Земле ты привержен, а к небу зовешь.
Всех больше на свете мне негр этот мил,
Он душу и сердце мои полонил.
Я долгожданные яства в сей миг
К устам поднесла, ты ж их отнял, старик».
Вопя, призывала помочь ей в беде.
Кричала, что нет состраданья нигде —
«Нет больше мужчин, чтоб могла их рука
Меня защитить от сего старика,
Который, седин не стыдяся ничуть,
Дерзнул на невинность мою посягнуть!»
Вцепилась при этом она мне в подол.
Лицом от стыда в воротник я ушел...
Бояся толпы, как из шкурки чеснок,
Из платья я выпрыгнул и — наутек!

Я наг от нее убежал, пусть моя
Одежда достанется ей, но не я.
Чрез несколько дней мы столкнулись опять.
Спросила: «Ты знаешь меня?» —

«Как не знать? —

Ответил я ей. — Ты урок мне дала.
Вперед не мешаться в чужие дела
Решил я, увидевши злое, с тех пор
Так делать, как будто не видел мой взор».

За речью своей, коль умен ты, следи.
Молчи, коль не можешь сказать, как Са'ди!

СОЛОВЕЙ В КЛЕТКЕ

Раз сын у Азод-эд-Довле занемог.
Отец истомился от дум и тревог.
Сказал ему некий подвижник: «О шах,
На волю плененных повыпусти птах».
Царь клетки разбил — вмиг не стало там птиц.
Коль сломаны двери, бегут из темниц!
Под сводом чертога в темнице своей
Остался один лишь певун-соловей.
Недужный его заприметил там князь,
И птице плененной он молвил, смеясь:
«Ты в клетке-темнице, певун-соловей,
Сидишь из-за сладостной речи своей!»

Покуда молчишь, ты спокоен и прав.
Представь доказательства, слово сказав.
Са'ди свой язык обуздал, и тогда
Его не коснулась людская вражда.
Тому лишь доступен душевный покой,
Кто будет далек от беседы людской.
При всех не порочь недостатков людских,

А лучше займись исправленьем своих.
Не слушай безумных речей пустоту.
Глаза закрывай, увидав наготу!

РАССКАЗ

Однажды сказал мне знакомый: «Разбой,
По-моему, лучше злословья». Такой
Был речью весьма удивлен я. Ему
Я задал вопрос: «Объясни, почему
Тебе беззаконье так мило, что вдруг
Его предпочел ты злословью, о друг?»
Ответил: «Отважен разбойник лихой.
Он кормит себя удалюю рукой.
Меж тем как хулитель порочит людей
И пользы не видит от злобы своей».

РАССКАЗ

Я в детстве поститься решил. Был я мал
В те дни: где десница, где шуйца, не знал.
И мне богомол по соседству один
Взялся изъяснить омовения чин.
«Во-первых, скажи: *Бисмиллах!* Долг второй —
Дать Богу обет. В-третьих, руки омой.
Трикраты оmyвши и нос, и уста,
Чисть ноздри посредством меньшого перста.
Протри указательным зубы перстом —
Ведь щетка зубная запретна постом.
Трикраты свой лик горстями воды
От корня волос омочи до браны.
Вновь — руки до локтя затем оmyвай.

Молитвы, которые знаешь, читай.
За этим — главы омовенье и ног.
Обряду конец — призывается Бог.
В сих знаньях никто не сравнится со мной —
Ведь старец-то сельский ослаб головой». —
Узнал это старец. От этих речей
Вскипел и вскричал: «Нечестивец, злодей!
На щетку зубную ты знаешь запрет.
А ближнего грызть запрещения нет!
Уста от злоречья очисти вперед.
Тогда и от брашен отмоешь свой рот.
Коль имя чье-либо услышишь, о нем
Заглазно всегда отзывайся добром.
Коль будешь людей ты ослами честить,
Тебе человеком меж них не прослыть.
Заглазно о мне ты дай отзыв такой,
Чтоб мог ты его повторить предо мной».

О БЛАГОДАРНОСТИ (Из главы VIII)

Дерзну ли я Богу хваленье воздать —
Достойно прославить Небес благодать?
Дар Божий всяк волос на теле моем.
Сумею ль хвалу каждым спеть волоском
Владыке, что милость простерши свою,
Раба-человека призвал к бытию?
Кто выразить в силах отличья его?
Все свойства вобрало величье его!
Слепил, чудодей, он из персти земной
Твой образ, умом наделив и душой.
И вот от рожденья до жизни конца,
Глянь — милостей сколько к тебе — от Творца.
Ты чистым был создан, будь чистым в пути —
Постыдно тебе в прах нечистым сойти.
Ведь капелькой семени был ты сперва —

Зачем же гордыней полна голова?
Вотще уповать на усилия рук.
Ужели не ведаешь, силою чьей
В движенье приводятся руки людей?
Не можешь ты шагу ступить сам собой.
Шлет свыше помогу Создатель благой.
Не чрез пуповину ль тебя он кормил,
Когда ты во чреве зародышем был?
К груди материнской ты жадно приник.
Две груди, влекущие страстно юнца —
Не два ль родника в детских яслях Творца?
Ах, матери лоно, ее две руки,
Как рай, а сосцы — две молочных реки.
Как дерево, матери стан. И растет
На дереве этом младенец, как плод.
Не к сердцу ль идут вены женских грудей?
Так знай: молоко — кровь сердец матерей.

*

В прямой лишь стезе, а не в стане прямом,
Отличие свое от неверных найдем.
И если ты в здоровом уме, не перечь
Тому, кто тебе дал слух, зренье и речь.

О ПОКАЯНИИ
(Из главы IX)

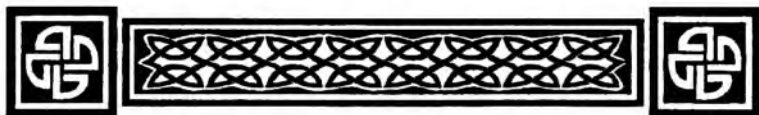
О ты, возраст чей ныне семьдесят лет,
Ужель ты проспал? Жизнь прошла, жизни нет?
Ты все о житье, о бытѣ хлопотал.
К отъезду припаса себе не собрал.
Но в день воскресенья на торжище, знай,
Заслугами только сторгуешь ты рай.
Товар хоть имеешь, получишь барыш.
С пустыми руками придя — прогоришь!
Чем торг оживленней, тем слезы горчей
Пришедших с пустыми руками людей.
Имел пятьдесят коль дирхемов, а пять
Из них потерял ты — начнешь горевать.
Так знай: пятьдесят если прожил годов,
Пять дней лишь осталось тебе — будь готов!
Ах, если почивший имел бы язык,
Он поднял бы слезный и горестный крик:
«Молись, о живущий, имеющий речь,
Пока смерть не может твой голос пресечь.
Ведь если в беспечности век наш протек,
Используй хоть ты остающийся срок».

МОЛИТВЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ КНИГИ
(Из главы X)

Возденем-ка руки молитвенно ввысь!
Не даст завтра смерть, чтоб они поднялись.
Не видел ужель, как осенней порой,
Без листьев оставлены стужею злой,
Деревья просящую длань к небесам
Подъемлют? Отказа ведь нет их мольбам!
Весенний наряд вновь судьба им дает.
В их лоне опять зарождается плод.
Не гонят того, чья простерта рука,
От двери, не знавшей вовеки замка.
Все с верой туда и молением своим
Подходят. Мы также туда поспешим!
Как голую ветвь, руки кверху прострем,
Ведь быть невозможно нам впредь нагишом.
С небес устреми, о Владыка, свой взгляд
Воззри на рабов, что, заблудшись, грешат.
Но если, о Боже, грешит бедный раб —
В надежде на милость Твою он ослаб...
Возвысил Ты в этом нас мире, любя.
Вся наша надежда и впредь — на Тебя!

Руми

Из «Месневи»

1

Был некогда купец. Держал он попугая.
Тот не на воле жил, а в клетке изнывая.

Когда собираться в путь пора купцу пришла —
Имел он с Индией торговые дела,

Им не был обойден никто из челядинцев.
И каждому из них, кто дар свой назначал,
Исполнить просьбу он охотно обещал.

И птицу он спросил: «Нужда твоя — какая?
Что из индийского добыть ты хочешь края?»

Ответил попугай: «Коль встретишь по пути
Ты попугаев там, о том их извести,

Что есть-де попугай, свою клянущий долю.
Судьба его ко мне закинула в неволю.

Он просит вас о том, со мной послав поклон,
Чтоб вы наставили, что делать должен он.

Он говорит: «Ужель назначено мне в муке
Заглохнуть здесь, живя с собратьями в разлуке?

И справедливо ль то, чтоб я хирел один,
Когда ваш век течет средь рощ и луговин?

Таков ли долг друзей и к другу сердоболье,
Чтоб мне была житьем тюрьма, а вам — раздолье?

Счастливы, вспомните об участи моей
На утренней заре, под сению ветвей!»

Купец почтенный дал согласие попугаю
Поклон его и речь снести в родную стаю.

И вот, когда достиг индийских он границ,
В пустыне несколько таких же встретил птиц.

Коня остановив и крикнув в виде зова,
Их брата просьбы все им передал до слова.

Какой-то попугай всем телом задрожал,
Свалился и дышать мгновенно перестал.

Купец тут осудил свое с ним обращенье.
«Живую тварь мое сгубило посещение!

Быть может, родственник он птички был моей?
Иль был то дух один в телах твоих друзей?

К чему мне было брать такое порученье?
Ведняге причинил я словом лишь мученье!

Язык наш есть кремень, железо суть уста.
Их слово жжет огнем окрестные места.

Железо о кремень не бей без нужды явной,
Хоть будь то с целью разумной, хоть забавной.

От слова целый мир пустыней может стать.
И мертвая лиса, как лев, пойдет на рать...»

Купец, окончив торг и путь свершив тяжелый,
Вернулся вспять домой, довольный и веселый

Гостинец каждому слуге привез добряк.
Служанке каждой дал вниманья лестный знак.

Промолвил попугай: «А я — без награжденья?
Открой же мне свои слова и наблюденья!»

Купец ему в ответ: «Раскаиваюсь я,
Жалею и скорблю, потоки слез лия!

Зачем известие отнес я роковое,
Не зная, что в нем зло сокрыто и какое!»

А попугай ему: «В чем каяться тебе?
К чему тут гнев и скорбь? Угодно так судьбе».

Купец сказал: «Твои стенанья о свободе
Я передал твоим собратьям по породе.

Один из них, тебя жалея, вдруг без сил
Упал, затрясся весь и дух свой испустил.

Я каялся в словах, мной сказанных напрасно.
Но в том, что сказано, раскаянье не властно».

Услышал попугай, как брат его упал
И, также задрожав, остыл и не дышал.

Увидя, что, упав, ни членом он не двинул,
Хозяин вмиг вскочил и шапку оземь кинул.

«Мой милый попугай, знаток приятных слов,
Что сделал я с тобой? Зачем ты стал таков?

О ты, чьи песни так пленительно звучали,
Наперсник мой и друг в весельи и печали!

О сладкогласный мой любимец попугай!
О ты, моей души бальзам и светлый рай!»

В конце же птичий труп он выбросил из клетки.
А попугай — воскрес. И — порх! до ближней клетки.

Хозяин поражен поступком был его.
И в том, что видел сам, не понял ничего.

Он, взор подняв, сказал: «О ты, певец мой сладкий!
Со мною поделись чудной своей загадкой».

— Мне делом, тот сказал, ответил попугай.
«Ни шуток, ни бесед, ни песен впредь не знай —

Твой голос ведь твоей неволи есть причина».
Вот мне какой совет дала его кончина!

Тут попугай купца наставил кое в чем.
И кончил: «Будь здоров! Не свидимся потом.

Прощай, хозяин мой! Ты добр и благороден.
По милости твоей я вновь теперь свободен.

Прощай! Лечу туда, где родина моя.
Свободен некогда ты станешь так, как я!»

Хозяин отвечал: «Лети под Божьим кровом!
Сегодня о пути поведал ты мне новом».

2

Стучался некто в дверь того, кого любил.
«Ты кто, смельчак? Скажи!» — любимец тот
спросил.

Ответ был: «Это я». — «Ступай! Мне нет досуга.
Мой стол — для одного, готового лишь друга.

Незрелому созреть разлука даст одна.
Иначе лесь и ложь в любви его видна».

Пошел бедняга прочь и целый год в разлуке,
Скитаясь, предавал себя несносной муке.

Созрел, сгорев душой, пока настал возврат.
И вновь бродил он там, где жил его собрат.

Он стукнул в дверь кольцом, готовя речь тревожно,
Чтоб грубость уловить уж не было в ней можно.

Любимец крикнул: «Эй, кто там?» И вот, в тиши
Звучит: «Здесь также ты, о царь моей души!»

Ответил друг: «Когда ты — я, о я, пожалуй!
Двоих же я вместить не может домик малый.

Двойную нить в иглу напрасно не вводи.
Теперь ты стал один — в иглу мою пройди!»

Игла и нить к себе влекутся обоюдно.
В игольное ушко нельзя пройти верблюду.

Что нити тонину верблюду может дать?
Святых лишь подвигов и мыслей благодать.

3

«О, друг!» — так милая влюбленному сказала. —
Немало обозрел чужих ты городов.
К которому из них душа твоя лежала?»
«К тому, — ответил он, — моей где милой кровь.
Везде, где б ни свила гнездо моя царица,
Игольное ушко обширно для меня.
Везде, где б ни зажглась красы ее зарница,
Мне рай — в колодезе, лишенном света дня.

С тобой, красавица, мне милы муки ада,
С тобой тюрьма — цветник, прелестница моя.
Пустыня дикая с тобой отрадней сада,
А без тебя средь роз несчастен был бы я.

С тобой везде своим доволен я уделом,
Хотя бы мне жильем могилы было дно.
То место выше всех ценю я в свете целом,
Где в мире и любви с тобой мне жить дано.»

Четверостишия

Не видя вас нигде, глаза полны слезами.
Вспоминая вас, душа полна тоской.
Вернется ль что-нибудь из прожитого нами?
Увы! Прошедшее придет ли в раз другой?

Признай высокое любви на нас влиянье.
Что есть плохого в ней, природы в том вина.
Ты похоти своей даешь любви название...
От похоти дорога-то — длинна.

Что это, от чего приятно нам явление?
Что это, без чего явления смысл сокрыт?
Что средь явления вдруг проглянет на мгновенье
Иль ярко мир иной в явлении отразит?

О, друг, меж нашими сердцами есть дорога.
И сердцу моему всегда она ясна.
Она — что водный ток — без мути, без порога.
А в глади чистых вод виднеется луна.

Затем мы дню враги, что только лишь он сбудет,
Как паводок в русле, как ветер в дали степей,
Садимся мы, когда тот месяц нас пробудит,
И кубками звеним до солнечных лучей.

Храни в себе любовь, свой лучший клад и славу.
Умей найти того, кто б вечно был твоим.
Душою не зови души своей отраву —
Беги ее, хотя б разрыв был нестерпим!

Сказать без языка хочу тебе я слово,
Не подлежащее суду ничьих ушей.
Оно для твоего лишь слуха, не чужого,
Хоть будет сказано при множестве людей.

Прекраснейшего нет, чем Ты, на свете друга.
Нет дела лучшего, чем лик Твой созерцать.
В обоих мне мирах и друг Ты, и подруга.
На все, что мило нам, Твоя лежит печать.

Я песнь о ней сложил, но вознегодовала
Она на то, что ей пределом служит стих.
«Как мне тебя воспеть?» — Она мне отвечала:
«Стиху ли быть красот вместилищем моих?»

Цвети и веселись души весною вечной,
Чтоб радовал твоих поклонников твой вид!
Кто взглянет на тебя без радости сердечной,
Да будет обречен на мрак, печаль и стыд!

Как солнце твоего коснуться смело лика,
Иль ветер — до твоих дотронуться волос?
Ум, гордых тайн земных и тварей всех владыка,
Мутится, о Тебе поставив лишь вопрос.

Из сфер вокруг тебя я был бы рад хоть пыли —
В надежде, что она твоих касалась ног.
Обиды от тебя меня бы веселили —
Вниманья знак ко мне в них видеть я бы мог.

Тому, в ком сердца есть хоть доля небольшая.
Несносно без любви к тебе прожить свой век.
Но цепь твоих кудрей сплетенных разбирая,
Окажется глупцом и умный человек.

Дервиш, который речь ведет о тайнах неба,
Дарит нам в каждый миг блаженство без конца.
Тот не дервиш, кому просить не стыдно хлеба.
Дервиш есть тот, кто жизнь влагает нам в сердца.

В любви я верностью хочу быть обеспечен.
Надежда призрачна. Уверенность нужна.
Хотя за преданность тобою я отмечен,
Награда высшая достаться мне должна.

Зашей себе глаза. Пусть сердце будет глазом.
И этим глазом мир увидишь ты иной.
От сомненья решительным отказом
Ты мненью своему укажешь путь прямой.

Сначала, как меня красавица пленила,
Соседям спать мешал стенаньем я своим.
Теперь стенанья нет. Любви видна в том сила —
Из ярко-вздутого огня нейдет и дым.

Заря — и вспыхнул свет на всем земном просторе.
Расходятся ночных любовников четы.
Закрыты сном глаза, уставшие в дозоре.
Вот время тайные срывать любви черты!

Свежесть. Ветерок повеял благовонный.
Из чьей обители исходит он, сознай.
Проснись! Взгляни, как мир бежит неугомонный.
Пойми, что караван идет. Не отставай!

Любовь от вечности — была и вечна будет.
Искателей любви утратится и счет.
Узрим ли завтра мы Того, Кто мертвых судит?
Презрение к любви без кары — не уйдет.

Любовь приятнее, когда несёт нам муки.
Не любит, кто в любви от мук бежит назад.
Муж — тот, кто, все забыв, когда наложит руки
Любовь на жизнь его, всю жизнь отдать ей рад.

Любовь должна быть тем, что нас бы услаждало.
Любовь нам радости без счета может дать.
Я в матери-любви обрел свое начало.
Благословенна будь навеки эта мать!

Когда судьба к тебе прислуживаться станет,
Не верь — она вконец пошутит над тобой.
Неведомым тебя напитком одурманит,
И милую твою обнимет уж другой.

По смерти нам сулят награду вечным раем.
Там чистое вино и гурий нежный взгляд.
Мы здесь уже к вину и милой прибегаем —
Добьемся и в конце ведь тех же мы наград...

Она — живой рубин, в котором все прелестно.
И блещут радости неведомых миров.
Сказать ли, кто она? Но имя неуместно —
Поклонник я того, кто враг излишних слов.

Возлюбленная есть лик солнца необъятный.
Влюбленный есть в лучах кружащийся атом.
Когда зефир любви повеет благодатный,
В ветвях еще живых восторг забудет ключом.

И сам я не пойму... Лишь Бог один то знает.
Но что-то душу мне так странно веселит,
Что розу иногда она напоминает,
Которую зефир любовно шевелит.

О, сердце! Ободришь! Приходит исцеленье.
Вдохни свободнее — настал желанный час.
Тот друг, своих друзей забота и мученье,
Во образе людском явился между нас.

Вид неба радостен от звездного сиянья.
Объемлет землю мир и душу с ней мою.
На зеркало души ложатся вздыханья,
И ими чудный блеск я зеркалу даю.

Лишь вспомню о тебе — и сердце затрепещет,
Потоки горьких слез польются из очей.
Отвсюду образ твой пред мыслию заблещёт.
О, сердце! Улетишь из груди ты моей.

Когда твоя душа прозрит хоть на мгновенье,
Весь этот мир вещей вдруг станет ей знаком.
И всем желанное нездешнее виденье
В зеркале мышленья появится твоим.

Весеннею порой в разлуке я с любезной.
Что праздник мне, когда нет радости ни в чем?
Да порастут сады колючкой бесполезной!
Да прыщут облака лишь каменным дождем.

Известно не одно у нас повествование
О жертвах мук любви и силе красоты.
Любовь к Тебе любви есть каждой основание.
Но должно понимать, что отблеск Твой — не ты.

Передо мной моей возлюбленной могила.
Покойной красота здесь в розах расцвела.
И я сказал земле, где милая почила:
«О, дай ей отдохнуть, не зная мук и зла!»

C.

О, я еще не сыт тобою, друг мой милый.
И много ты еще мне сладости должна.
Былинка над моей возросшая могилой,
И та еще любви окажется вредна.

Ты, сна не знающий от века и не знавший!
О, если б хоть людей во сне ты посещал!
Сказать ли? Но блажен, где нужно, промолчавший!
Ты также ведь молчишь и вечно лишь молчал.

Явись, красавица — превыше слов и меры!
Молитвы и тоски рассей бесследно мрак!
С тобой молитва — все, что служит знаком веры.
А без тебя сама молитва — только знак.

Мне часто дру. твердит: «Бежать ты должен
с толком —
Затеял ли побег, под мой лишь кров иди.
Когда ты одержим боязнью встречи с волком,
Спасайся в городе, а в степь и не гляди».

Вечор ко мне пришла та милая подруга.
Я плакал и молил, она была строга.
Ночь скрылась, не продлив для речи нам досуга.
Не ночь была кратка, а наша речь — долга.

О, ветер утренний! Лети к той деве милой.
И если ей досуг, скажи, как я страдал.
Застанешь ли ее сердитой и унылой,
Молчи! Скажи, что ты меня и не видал.

Возлюбленной моей ничто годов течение.
И будет нам всегда сиять она равно.
Она — и зеркало, и в нем же отраженье.
Такое зеркало заржаветь не должно.

Вечор упрашивал я разум величавый —
«Познаныю высших тайн меня ты научи...»
Он мне давал ответ, любовный и лукавый —
«Знать можно, но сказать нельзя. Итак, молчи!»

Лобзать ее уста, которых знал ты сладость,
И грудь ее ласкать привычною рукой
Не перестанет тот, кто жизни мощь и радость
Из этих милых чар обильной пьет струей.

В собрании, от нее присев неподалеку,
Не мог я при других на грудь ее прилечь.
Зато к ее щеке свою приблизил щеку,
Как будто на ухо ведя о чем-то речь.

Клянусь я душой, где к ней лишь чувство живо.
Клянусь я головой, где власть ее крепка.
Клянусь я мигом тем, как был я всем на диво —
В одной руке бокал, в другой — ее рука.

От мысли о тебе лишаюсь я сознания.
Без губок мне твоих не вкусно и вино
Мой взор, ища тебя, уж полон ожидания.
И ухо, чтоб тебе внимать, напряжено.

Хоть скучны мы тебе, зайди к нам на мгновенье.
Не избегай своих неистовых друзей.
Иль духа моего усвой себе затмение.
Иль только посмотри на бешенство страстей.

Мое случайное общение с другою
Не значит, что отдать я сердце ей хочу.
Тот, солнце чье с небес уйдет, спеша к покою,
Поставит пред собой взамен его свечу.

Меня бранят, зачем я смех и шутки не покину.
За то, что речь моя забавна и резка.
Тки, враг мой, как паук, из желчи паутину.
Орел же — весело взлетит под облака.

Тот, кто тебя узрит, прелестное создание,
Забудет все кругом — и место, и людей.
Что месяца нам лик, что звезд нам трепетанье,
Когда заблещет мир от солнечных лучей!

Когда б изведало хоть призрак этой страсти
Светило дня, оно забыло бы о дне.
А если б милую делили мы на части —
Вот вам десятая, а девять — мне!

В составе хитростном Адамовой природы —
С землею чистое смешалось естество.
Но истекли судьбой назначенные годы —
Дух к духу, к веществу вернулось вещество.

Живали мы среди людского населенья.
Но там о верности не грезят и во сне.
Нет, лучше меж людей нам жить без проявленья,
Как спит в железе блеск, как искра спит в огне.

Ты хочешь золота и сердца, друг лукавый.
Ни то, ни это мне к услугам — не дано.
Откуда золоту в мошне найтись дырявой?
Откуда сердце взять влюбленному давно?

Часть прежде целого волнуется любовью.
Срок раньше гроздию, вину черед — поздней.
Тому же и весна покорствуется условью —
Поет сначала кот, а после — соловей.

О страсти у меня сужденья есть и речи,
Каких не изъяснить ни письмам, ни послам.
Но жду я времени и случая для встречи,
Чтоб ты послушала, а толк я дал бы сам.

О Ты, Владыка мой, Всевышний, Всемогущий!
О Ты, пред кем я раб ничтожный и худой!
Не дай остыть любви, к Тебе меня влекущей.
Позволь хоть изредка мне видеть образ Твой!

Возвышен славою с Тобой самим общенья,
Я сотням равен стал, Тебя лишь возлюбя.
Со мной неслитно Ты мне центром был вращенья.
Теперь я, став Тобой, вращаюсь вокруг тебя.

Внушает Он одно мне страстное желанье —
Свободу от себя стяжать и — от забот.
Доселе труд мой был — духовных благ исканье.
Но Он внушает мне и этот сбросить гнет.

Сегодня я иду на пьяную прогулку.
Вином и голову я в кубок превращу.
Внимание каждому дарю я закоулку.
В безумцы годного я умника ищу.

Тому, кто сна лишил меня без сожаленья,
Дай, Господи, чтоб сон бежал его одра!
Пусть он изведает бессонницы томленья
И вспомнит заповедь: «Будь добр и жди — добра».

Когда печален я, тогда лишь дух мой ясен.
Когда я угнетен, молчит во мне тоска.
Когда я, как земля, недвижим и безгласен,
Мой стон, звуча, как гром, летит за облака.

Припав к твоим кудрям, тебя я не обидел.
Клянусь, что не было коварства в том ничуть.
Но сердце я твое в кудрях твоих увидел.
И с нежной шуткою хотел к нему прильнуть.

Когда становится преграда между нами,
В слезах и столах жизнь я провожу свою.
Как свечка таяньем, горжусь тогда слезами.
Как арфа, столами душе я звук даю.

В погоне бешеной за милою моею
До тех я дожил лет, когда пора ко сну.
Быть может, я в конце подругой овладею.
Но как себе я жизнь ушедшую верну?

Твое дыхание в жасмине уловляю,
Твоей красы в цветах ищу я полевых.
А в их отсутствие устами повторяю
Хоть имя я твое, и слушаю из них.

Не верь, что по тебе я больше не тоскую
И что отсутствием твоим не огорчен.
Вина твоей любви я выпил кадь такую,
Что ею вечно был и буду упоен.

Когда огонь любви сверх сил меня затронет,
Тебя, хотя б на миг, забыть бы я желал.
Тогда беру бокал, где ум бесследно тонет,
Но пью в вине тебя — тыходишь и в бокал.

Наука о Тебе любви к Тебе не шире —
И с той поры, и с этою Ты темен нам равне.
Но мы спасаемся и в том, и в этом мире
Любовью, а не тем, что знаньем нам дано.

За сердце душу мне любовь дает в награду.
И жертву всякую сторицей возвратит.
А если моему Ты сам представишь взгляду,
Так будет выигрыш всемирный мной добыт.

Зашед поспешно в сад, я розу рвал с опаской,
Чтоб не привлечь к себе садовника — хоть взгляд.
Но вдруг садовник сам сказал мне с кроткой
лаской —
«Что — роза, если весь пожертвовал я сад!»

Ты десять обещал червонцев мне напрасно.
Потом из них ты три взял письменно назад.
И дашь ли те мне семь, досель еще неясно.
Три вычел из нуля. К чему? Мне невдогад.

Ушла ты, и в тоске я слезы лью рекою.
Чем боль острее, тем слез я меньше берегу.
Но и глаза мои ушли вслед за тобою.
Так как же и без глаз я слезы лить могу?

Вещает ночь: «Все те, что пьянствуют, мне рады.
Сгоревшему душой я душу вновь даю.
А если от любви не видит кто награды,
Как ангел смерти я в дверях его стою».

Любовь — вино. В ней мощь моей души и тела.
Любовь — весна. Я с ней свой чувствую расцвет.
Клянусь любовью, врагом смертельным дела,
Что у меня, когда есть дело, дела — нет.

Друг друга целый век в лицо мы не видали.
Вот мы сошлись, но нас надзора мучил страх.
И мы, тая свои стремленья и печали,
Бровями речь вели, а слух нам был — в очах.

Послал на Бог с утра попойку и веселье.
И праздник удалось нам справить и постом.
О, кравчий! Дай вина, чтоб разум нам похмелье
Затмило — и навек ни капли уж потом!

То от возлюбленных ношу я в сердце рану,
То дружба тьму дает тревог мне и досад.
Откуда ж, наконец, веселье я достану?
Какой я радости еще могу быть рад?

Я пользы ожидал от временной разлуки.
Я думал, милая раскается моя.
Довольно я терпел, довольно принял муки —
Не смог. Тебе ль солгу я, правду утая?

Не в красоте рабынь, не в хмеле буйном — слава,
А в личной доблести на поле боевом.
Пусть тот, кому ничто кровавая расправа,
Один сидит, когда народ стоит кругом!

Лет несколько ходил ребенком я в ученье.
Потом друзьями был украшен мой удел.
Узнай же повести моей печальной заключенье —
Я облаком пришел и ветром — улетел.

О Ты, из бренности земной мое создавший тело!
О Ты, свет разума Кто в душу влил мою!
Да будет пред Тобой мое местечко цело —
Как Твой же баловень, к Тебе я вопию!

Жизнь без тебя есть грех, подруга дорогая.
И как же без тебя я век свой проживу?
Жизнь без тебя — скажу, речь клятвой подтверждаю,
Есть жизнь по имени, но смерть по существу.

О Ты, чей лик есть храм души и укрепленье!
О, жизни пламенник! Сгорел я от тоски.
Дозволь влюбленному свое мне лицезренье,
Чтоб жизни рубище я сам разнес в клочки.

Я сердцу говорил: «Любви не нужно новой —
Не причиняй опять мне горя и забот!»
Ответ его был строг: «Вот малый бестолковый!
Подружка хоть куда. Ломаться — не расчет...»

Так много я глупил и пакостил на свете,
Что не провел никто в ладах со мной ни дня.
Я жалуюсь, а сам пред всеми я в ответе —
Обидчиками всех зову, а те — меня.

Однажды мы с тобой на дальней луговине
Восторгам предались, в любви забыв весь свет.
То было уж давно, но грежу я поныне
О том, чтоб помнила ты дня того завет.

В животных души есть, но нет души единой.
Не хлеб, все хлебы есть, кому нужна еда.
Всему, что может здесь быть радости причиной,
Замену ты найдешь, но милой — никогда.

Таится Он в саду и скрыт в деревьях сада.
Бесчислен в образах, Един в Себе Самом.
Всемирный океан, живая вод громада,
А жизнь отдельных душ есть волн ее подъем.

Ушла ты. Но нейдут, о избранная мною,
Из сердца страсть к тебе, твой образ из очей.
Что если впереди я вдруг тебя открою,
О, светоч на стезе извилистой моей?

**О друг! Презрение к нам мы тем тебе внушаем,
Что не пил ты вина из тяжелой той стопы.
Мне от веселия стал мир казаться раем,
Печаль — мой раб и шут, хоть царь она толпы.**

Ум дан, чтоб выбирать в ладу с Твоим заветом.
Религия — чтоб жить по воле лишь Твоей.
Наука — не считать Тебя своим предметом.
А благочестие — не рвать Твоих цепей.

Я говорил: «Беги друзей с душой тоскливой,
С весельчаками лишь приятными водись.
Когда зайдешь ты в сад, оставь бурьян с крапивой
И меж жасминами и розами садись!»

**В последний час, когда с души спадает тело,
Как платье старое, сорвет она его.
И, сродной с ним земле вернув его всецело,
Наденет новое из света своего.**

Меняй хоть каждый миг жилище и соседа!
Будь как текущая без усталости вода!
Вчера прошло, и с ним — вчерашняя беседа.
Сегодня новой уж беседы череда.

С непосвященными о тайнах не беседуй.
Корыстным не тверди о чистом душ огне.
С чужими, на словах, чужим речам лишь следуй.
С верблюдом-степняком суди о бурьяне.

Душа моя с твоей всегда была едина.
Одни в них явные и тайные черты.
В словах «мое», «твое» ошибок лишь причина.
Исчезли меж тобой и мною «я» и «ты».

Все двери заперты. Твоя лишь дверь — открыта.
Чтоб чужеземца путь к Тебе лишь мог привести.
О Ты, чьи свет и мощь, и милость, и защита
Затмили звезд, луны и солнца блеск и честь!

Зачем томишь ты ум в кругу исканий строгом
И плачешь о тщете излюбленной мечты?
Ведь ты от головы до ног проникнут Богом.
Неведомый себе, чего же ищешь ты?

В любви забудь свой ум, хоть мудростью ты славен.
Дорожным прахом стань, хоть в небе будь
твой дом.
Будь старцам, юношам — и злым, и добрым —
равен.
Вудь ферзью, пешкою, потом уж — королем.

«Что делать?» — я сказал. А он мне: «Речь пустая!
Что делать? — я убью всех разом, без затей.
В бесплодной суете «что делать?» повторяя,
Туда же ты придешь, где был в начале дней».

**Пошли, Господь, безжалостного друга —
Мучителя сердец по прихоти своей!
Чтоб показать ей зло любовного недуга,
Пошли любовь, пошли любовь ей посильней!**

Сегодня вечером с сочувственным мне другом
Сошлись мы, для бесед лугов избрав простор.
Вот свечи, разговор, певец к моим услугам.
О, лишь бы Ты был здесь! А прочее все — вздор.

Когда, безумием и страстью ослепленный,
Придешь ты в общество, где счастье царит,
Не будешь пущен ты туда, как зачумленный,
Хотя бы в этот день умен и даровит.

Хафиз

Газели и рубай

Звезда полуночи дугой золотою скатилась,
На лоно земное с его суетою скатилась.

Цветы там она увидала и травы долины
И радостной их и живой пестротой пленилась.

Она услышала звонки говорливые стада
И мелких серебряных звуков игрою пленилась.

Коня увидала она, проскакавшего в поле,
И лошади статной летучей красой пленилась.

И мирными кровами хижин она и деревьев,
И даже убогой гнилушкой лесною пленилась.

И все любя, уж на небо она не просилась,
И рада была. что ночной порою скатилась.

О, если бы озером был я ночным,
А ты луною, по нем плывущей.

О, если б потоком я был луговым,
А ты былинкой, над ним растущей.

О, если бы розовым был я кустом,
А ты бы розой, на нем цветущей.

О, если бы сладостным был я зерном,
А ты бы птичкой, его клюющей!

Мы, Шемзеддин со чадами своими,
Мы, шейх Хафиз и все его монахи, —
Особенный и странный мы народ.
Удручены и вечных жалоб полны,
Без устали ярмо свое влача,
Гоняя перлы из очей горячих,
Мы веселы и ясны, как свеча.
Подобно ей мы таем, исчезаем
И, как она, улыбкой счастья светим.
Пронизаны кинжалами ресниц —
Жестоких, вечно требующих крови,
Мы только в этих муках и живем.
В греховном море вечно утопая,
С раскаяньем нисколько не знакомы,
А между тем свободные от злого,
Мы вечно дети света, а не тьмы,
И тем толпе вполне — непостижимы.
Она людей трех видов только знает —
Ханжу, во-первых, варвара тупого,
Фанатика, с его душою мрачной,
А во-вторых — развратника без сердца,
Ничтожного, сухого эгоиста.
И, наконец, — обычной колеей
Бредущего. Но для людей, как мы,
Ей не найти понятия и названья.

Если вдруг, без видимых причин,
Затоскую, загрущу один,

Если плоть и кости у меня
Станут ныть и чахнуть без кручин,

Не давай мне горьких пить лекарств,
Не терплю я этих чертовщин —

Принеси ты чашу мне вина
С нею лютю, флейту, тамбурин.

Если это не поможет мне,
Принеси мне сладких уст рубин.

Если ж я и тут не исцел сь,
Говори, что умер Шемзеддин.

Я был пустынною страной —
Огонь мистический спалил
Моей души погибший дол.
Песок пустыни огневой,
Я там взвивался и пылил
И, ветром уносимый,
Я в небеса ушел.

Хвала Творцу: во мне он
Унял убийственный огонь.
Он дождик мне послал сырой —
И, кротко охлажденный,
Я прежний отыскал покой —
Бог дал мне быть веселой,
Цветущею землей.

О, как подобен я — смотри! —
Свече, мерцающей впотьмах.
Но ты, в сияющих лучах —
 Восход зари.
Лишь ты сияй, лишь ты — гори!

Хотя по первому лучу
Твой яркий свет зальет свечу,
Но умолять тебя хочу —
 Лишь ты — гори,
Чтоб я угас в твоих лучах!

Дано тебе и мне
Созвездием любовным
Украсить небеса —
Ты в них — луною пышной,
Красавицей надменной...
А плачущей Плеядой
При ней — мои глаза...

Десять языков лилеи
Жажнут песни соловья.
И с немеющих — выходит
Ароматная струя!

Ветер нежный, окрыленный
Благовестник красоты,
Отнеси привет мой страстный
Той одной, что знаешь ты.

Расскажи ей, что со света
Унесут меня мечты,
Если мне от ней не будет
Тех наград, что знаешь ты...

И на что цветы Эдема,
Если в душу пролиты
Арематы той долины,
Тех цветов, что знаешь ты?

Не орлом я быть желаю
И парить на высоты —
Соловей Хафиз ту розу
Будет петь, что знаешь ты.

Падет ли взор твой гордый
На голову, во прахе
Трактирного порога,
Не тронь ее, молю я —
То голова Хафиза,
Что над собой не властен.
Не наноси ты словом
Ему или зазорным
Насилием — обид.

Не знающее меры,
Все существо в нем, словно
Лишь из трактирной пыли,
Всемилосердый создал —
Он знает, что творит!

Обдумай только это —
И кротким снисхождением
Твою исполнит душу
Тогда бедняги-старца,
Упавшего постыдно —
Неблагородный вид!

Книгу мудрую берешь ты —
Твой бокал берет Хафиз.
К совершенству всё идешь ты —
К бездне зол идет Хафиз.

В рабстве тягостном живешь ты
Терпеливою овцой —
Как пустынный лев в неволе,
Все оковы рвет Хафиз.

С тайной гордостью ведешь ты
Список мнимо-добрых дел.
Новый грех ежеминутно
На себя берет Хафиз.

Многих избранных блюдешь ты
Поручением своим —
К безрассудствам берассудных,
Веселясь, зовет Хафиз.

Меч убийственный куешь ты
Покарать еретиков —
Светлый стих свой, драгоценный,
Золотой, кует Хафиз.

К небу ясному встаешь ты
Дымом тяжким и густым —

Горной речки блеск и свежесть
В глубь долин несет Хафиз.

Все скажу одним я словом.
Вечно, бедный человек,
Горечь каждому даешь ты —
Сладость всем дает Хафиз.

Ты в мозгу моем убогом
Не ищи советов умных —
Только лютней он веселых,
Только флейт он полон чудных.

Пусть, насколько хватит сил,
Чернь тебя клянет,
Пусть zeloty на тебя
Выступят в поход —

Ты не бойся их, Хафиз,
Вечно милосерд,
Сам Аллах противу них —
Твердый твой оплот —

Зельзебилами твою
Жажду утолит,
Сварит солнце для тебя
Райских этих вод.

Чтобы горести твои
Усладить вполне,
Он бескрылого не раз
Ангела пришлет.

Мало этого — он Сам,
В благодати своей,
Поэтический венец
На тебя кладет.

И не Греция одна,
Даже и Китай

Песни вечные твои
С завистью поет.

Будут некогда толпой
Гроб твой навещать,
Всякий умница тебя
С честью помянет.

И когда умрешь ты, твой
Просветленный лик
Солнце, блеском окружа,
В небо понесет.

В царство розы и вина — приди,
В эту рощу, в царство сна — приди!

Утиши ты песнь тоски моей —
Камням эта песнь слышна! Приди!

Кротко слез моих уйми ручей.
Ими грудь моя полна! Приди!

Дай испить мне здесь, во мгле ветвей,
Кубок счастья до дна — приди!

Чтоб любовь дотла моих костей
Не сожгла — она сильна — приди!

Но дождись, чтоб вечер стал — темней!
Но тихонько, и одна — приди!

Веселись, о сердце-птичка,
Пой, довольное судьбиной,
Что тебя пленила роза,
Воцарившись над долиной.

Уж теперь тебе не биться
В грубой сети птицелова.
И тебя не тронут когти,
Не укусит зуб змеиный.

Правда, что занозы розы
Глубоко в тебя вонзились,
И истечь горячей кровью
Ты должна перед кончиной.

Но зато твоей кончине
Нет подобной ни единой.
Ты умрешь прекрасной смертью —
Благородной, соловьиной.

Предав себя судьбам на произвол,
Моя душа жила голубкой мирной,
Но твой, о солнце, пламень к ней дошел,
Испепелил ее твой огонь всемирный —

И тот — смотри, что пепел произвел!
Свободных крыл гордясь стезей обширной,
Божественного гения орел
Дышать взлетает радостью эфирной.

Грозные тени ночей,
Ужасы волн и смерчей —
Кто на покойной земле,
Даже при полном желаньи,
Вас понимать в состояньи?
Тот лишь один вас поймет,
Кто, под дыханием бурь,
В неизмеримом плывет
От берегов расстояньи.

Ах, как сладко-сладко дышит
Аромат твоих кудрей!
Но еще дышал бы слаще
Аромат души твоей!

В доброй вести, нежный друг, не откажи,
При звездах прийти на луг — не откажи.

И в бальзаме, кроткий врач души моей,
Чтоб унять мой злой недуг, не откажи.

В леденцах румяных уст, чтобы мой взор
За слезами не потух, не откажи.

В персях, нежных, как лилейные цветы,
В этих округленных двух, не откажи.

И во всем, на что завистливо в ночи
Смотрит с неба звездный круг, не откажи.

В том, чему отдавшись раз, хотя на миг,
Веки счастья помнит дух, не откажи.

В том, что властно укротить еще одно —
Пред могилою испуг, не откажи.

Ежели осень наносит
Злые морозы, не сетуй ты.
Снова над миром проснутся
Вешние грозы — не сетуй ты.

Ежели мертвой листвою
Всюду твой взор оскорбляется,
Знай, что из смерти живые
Выглянут розы — не сетуй ты.

Если тернистой пустыней
Путь твой до Кабы потянется,
Ни на колючий кустарник,
Ни на занозы — не сетуй ты.

Если Юсуф одинокий
Плачет, отторжен от родины,
Знай, что заблещут звездами
Жаркие слезы — не сетуй ты.

Все переходчиво в мире,
Жребий и твой переменится.
Только не бойся судьбины,
Злобной угрозы — не сетуй ты.

Гиацинт своих кудрей
За колечком вил колечко,
Но шепнул ему зефир
О твоих кудрях словечко.

Твой вечно, неизменно,
Пока дышать я буду.
Усну ль я под землей —
Взлечу в твоей одежде
Я пылью гробовой.

О помыслах Хафиза
Лишь он один, да Бог на небе, знает.
Ему он только сердце
Греховное и пылкое вверяет.

И не одним прощеньем —
Всемилосердный благ — Он благ молчаньем.
Ни ангелам, ни людям
Об этом Он словечко не роняет.

Сошло дыханье свыше,
И я слова распознаю:
«Хафиз, зачем мечтаешь,
Что сам творишь ты песнь свою? —
С Предвечного начала
На лилиях и розах
Узор волшебный
Стоит, начертанный в раю!»

Уж если все от века решено,
 Так что ж мне делать?
Назначено мне полюбить вино —
 Так что ж мне делать?

Указан птице лес, пустыня — льву,
 Трактир — Хафизу.
Так мудростью Верховной суждено —
 Так что ж мне делать?

Не будь, о богослов, так строг,
Не дуйся, моралист, на всех —
Блаженства всюду ищем мы,
А это уж никак не грех.

Нас как израильских сынов
Пустынный истомил побег,
И мы у неба просим яств,
А это уж никак не грех.

Да, нам старик-трактирщик — друг,
Мы сознаемся в том при всех —
Притворства избегаем мы,
А это уж никак не грех.

Людскую кровь не станем лить
Мы для воинственных потех —
Льем виноградную мы кровь,
А это уж никак не грех.

Мы разверзаем клад души,
Чтобы для сладостных утех
Все перлы сердца раскидать,
А это уж никак не грех.

Мы славим милую в стихах,
И нас, быть может, ждет успех.

Пленительным пленен поэт,
А это уж никак не грех.

Ты, как осел или верблюд,
Кряхтя, тащи тяжелый мех.
Мы все, что давит — с плеч долой,
А это уж никак не грех.

Хафиз убит. А что его убило —
Свой черный глаз, дитя, бы ты спросила.

Жестокий негр!* Как он разит стрелами!
Куда ни бросит их — везде могила.

Ах, если есть душа у райской птицы,
Не по тебе ль ее трепещут крылья?

Нет, не пугай меня рассудком строгим —
Тут ничего его не сможет сила.

Любовь свободна. В мире нет преграды.
Которая бы путь ей заступила.

О, состраданье, голос сердца нежный!
Хотя бы ты на помощь попешило.

Знать, из особой вышла ты стихии —
Хафиза песнь тебя не победила!

* Негр — черный глаз красавицы. — Прим. перев.

В наш век избрал я только двух
для дружбы непритворной —

Бутылку длинную с вином,
стихов корабль узорный.*

Поклажи не бери с собой —
путь верный слишком узок.

Ты захвати лишь пиалу —
ведь жизни нет повторной!

Не я один томлюсь тоской
без дела в этом мире.

И мудрым — горе: не взошли
делами знаний зерна.

Рассудком если оценить,
так здесь, в путях тревожных,

Деянья мира и он сам —
игра лишь тени вздорной.

* В персидской литературе *кораблем* было принято называть собрание стихотворений. — *Прим. перев.*

Надежду я в душе питал
с тобой быть вечно вместе,

Но смерть на жизненном пути —
надежд убийца черный...

Прекрасной кудри ты ласкай,
оставь о прошлом повесть —

Судьба удач и неудач
путям планет покорна.

Нет дня, когда ты был, Хафиз,
случайно трезвым найден —

Вином предвечности пьянеть
он обречен бесспорно!

Эй, виночерпий! Чаши вновь
налей вином и будь проворен!

Легка казалась нам любовь,
пока не обернулась горем.

Чтоб ветер утра нам донес
привет от мускусных кудрей,

Мы ждем — и сколько муки в том,
как этот дивный локон черен!

Коль старец-маг велит — залей
вином молитвенный ковер.

Тому, кто странник с давних пор,
как жожаку, ты будь покорен.*

Мне дал бы радость милой кров,
но колокольца слышен звон —

Стоянки время отошло,
и в путь пускаться нужно вскоре.

* *Странник* — здесь и в некоторых других стихотворениях — обозначение суфия, человека, совершающего путь духовного опыта. — *Прим. перев.*

Чернеет ночь, и глубь страшна,
ужасен волн водоворот.

Поймут ли это, чьи пути
на берегу, вдали от моря?

В моем пути желаний страсть
меня к позору привела.

И тайной можно ли считать,
что разгласили в громком споре?

Хафиз, чтоб знать тебе покой,
запомни истину одну —

Любовь узнав, забудь весь мир,
и в отреченьи будь упорен.

Красив Ширази вид
и слава высока —

Да сохранит его
Господняя рука!

Стократ благослови
ты прелесть Рокнабада.

Несет от Мусаллы,
с холмов Джафарабада

Нам свежий аромат
в дыханьи ветерка.

Приди в Шираз — найдешь
источник благодати.

У тех, чей ясен дух
и мудрость глубока.

Посмеют ли назвать
тут сахар из Египта —

Ведь от прелестных лиц
и жизнь вокруг сладка!

Ты знаешь, ветерок,
 прелестное создание —

Лули, чья красота
 пьяняща и дика?

О Господи, не дай
 очнуться мне от грезы,

Где милый лик зовет
 из тьмы моя тоска!

И если те уста
 моей напьются крови —

Прости им, сердце, кровь,
 как каплю молока.

Страшился ты, Хафиз, разлуки,
 но не лучше ль

Благодарить любовь,
 что так была близка?

Ты — словно утра свет, а я —
в ночи печальная лампада.

Лишь улыбнешься, а тебе
моя душа отдаться рада.

Так в сердце выжглись глубоко
кудрей фиалок завитки,*

Что в землю лягу я навек
среди фиалкового сада.

Я двери глаз раскрыл, и вот —
порог надежды предо мной —

Что ты хоть взором подаришь...
Увы! Во взоре лишь досада!

За то ли — Бог тебе прости —
что даже мимо не пройдешь,

Когда покинут всеми я —
благодарить тебя мне надо?

* *Фиалки* — в персидской поэзии синоним кудрей. — *Прим. перев.*

Я раб эрачков моих за то,
что, хоть и черны их сердца,

Но льют потоки слез они,
и сердца горю в том отрада.

Хоть в каждом взгляде мой кумир
своею блещет красотой —

Никто не видит так, как я,
того нечаянного взгляда.

Когда Хафиза ветерком
в могиле посетил бы друг —

В гробу от страсти б разорвал
я ткани смертного наряда!

Эй, кравчий! Чашу мне зажги
вина пьянящим светом!

Пой, песнопевец, — суждено
свершиться всем обетам.

Я в чаще образ увидал —
моей любимой лик.

О вы, кто тайны не узнал,
что видел я в вине том!

Ничто — прельщенья дивных глаз
красавицы любой.

О, кипарис мой, пред тобой,
сияньем грез одетым,

Хафиз, любви приманкой брось
зерно твоей слезы —

Авось и песенка тебе
той птичкой будет спета.

И неба синь, и свет луны —
творенье все вокруг —

Хаджи-Кавама* добротой
и милостью согрето.

* *Хаджи-Кавам* — по-видимому, вельможа, которого поэт хотел почтить своей признательностью. — *Прим. перев.*

Я тысячи дел совершил,
чтоб ты стала мне другом,

Чтоб скорбному сердцу
награду дала по заслугам,

Чтоб ночью однажды
наперсником бедного сердца

Влюбленного грустную
ты посетила лачугу!

Чтоб светочем стала глазам ты,
без сна истомленным,

Поверенным духа,
что предан надеждам и мукам,

Чтоб в грезе ночной
увидать мне мечты совершенье,

И призрак мечты
не исчез бы, рыданьем испуган.

Чтоб жалобу я
на рубин твоих уст приносил бы

Тебе — и не вышла б она
Из влюбленности круга!

Чтоб ты государем моим
перед всеми блистала,

Кто в гордой красе
раздает повеления слугам.

Лань солнца была б
на охоте мне жалкой добычей,

Коль серну, как ты,
я настиг бы средь зелени луга!

Когда поцелуя,
что губки сулили, не дашь мне —

Смотри, объявлю,
что долги свои платишь ты туго!

К лужайке, где руки
протянут кумиры влюбленным,

Приди, чтобы не был
своим я кумиром поруган!

Прославлен Хафиз,
но согласия если не дашь ты —

И малой цены
не придам я стихов моим звукам.

Когда ты, милая турчанка,
мое бы сердце приняла —

За родинку на дивной щеке
я б отдал царства без числа!

Эй, кравчий! Лей, что там осталось —
не сыщем мы в долинах рая

Счастливый берег Рокнабада
иль сад такой, как Мусалла!

Ах, эти шустрые певуны,
что всем вокруг умы смущают —

Терпенье сердца расхищают,
как турки — яства со стола!

Красе возлюбленной не нужно
моей любви пустого дара —

Без притираний, краски, мушек
она всех более мила.

Пой о вине и о плясуньях
и не ищи разгадки мира —

Не развязал и не развяжет
никто заветного узла.

Красы Юсефа видя силу,
я понял рока неизбежность,

Что Зелиха стыда завесу
хранить от страсти не могла.

Меня бранишь ты зло, но радость —
прости мне Бог в гневливой речи —

Рубинам сладких уст пристойна
и эта горькая хула.

Мой друг, внимай же наставленьям —
для юных душ всего дороже

То слово ценное совета,
что старца мудрость изрекла.

Хафиз, нанизывай, как жемчуг,
стихи напевные газели —

Чтоб в небе звездным ожерельем
тебе рассыпалась хвала.

О ветер утра счастливого,
сторонкою той, что ты знаешь,

Пройдись ты в тот переулочек,
той самой порой, что ты знаешь.

Ты вестник тайны единственной,
к дороге взор мой прикован.

Прошу я — не смею приказывать,
так все мне устрой, как ты знаешь.

Скажи, что душа, чуть жива еще,
скажи: «Ты ему, ради Бога,

В рубине твоём жизнедательном
дары открой, что ты знаешь!»

Слова написал я в записочке,
чтоб взгляд чужой их не понял,

Сложи их ей, благодетель мой,
в понятный строй — как ты знаешь:

«Как мне, о краса, не надеяться
на пояс твой златотканый —

Скрывает вещицу чудесную
его покрой, как ты знаешь.

Твой меч для меня губительный —
мечта, как родник в пустыне,

Ты в плен взяла — так предай меня
той смерти злой, как ты знаешь».

Хафиз, в этом деле нет разницы —
что тюркский язык, что персидский.

Для сказки любви избери же ты
язык любой, что ты знаешь.

Я вышел на заре,
чтоб роз нарвать в саду,

И трелей соловья
услышал череду.

Несчастный, как и я,
любовью к розе болен,

И на лужайке он
оплакивал беду.

По той лужайке я
прогуливался часто.

На розу я смотрю,
на соловья — и жду —

С шипом она дружит,
но также неразлучен

С любовью соловей —
все в том же он бреду.

Стенанья соловья
мне в сердце болью пали,

И утешенья сам
себе я не найду...

Так много роз цветет,
но кто сорвать их может,

Не испытывав шипов
опасную вражду?

Хафиз, надежду брось
на счастье в этом мире —

Нет блага в нем, и все
нам к скорби и вреду!

Вчера на исходе ночи
от мук избавленье мне дали.

И воду жизни во тьме,
недоступной зренью, мне дали.

Утратил я чувства свои
в лучах того естества!

Вина из чаши, что духа
родит возвышенье, мне дали.

И благостным утром была
и стала блаженства зарей

Та ночь — повеленьем судьбы —
когда отпущенье мне дали.

Небесный голос в тот день
о счастии мне возвестил,

Когда к обидам врагов
святое терпенье мне дали.

И взоры теперь устремил
на зеркало я красоты —

Ведь там в лучезарность ее
впервые прозренья мне дали!

Дивиться мне нужно тому,
что сердцем так весел я стал?

Томился скудостью я,
и вот — воспоминанье мне дали.

Весь этот сахар и мед,
в словах текущих моих,

То плата за Шах-Нэбат,
что в утешенье мне дали.*

Увидел я в тот же день,
что я к победе приду,

Как верный стойкости дар
врагам в посрамленье мне дали.

Признателен будь, Хафиз,
и лей благодарности мед

За то, что красавицу ту,
чьи прелестны движенья, мне дали.

* *Шах-Нэбат* — согласно преданию, имя возлюбленной Хафиза. Иранские женщины, часто пользуясь книгой стихов Хафиза для любовного гадания, питают особое почтение к Шах-Нэбат, считая ее как бы покровительницей женского сердца. — *Прим. перев.*

О, ветер утра, скажи
ты этой стройной газели,

Что, скорбью о ней уязвлен,
брожу я средь горных ущелий.

Ты, сахара продавец, —
да будет долга твоя жизнь,*

Спросил бы ты, хоть разок,
о том, чье сахар изделие?

Когда ты с другом сидишь,
отведывая вино,

Влюбленных ты вспомяни,
невзгоды отведавших зелье,

Надменность твоей красоты,
ужели, о роза, не даст

Одно словечко сказать
соловью, чьи так жалобны трели?

* Продавцом сахара поэт называет некую красавицу, которую укоряет за жестокость к нему (сахар — сладость ее прелестей). Себя же он называет буквально «попугаем, жующим сахар», имея в виду сладость творимых его устами слов. — *Прим. перев.*

Ведь можно только добром
того приручить, кто умен.

Бывалую птицу стрелять —
всегда попадешь мимо цели.

Загадку как мне понять,
что нет порою и следа

Душевного в черных глазах
и в негой чарующем теле?

Пророков я не могу
найти в твоей красоте.

Красавиц видел ли кто,
чтоб верность в сердце имели?

За счастье в круге друзей
хоть в мыслях признательна будь

Ты тем, кто в пустынях бредут,
лишенные теплой постели.

От песен Хафиза и впрямь
взыграть могли б небеса.

Запляшет Мессия под звук
Денницы звонкой свирели.

В этом городе немало
счастья взыскан я звездой,

Время бросить этот омут,
взяв достаток мой худой!

Пальцы я грызу в досаде
и вздыхаю без конца,

Что горю я весь, как роза,
страсти огненной бедой.

Был вчера я очарован
песней авонкой соловья —

Роза уши распустила
и бутон свой молодой.

Сердце, радуйся! Подруга,
что жестокою была,

Ныне связана сурово
рока жестокою уздой.

Чтоб ты слабости не видел
и жестокости не знал —

Избегай обетов дряблых,
слов, подсказанных враждой.

Если злых напастей волны
и до неба поднялись,

Мудрых доля и пожитки
не подмочатся водой.

О, Хафиз, когда бы вечным
обладанье быть могло,

Трон Джемшид бы свой не отдал
року в древности седой.

Мой скудный жребий тяжек,
подъем дороги крут,

Унизан я пред теми,
кто гордостью надут.

И только лишь коснувшись
кудрей, в безумьи страсти

Я гордо выпрямляюсь,
не зная рабских пут.

Что делается в небе —
у глаз моих спроси ты.

Я в знак благодаренья
уста целую чаши —

Здесь ключ великой тайны
и знанья тихий пруд.

И также благодарен
рукам моим я слабым.

Терзать они не могут
насиьем бедный люд.

Когда в стихах создал я
хвалу винопродавцам —

Я мздою справедливой
почтил их добрый труд.

Ведь ты не пожелаешь
поднять меня из праха,

Хотя б из глаз катился
слезами изумруд!

Не укоряй, что плачу
я кровью в этих долах.

Как муки коз мускусных,
удел прозренья лют.*

Пусть голова Хафиза
пьяна, но мне надеждой

Иной главы забота
и милостивый суд.

* Мускус добывается из желез кабарги (по-персидски называвшейся «татарской козой») путем мучительной и кровавой операции. Хафиз уподобляет этим мучениям переживания человека, личный эгоизм которого жестоко страдает, когда прорыв к мистическому возвышению извлекает из него скрытую (как мускус в теле кабарги) духовную ценность. — *Прим. перев.*

Дай весть, чтоб от жизни навстречу
любви мне ответной подняться,
Как птице небесной, от плена
земли этой бедной подняться.
Во имя любви твоей,
если своим наречешь ты рабом —
Смогу я превыше Владетеля
мощи всесветной подняться.
О, Господи, брызни
из облака промысла теплым дождем.
В тот час, как мне пылью назначено
здесь неприметной подняться.
Я стар, но однажды лишь в ночь
меня в объятьях сожми,
Чтоб мог я наутро из них
в юной мощи победной подняться.
Открой же Хафизу кумир,
в движеньях пленительный стан,
Чтоб мог я от этой земли
и жизни тщетной подняться.

Иосиф потерянный снова
придет в Ханаан — не горюй!

Дом скорби расцветшими розами
будет убран — не горюй!

О скорбное сердце, не плачь —
нелюбовь окончится скоро,

И ум превозможет смятенья
тяжелый туман — не горюй!

Воздвигнет весна на лугах
престол свой в цветении новом,

И будешь венцом ты из роз,
соловей, осиян — не горюй!

Надейся! Ты тайны не знаешь —
а там, за завесой, быть может,

Откроется радости клад,
что тобою не ждан — не горюй!

Сегодня судьбы колесо
к ущербу для нас повернулось —

Но дальше вертится оно,
и не вечен изъян — не горюй!

Когда ты, в Каабу стремясь,
на пути переходишь пустыню

И ноги изранит колючий
тебе мугилян — не горюй!

О, сердце, пусть хаоса буря
сорвет бытия основание —

Твой кормчий — Ной, и не
страшен тебе океан — не горюй!

Опасен пути переход,
и цели желанной не видно,

Но нет бесконечных путей —
разойдется туман — не горюй!

Как тяжело душе
от разлуки и ревности злобы —

Все знает Господь, кем удел
наш изменчивый дан — не горюй!

Хафиз, в уголке своем бедном
пока в одинокий ты вечер

Молитвы твердишь и читаешь
усердно Коран — не горюй!

К этой двери искать
не чины и почет я пришел —

Чтоб убежище здесь
мне найти от невзгод, я пришел.

Я к жилищу любви —
от черты, где нет жизни — иду,

И в страну бытия,
совершив переход, я пришел.

Я твой смуглый увидел пушок,
и из райских садов

Мандрагоры потребовать
сладостный плод я пришел.*

О, спасенья корабль!
твоих милостей якорь ищу —

Утопающим в скверне
среди милости вод я пришел.

* *Пушок* (на теле) и *плод мандрагоры* обозначаются одним и тем же словом; плод (впоследствии в Европе — корень) мандрагоры почитался чем-то вроде талисмана, оказывающего благотворительное влияние, в частности, в любовных делах (ср.: «чудесный корешок» в сказках разных народов). — *Прим. перев.*

Гибнет честь! Изойди же
дождем, омывающим грех!

До конца подведя
черных дел моих счет, я пришел.

Брось, Хафиз, власяницу свою —
вздохов жарким огнем

Попалить лицемеров
неправедный род я пришел.

Сиянье твоей красоты
на пороге блеснуло творенья.

Любовь родилась — и зажгла
весь мир огнем озаренья.

И ангел увидел твой лик,
но любви он к нему не узнал.

От ревности стал он огнем —
в человека излил он горенье.

От этого пламени ум
задумал светоч возжечь —

Но молния ревности вдруг
весь мир повергла в смущенье.

Незванный хотел подойти
к великому поприщу тайн.

Но взмахом незримой руки
пресекло тот путь запрещенье.

Всем прочим пал жребий судьбы
на радости яркой удел.

Мне, знавшему только печаль,
он выпал на горечь смиренья.

Но к ямкам на щечках твоих
я горней стремился душой,

Схватила рука за кольцо
кудрей твоих — в жажде спасенья.

И в день тот Хафиз написал
любовную песнь о тебе,

Когда он пером зачеркнул
все радости и наслажденья.

О Ты, чьим ликом осиян,
возрос цветник тюльпанный жизни,

Вернись! Увянет без Тебя
весною цвет румяный жизни!

Хаоса мрачный океан
не угнетает мысли тех,

Кому дано в твоих устах
увидеть круг избранной жизни.

Когда потоки слез текут —
меня осудишь ли за то?

В единой скорби о Тебе
душа проходит страны жизни.

Я жив, но жизни нет во мне —
и кто дивился бы тому?

Разлуки дни со счета сбрось —
ведь это — лишь изъяны жизни!

В тот краткий миг, когда Тебя
еще мне можно лицезреть,

Будь в помощь мне! В моих путях
не вижу я желанной жизни.

В пирах доколе ночи длить
и утро сладостное — в сне?

Проснись! Уж время отошло
свободы невозбранной жизни.

Вчера прошел Он, но ко мне
и взора Он не обратил...

О, сердце бедное, тебе
мелькнули лишь обманы жизни!

Хафиз! Пиши свои слова,
чтоб на страницах бытия

Служили памятью они
и грамотой охранной жизни.

О ветерок, любви моей повесть
беззвучно ей Расскажи!

Ста языками, как мое сердце
измучено, ей Расскажи.

Так Расскажи ей о том,
чтоб она не скучала —

Так, чтоб словечко проникло ей
в сердца излучины, ты Расскажи!

Аскет, не зови меня в рай —
выбор твой неудачен.

Господь замесил меня так,
что не рай мне назначен.

С гумна бытия
ни зерна никогда не сберет,

Кто истины путь
не засеял в обители плача.

Тебе — благочестие,
четки, молитва, закон,

А мне — погребок,
храм, где молятся — только иначе.

Ты пить не мешай мне,
о суфий; на чистом вине

Месил меня Бог,
и властью вина я охвачен.

О суфий, тем в рай не попасть,
чей достаток, как мой,

На пьянство в подвалах
до рубища не был истрачен,

И к райским утехам
и гурий устам не прильнет —

Кто дерзким был вором
любви моей верной удачи.

Хафиз, коли милость
Господня пребудет с тобой —

Оставь ты о рае
и аде пустые задачи.

Дорога разума известна,
а я, беспутный, где?

Легко понять, где путь идет,
достойный и блудный — где!

Как с благонаравием сравнить
и с благочестьем пьянство?

Где поучений слышен голос
и звуки лютни — где?

Давно уж мне постыла келья
и рубище аскета.

Обитель магов — вот источник
вина немутный — где!

О незабвенное то время,
когда мы были вместе!

Где взоры нежные найти мне?
И голос чудный — где?

Что в красоте моей любимой
понять сердцам враждебным?

Где солнца блеск неугасимый —
светильник скудный — где?

Земля у твоего порога
даст глазу исцеленье —

Так где же мне найти в чужбине
путь многотрудный — где?

На подбородок нежный глядя,
ты ямки берегись там,

А то — где кончишь, сердце, путь свой
ты безрассудный — где?

Мой друг, не жди ты от Хафиза
спокойствия, терпенья.

Где знать ему покой, терпенье,
сон непробудный — где?

Вчера из мечети вышел
наш шейх и попал в погребок.

Товарищии суфии, нам-то
какой же в этом урок?

Лицом повернуться ль к Каабе —
нам, мюридам простым,

Когда наш почтенный учитель
прямо глядит в кабачок?

Давайте станем жильцами
трущобы магов и мы —

То в день предвечный решили —
таков уж, видно, наш рок!

Узнать бы мудрым, как сладко
сердцу в оковах кудрей —

За теми цепями в погоне
безумцы сбились бы с ног.

Едва лишь сердцу в добычу
попался душевный покой —

Ты кольца кудрей распустила,
и он ускользнул под шумок!

Раскрыл мне твой лик благодатный,
как милость чудо понять,

И вот — кроме *благо* и *милость* —
в тафсире не вижу я строк.

Из камня пускай твое сердце —
неужто не вспыхнет оно

Огнем пепелящим стенаний,
в которых мой сон изнемог?

Кудрей твоих ветер коснулся,
и мир почернел предо мной —

Вот прибыль одна, что из мрака
кудрей я любимых извлек.

Стрелою стенаний пронзаю
я небо — замолкни, Хафиз!

Щади свою бедную душу —
убьет тебя этот стрелок!

Когда в удел мне погребки
даны веленьем Бога —

За что ж, о праведник, скажи,
меня ты судишь строго?

Раз чаша винная кому
от века суждена,

Не должно то зачесться в грех
у райского порога!

Скажи ты суфию — ханже,
что рубище надел,

Где — хоть коротки рукава,
да руки тащут много.

«Ведь носишь рубище свое
из лицемерья ты,

Сбиваешь Божьих ты рабов
на ложную дорогу!»

Склонюсь я пред величьем тех,
кто пьянствует и нищ,

Кому и Бог, и этот мир —
лишь два ничтожных слога.

Лишь в погребке моей мечты
свершение я найду.

Противны сердцу медресе
и суфиев берлога!

О подаянии брось, Хафиз,
ты кланчить у дверей.

Получишь то, что пожелал,
лишь изволением Бога.

Ты знаешь ли, о чем ведут
беседу чэнг и тара?*

«Тайком вино должны вы пить —
грозит за это кара!

Честь отнимают у любви,
у любящих — красу,

Клеймят позором молодых,
и нет пощады старым.

Велят не слушать и молчать
о таинстве любви...»

Да, слухи темные растут,
как на дрожжах опора!

Дурачат сотней пустяков
нас — тех, кто за дверьми.

За занавеской бы узнать —
что там у них за свара?

И старца магов — погляди! —
опять винят во всем —

* Чэнг — старинная арфа, тара — музыкальный инструмент, напоминающий гитару. — *Прим. перев.*

Боюсь, что праведников рать
ему нагонит жара!

Честь за полушку продают,
за ласковый посул —

Барыш теряют, у кого
красивых глазок пара.

Одни настойчивостью мнят
снискать себе любовь,

Других же ставка — на судьбу —
те ждут ее, как дара.

Но в мире ты не уповай
на истинный успех.

Здесь кухня ведьмы, где творят
любую вещь из пара.*

Хоть философский камень все
добыть хотят глупцы,

Но ничего не извлекли
из грязного нагара.

Так пей вино! Шейх и молла
Хафиз и мухтесеб** —

Как посмотреть — один обман
все тайны их и чары.

* *Кухня ведьмы* — средневековое (европейское) название алхимической лаборатории, — *Прим. перев.*

** *Мухтесеб* — полицейский чин, в обязанности которого вменялось наблюдение за нравственностью в городе, в особенности по части запрещенного мусульманским законом употребления вина. Возможно, что упоминание мухтесеба здесь двусмысленно и Хафиз имел в виду эмира. В кавычках — стих из Корана. — *Прим. перев.*

Увы! Где нам найти
дней юности наряд?

Когда б его узор
нам вечно тешил взгляд!

Увы! О скорбь —
из родников чудесных

Нигде живой воды
нам не прольется клад!

Покинь того навек,
с кем был ты кровно связан.

Так надо — так судьбы
решенья говорят.

Да! Будет каждый брат
своим покинут братом —

Клянусь моей я жизнью —
но кроме двух Фаркад!

Весенние дни настают.
Роза, тюльпан и шиповник

Взойдут из земли. Отчего ж
ты в земле недвижим?

Я облаком вешним пойду,
орошу я слезами обильно

Могилу твою, чтобы ты
снова поднялся живым.

Хоть я лишь слуга
у высокого царского трона,

Но в утреннем царстве
и сам я венчан короной.

За пазухой клад у меня
и пустой кошелек.

Я — чаша-оракул,
и в прахе лежу удрученно.

Спокойствием трезвый,
надменною гордостью пьян,

Я — озеро веры,
и в скверне тону я бездонной.

Лишь стоит игривой
красавице бросить мне взгляд,

И я отражаю
улыбку ее умиленно.

Для шаха, венчанного
счастьем, я каждую ночь

На страже венца
и державы — его оборона.

Скажи ему: «Твердой
опорой ту руку возьми,

И спи беззаботно,
не зная тревог и урона».

Мансуру властителю
ведомо, как я умел,

За что бы ни взялся —
любую осилить препону.

И саван из крови
готовлю я злобным врагам,

Друзьям же — к победе
несу боевые знамена.

Мне краски притворства,
обмана цвета — не нужны.

Я красен, как лев,
или черен, как крылья дракона.

Когда у Хафиза кто занял —
вели им вернуть!

Ты сам то признал,
справедливый блюститель закона.

Кравчий, вина принеси,
в нем жизни чудесная сила.

Тело бессмертием ты
надели, обреченное тлену!

Взгляд мой — на ободке чаши,
душа — на простертой ладони...

Полы одежды держи,
чтоб, как розы бутон, не раскрылись —

Ноги твои для души —
вершина стремления к плену!

Строим возвышенным ты,
о мотреб, настрой свою лютю,

Лик воспевая красы,
что сияет ни с чем несравненно.

В зеркале лишь отречения от благ
нам явлен свет Божества!

Если ты ищешь вечной любви,
приди к моему ты входу.

Дай-ка вина! Хоть славу принял
ад от моих грехов.

Но на огонь его излило
чудо пророка воду.*

Козни ты строишь мне каждый час —
это немалый грех!

Было ведь слово пророка: «Господь,
не знал я шалостей сроду».**

Если ты в блеске своей красоты
войдешь в цветущий луг,

Завистью розу и кипарис —
всю зажжешь ты природу.

* Мусульманское предание гласит, что пророк Мохаммед пытался затушить адское пламя (геенну), чудесным образом напав на него потоки воды. — *Прим. перев.*

** Слова, приписываемые преданием Мохаммеду. — *Прим. перев.*

Птичка сердца, Хафиз, твоего
вязнет в сетях страстей...

Об отреченьи ты помолчи,
в разгуле растративший годы!

Коварный ход судьбы
невидим и неслышим —

Ведь глухи все вокруг,
и каждый равно слеп.

Пусть солнце и луна —
подножье тех, кто властен,

Их также ждет постель —
из глины темный склеп.

Кольчуга ли спасет
от стрел разящих рока?

Щитом ли отразишь
удары злых судеб?

Себя ты огради
стеной из твердой стали —

Но день придет, и смерть
прорвет железо скреп.

Открытый жизни вход
замокни от вожелений,

Чтоб путь твой не привел
тебя в страстей вертеп.

На колесе судьбы —
смотри, как много праха!

От алчности беги,
цени свой скудный хлеб.

Джами

Саламан и Абсаль (Фрагменты из поэмы)

Жил в греческой земле властитель величавый,
Как древний Искандар, могуч своей державой.
Под подданством его преславный жил мудрец,
Воздвигший мудрости незыблемый дворец.
И за одним другой, как школьники простые,
Теснились вокруг него мыслители другие.
О мудрости такой проведав, сделал шах
Его товарищем в беседах и пирах.
Когда Вселенная преславным мудрецом
Была упрочена за греческим царем,
И стал, из края в край, весь мир величью мера
Для нашего царя, второго Искандара.

*У счастливого царя обнаруживается желание иметь
потомство. — Он беседует об этом с мудрецом*

Однажды вечером, предавшись размышленьям,
Подателя всех благ почтив благодареньем,
Подумал падишах, что он судьбой взнесен
И что к желаньям всем нашел дорогу он —
За тем изъятом лишь, что нет у властелина
Ему преемника — возлюбленного сына.
Как только думе той предался падишах,
О ней он мудрецу сказал в таких словах:
«О ты, совет царям своим избравший делом,
Хвала тебе во твоем водительстве умелом.
Нет блага на земле прекраснее, чем сын.

Воистину, лишь с ним душою ты един.
Когда с тобою сын — твое продлится имя,
И плод ты принесешь деяньями своими.
Живешь ты — только он весь свет в твоих очах.
А если ты умрешь — в цветах твой будет прах.
Его рука тебя поддержит при паденьях.
Он для тебя нога, коль стал ты слаб в движеньях.
Его поддержкою сильна твоя спина.
При взгляде на него вновь жизнь твоя юна.
В стремленьи боевом он — точно меч могучий,
Врага он ливнем стрел осыплет, как из тучи.
Усилиями друзей коль враг осилен твой —
Он дрался всей душой, другие лишь рукой.
Врагам твоим при нем одно лишь средство — стоны,
В их нападениях нет лучшей обороны».

*Мудрец порицает сладострастие, без которого
невозможно рождение детей*

Подобные слова заслышав от царя,
Находчивый мудрец ответил, говоря:
«Кто сладострастия, поверь мне, избегает,
Потомства тот лишен и потому — страдает.
Но очи мудрости, знай, похоть ослепит —
Для похоти очей у дивов гурий вид.
И, чья-нибудь душа коль похотью задета,
Рассудок пропадет, в очах не станет света.
Где б сладострастия поток ни бушевал,
Он зданья счастья повсюду разрушал.
Дорога похоти полна глубокой тины,
И, раз туда упав, не встанет ни единый.
Напитка похоти кто выпил лишь глоток,
Тот лик спасения вовек узреть не мог.
Того вина чуть-чуть и — чтимому презренье,
Ведь капелька его запросит повторенья.
И похоти вина коль отпил ты слегка,
Покажется тебя струя его сладка.

Ах, сладость похоти — в ноздрях твоих колечко,
И днем, и вечером влечет тебя уздечка.
Пока ты не предашь души небытию,
Свободу вернуть не сможешь ты свою».

*Мудрец порицает женщин — предмет плотского влечения,
от которых зависит рождение потомства*

Для сладострастия коль женщин нету — горе!
Но близость к женщинам в могилу сводит вскоре.
Что — женщина? Сыщи в Писании ответ —
Несовершенней их существ на свете нет.
И знай: немыслимо для избранных природы
Быть низшим существам игрушкой дни иль годы.
Для совершенного, который всех мудрей,
Что может быть смешней игралища страстей?
У щедрых за столом, среди гостей, едва ли
Неблагодарнее, чем женщин, мы б сыскали.
В течение ста лет ей золота давай
И в самоцветные камни наряжай...
Ей нашивай одежд ты из парчи Шуштера,
Светильников златых зажги пред ней без меры.
К ушам ей яхонтов и золота подвесь,
И пусть ее наряд из злата будет весь.
На полдник, на обед, на ужин ли — украшен
Пусть будет стол ее разнообразьем брашен.
Захочет ли испить из чаши дорогой —
Ее ты напои, хотя б живой водой.
Захочет ли плодов из Йезда, Исфагани —
Вези ты ей плодов... Могу сказать заране,
Что стоит только ей немного занемочь,
Дары твои — ничто, твои услуги — прочь.
Прикрикнет на тебя: «За столько лет нимало
Я от тебя, скупца, бедняжка, не видала».
О, пусть ее лицо — скрижали чистоты,
Все ж верности писем на них не сыщешь ты.
И верность женскую встречал ли кто на свете?

Коварство лишь одно да козней злые сети.
Пусть много лет она в объятиях твоих,
Но чуть ты отошел — забудет в тот же миг.
И если ты старик, любовника другого —
Сильней тебя, страстней — она захочет снова.
И, увидав юнца, коль он в расцвете сил,
Захочет, чтобы он тебя ей заменил.
Сказал, что в мире нет хороших женщин вовсе, —
Ты знаешь, как он мудр, — учитель наш
Фирдовский.
Природы женской суть улучшится ль когда?
У добродетельных навеки к ней вражда.

*Мудрец, пренебрегши женщинами, дает царю сына
другим способом. — Для младенца находят кормилицу.*

Когда в таких словах советником ученым
Излит был пред царем укор жестокий женам,
Предпринял тут мудрец, при помощи наук,
Такое, чем других ученых ввел в испуг.
Вне сладострастия взял у царя он семя.
Минуя лоно жен, он семени дал время.
Чрез девять месяцев был падишаху дан
Младенец, коему был всякий чужд изъян.
В розарии царей расцвел цветок пунцовый,
Из мира мудрости повеял ветер новый.
Жемчужиной такой венец царей процвел,
И счастием таким окреп царей престол.
Вселенная дотоль как будто пустовала.
На небе лучших звезд как будто было мало,
Явился он — и мир народом заселил,
И ярче заблистал на небе ряд светил.
Лишенный самого малейшего изъяна,
Младенец именем был назван Саламана.
Из двух различных слов состав прозванью дан:
Здоровье — «саламет» и небо — «асеман».
Однако матери ребенку не хватало.

Найти, кто б выкормил младенца, надлежало.
И женщину нашли прекрасную, едва ль
Не младше двадцати годов, а звать — Абсаль.
Сложенья тонкого; с затылка и до пяток
Ее строенью чужд малейший недостаток.
На темени ее серебряной чертой
Делился поровну волос убор густой.
И кудри длинные, свисавшие с затылка,
Таили сотни бед для тех, чье сердце пылко.
По соразмерности, как кипарис садов,
Пред ней венец царей склониться ниц готов.
Как зеркало — чело. На ясном том зеркале
Две брови русые, как ржавчина, пристали.
Как будто бы на нем по лености слуги
Осталась ржавчина — крутые две дуги.
А око томное как будто задремало,
Склонясь на купы роз, под сенью опахала.
И уши, мудрыми реченьями полны,
Как пара раковин серебряных, видны.
Пушок, синеющий вокруг ланит... Рассыпет
Едва ли прелести такие сам Египет.
Пусть против глаз дурных пушок тот — талисман,
Но в нем и добрым всем соблазн великий дан.
Две линии зубов блестят, как жемчужины!
Жемчужин тех ларец — чистейшие рубины.
Взглянувший на уста терял раздумья нить —
Рассудок, помыслы готов был позабыть.
Сладчайшие слова те губы лишь роняли.
Ужели то уста? Не сахар, не халва ли?
Из ямки сладостной на подбородке вниз
Скатился каплей пот и жемчугом повис.
О, сколько прелестей в том подбородке слабом!
Все знающие толк зовут его «габгабом».
Вся будто бы кумир из серебра она.
А шея стройная, как шейка кувшина.
А грудь округлою вздымается волною,
Какие на воде вздувает ветр порою.

Под грудью той живот, как чистый свет, блестел.
Наощупь — горноста́й, как клык слоновый, бел.
То чрево увидав, прислужница сказала:
«От розы лепестка не разнится нимало».
И так сказав о нем, она своим перстом
Пометку сделала на животе потом.
И этот нежный знак пупком с тех пор считали —
Благоуханнее был мускус сам едва ли.
Кто видел стан ее, как тонкий волосок,
Тот об объятиях лишь только думать мог.
А сзади — выпуклость, как связка белых лилий,
Но от нескромных глаз ее одежды скрыли.
Для рук поделено всех прелестей добро,
И рукава — мешки, в которых серебро.
В ее руке толчок тому, кто спит беспечно.
На пальцах ноготки, как полночи светила.
Но их различный лик хенною затемнила.
А тот, кто подстригал, и разукрасил их.
По полумесяцу от каждого отстриг.
Но вот привел рассказ к ее ногам и бедрам.
И к небу льнет язык... О, как я буду бодрым!
Боюсь, чтоб слово то меня не завело
Туда, где для моей природы тяжело.
Непосвященным всем да будет это тайной.
Да не глядит туда никто, хотя б случайно.
Но дерзкую мечту все ж кое-кто простер.
Проник туда и все расхитил, вор.
У раковины той рассек он середину —
Желанья своего нашел там жемчужину.
Но коль чужая длань нашла себе простор,
Не лучше ли тогда нам отвратить свой взор?

*

Так стала мамкою, велением султана,
Абсаль, чтоб царского младенца Саламана
Она окутала полней любви своей
И молоком вскормила бы грудей...
Итак, была Абсаль в трудах тех каждый миг,
Четырнадцати лет пока он не достиг.
Четырнадцати лет царевич был прекрасен —
В четырнадцатый день так в небе месяц ясен.
Зрелей все делалась и ярче красота.
Во всех сердцах о нем, о нем одна мечта...

Прелести Саламана достигают совершенства. — Абсаль обнаруживает свою любовь и старается завлечь Саламана хитростью

Меж тем царевича красот очарованье
Достигло высшего предела процветанья.
Прекрасный кипарис еще стройнее стал,
Пленительный цветник еще пышнее стал.
Он прежде был плодом прекрасным, но незрелым.
Теперь пришла пора плоду считаться спелым.
Абсаль увидела, задумалась — и вот
Решила, что, сорвав, отведаст тот плод.
Но плод тот возрастал на высоте громадной —
Нельзя его достать арканом воли жадной.
Однако красоты была полна Абсаль,
Безукоризненной краса та не была ль?
Отныне напоказ она пред Саламаном,
Чтобы пленительным завлечь его обманом.
Из черно-мускусных и влажных завитков
Взялась она сплести тугую цепь оков,
Чтоб цепью этою, для мудрецов любезной,
Сковать царевича, как цепью железной.
Порой же, черные расправивши волосы
И сделавши пробор, сплетала две косы,

Тем как бы протонав: «О, где души отрада?
Доколь мне мучиться, доколь терзаться надо?»
Иль заряжала лук — бровей изгиб крутой.
Как дичью, овладев царевича душою,
Снискать спокойствие хотела той стрелою.
И вежд сурмлением ей пренебречь нельзя,
Чтоб он забыл во тьме, где правая стезя.
И как ей позабыть для роз-ланит румяна,
Чтоб весь покой навек отнять у Саламана?
Как черной родинки соблазна не постичь,
Чтоб в птичке той узрел царевич сердца дичь?
Порой व्यока сластей завязку распускала,
Шкатулки жемчугов порой печать ломала,
Чтоб словом сладостным его очаровать,
Чтоб, точно перлы, речь ответную собрать,
Порою грудь она чуть-чуть приоткрывала
Под ожерелием из жемчуга и лала
Чтоб, несмотря на сан высокий, Саламан
Под иго рабское склонил покорно стан.
Порою же бралась за разные работы,
Чтоб, засучив рукав, открыть руки красоты.
Чтоб прелесть той руки царевич увидал,
Чтоб на его челе взыграл румянец ал.
Порой, как будто бы вскочив для услуженья,
Усиливала ног поспешное движенье,
Чтоб звон колеблемых запястий и колец
Склонил к ее стопам носящего венец...
Ну, словом — хитрости любви разнообразны —
Являя перед ним все новые соблазны,
С утра до вечера полна одной мечтой,
Чтоб видел каждый миг ее он пред собой.
Известно было ей, что через любованье
Вселяется в сердца любви очарованье —
Прекрасных идолов всегда желанный вид
Волнением любви сердца людей томит.

Соблазны Абсаль производят впечатление на Саламана, и он увлекается ею

Пусть строг был Саламан и скромн, все ж сумела
Абсаль соблазнами свое устроить дело.
Он сердце занозил шипом ресниц ея,
Его ужалили те кудри, как змея.
От сгиба тех бровей его погнулись плечи.
Ах, меду сладкому до губ ее далече!
Нарцисс ее очей дремоту, сон увлек,
От завитков кудрей царевич изнемог.
Увидит милый лик — слеза увлажнит вежды.
Он вспомнит милый рот, и — в жизни нет надежды,
Увидит родинку на розовых щеках —
От черной родинки темно в его глазах.
А беспокойные лишь кудри замечает —
В стремленьи к близости спокойствие теряет.
Не стало от любви у Саламана сил.
Но все ж осилить страсть он доброй мыслью мнил:
«Да не случится так, чтоб я, вкусивши страсти,
Изведал под конец лишь горе да напасти.
Ведь непрочна любовь, а жизнь вся — предо мной.
Сумею ль пренебречь я славой и молвой?
Ах, это счастье так бrenно, так невечно —
Им здравомыслящий пренебрежет, конечно!»

Абсаль удается остаться наедине с Саламаном, и они наслаждаются вдвоем

Как только стал к Абсаль стремиться юный князь,
Звезда ее судеб блистательно зажглась.
Былая страсть ее вспылала с новой силой,
Надежды укрепив, что с нею будет милый.
Все думала она лишь об удобном дне,
Чтоб с луноликим ей побыть наедине,

Чтоб сердце утолить тем сладостным рубином,
Чтоб душу всю излить пред сердца господином.
Вот случай ей помог. Однажды вечером,
С ликующей душой, к царевичу тайком
Вбежала и, как тень, к его ногам припала,
В знак подчинения лицо к стопам прижала.
Но руку нежности, любовью обуян,
Простер навстречу к ней царевич Саламан.
Он крепко сжал ее в объятьях, и стремленья
Души он утолил напитком наслажденья.
Горячий поцелуй начало положил —
Ведь за лобзаньем вслед всегда приходит пыл.
Лишь он лобзанием ее коснулся губок,
Стал полным до краев веселья сладкий кубок.
Но хоть уста слились и поцелуи жгли,
А все же главное для них еще вдали.
Но вот безумие, что кровь им волновало,
Стыдливости велит отбросить покрывало.
Последняя меж них преграда пройдена,
И вот слиты в одно — царевич и она.
Как сливки — женщина, как сахар, был мужчина —
Вот сливки с сахаром смешались воедино.
На небе их души той смеси сладкий вкус,
А к утру крепкий сон их закрепил союз.

*Саламан пробуждается от сна и опять призывает к себе
Абсаль*

Когда царица-ночь, красавица вся в черном,
От опьяненных сна напитком благотворным
Шатра ночных небес уносит темный свод
И бодрствования мазь к их очесам несет,
Проснулся Саламан — счастливый и влюбленный.
Еще во власти сна — ведь ночь была бессонной,
Он весь волнуется похмельем ночи той,
Он от любви к Абсаль как будто бы хмельной,
Прогнать желает сон наследник властелина

Глотком живительным, но лишь с ее рубина,
Чужих, нескромных глаз нисколько не страшась,
Зовет ее к себе, сажает рядом князь.
Увидеть красоту желает без покрова,
К веселиям ночным он приступает снова.
И следующий день как этот был точь-в-точь,
Все горести от них тогда бежали прочь.
День стал неделей, та — как месяц, месяц — годом.
Нет места в этих днях ни скуке, ни невгодам.
Любowników мечта — чтоб сладкий их восторг
Не прекратила б ночь и день чтоб не расторг.
Меж тем уже судьбой поставлена засада,
Превратный молвит рок: «Нет, не того мне надо.
О, сколько светлым днем я сочетал сердец,
Но приносила ночь их радостям конец.
Как часто вечером давал я людям счастье,
Чтоб утром, все отняв, излить на них ненастье...

Царь увещевает Саламана

Сказал тут сыну царь: «Возлюбленный сынок!
Свет, озаряющий моих пиров чертог!
Под меч разительный клони главу покорно.
О, ради Господа, покинь свой путь дурной —
Не то от горести погибну я такой.
Лишь для тебя тружусь я столько лет... Помилуй!
Позор тебе, коль ты меня сведешь в могилу».

*

Притча о лисице и лисенке

Придя в плодовый сад немного поживиться,
Лисенку своему сказала раз лисица:
«Ну, сколько хочешь ешь, дитя мое, плодов,
Да только берегись вреда от злобных псов».
Тот отвечал: «О мать! Увижу лишь плоды я,

Исполнить как смогу твои слова златые?
Стремленье к тем плодам рассудок затемнит —
Вмиг пред собаками весь ужас позабыт!»

Мудрец увещевает Саламана

Лишь кончил падишах для сына увещанье,
У совету приложил мудрец свое старанье:
«О юное вино сих родовых садов,
Последний штрих пера создателя миров!
Познай же свойств своих, царевич, превосходство.
Твое я выразить бессилен благородство.
Ведь длань того, кто прах твой замешал сначала,
Слова премудрости в груди твоей вписала.
От образов иных свою очисти грудь,
Лишь духу чистому приверженным пребудь.
Чтоб грудь твоя казной высоких мыслей стала,
Чтоб свет познания залил ее зеркало,
Перед красавицей глаза свои покрой,
И больше не стремись ты к ней своей душой.
Что есть красавица? Картина в недостатках,
Где похоть и в полах, и в пазухе, и в складках.
Запятнанной такой обворожен не будь.
От здравья чистых мест ты удален не будь.
Ведь тело семенем и крепко, и здорово —
Оно всем членам — корм, строению — основа.
Меж телом и душой в тебе, мой сын, разлад —
То хочешь их спасти, то погубить их рад.
Возвышенный тебе был предуказан жребий,
Сияла высоко твоя звезда на небе.
И сладострастие, царевич мой, губя,
С Зенита на Надир покинуло тебя».

Саламан отвечает мудрецу

Услышал Саламан мыслителя реченье —
Из мира мудрости почуял дуновение.
Ответил: «О мудрец! Ты — наш второй Платон,
Ста Аристотелям слова твои закон.
Тобой назначенным путем я направлялся,
Я — скромный ученик — тебе лишь покорялся.
Что может быть мудрей тобой реченных слов?
Им следовать всегда поспешно я готов.
Но ведь ты должен знать — твой разум
непреложен —
Что выбор для меня свободный невозможен,
Предначертания — к чему они, коль стал
К ним предназначенный беспомощен и мал?
Смогу ли я теперь отринуть то, что было,
Что стало для меня так дорого и мило?
В подобных случаях, увы, бессилён всяк
Былое изменить хотя бы кое-как».

Тягость упреков доводит Саламана до крайности. — Он покидает царя и мудреца и убегает вместе с Абсаль

Коль чья-нибудь душа любовью обуяна,
Ах, за бедой беда, за раной сердцу рана!
Особенно, когда все ближние любовь
Лишь нареканьями встречают вновь и вновь.
Ах, нарекания — несчастье для любви.
От нареканий тех на сердце столько крови!
Царевич Саламан, когда упрекам внял,
Смертельно молодой душой затосковал.
То средство страсть его к Абсаль унять могло ли?
О, нет! Для сердца ран упреки вроде соли.
Стал горьким вкус вина любви их... На ущерб
Вдруг месяца любви склонился юный серп.
Нигде, нигде не мог он отдохнуть душою.
От нареканий тех конец его покою.

Былая грусть его безмерно возросла.
Упреки жалят грудь, как острая стрела.
От них скудеет дух в груди любого мужа.
По силам их снести, перетерпеть — кому же?
Удар одной стрелы ведь всякий бы стерпел,
Но коль их целый рой — бежать благой удел.
И стал тут Саламан раздумывать все чаще,
Как лучше избежать беды, ему грозящей.
Работы много дал он своему уму,
Нашел, что убежать осталось лишь ему.
Простился с родиной его рассудок пылкий,
Для бегства он припас удобные носилки.
Лишь наступила ночь, навьючил паланкин
И сел туда вдвоем с Абсаль наш царский сын.
Прелестны Саламан с Абсаль, ну как орешки —
Как в скорлупе одной миндальные двоешки!
И едут рядышком они, плечо с плечом,
И ночью мирно спят, обнявшись, рядом.
В объятье сплетены, бегут они совместно,
Пусть тесен паланкин, но их сердцам — не тесно!
Коль верный, страстный друг к груди твоей прижат,
То чем теснее дом, тем лучше во сто крат.
Ах, место всякое, где друг наш обитает,
Ни тесным никогда, ни мрачным — не бывает!

*Саламан и Абсаль отплывают в открытое море,
прибывают на счастливый остров и там устраиваются*

Так мчался Саламан неделю всю вперед.
Упреков для него теперь не страшен гнет.
Упреки, жалобы не слышны Саламану,
И вот он груз сложил, подъехав к океану.
Ширь безграничную, как небо, видит взгляд.
Глаза подводных див в ней звездами горят...
Мятежные валы подобны высям гор,
Как будто цепи гор легли на тот простор.
Иль будто бешеной и непрерывной сменой

Верблюды мечутся, покрыты белой пеной.
И непрестанно там мельканье рыбьих стад.
Как светлые мечи, в волнах они блестят,
Иль мог бы их сравнить любитель описаний
С китайской вышивкой серябряной на ткани.
И режут рыб стада морскую широту,
Как будто ножницы лазурную тафту.
А если б из пучин морское диво всплыло,
Померкло б в небесах от ужаса светило.
Вот, море обозрев, стал думать Саламан
О том, как переплыть могучий океан.
Быстресекущая зеленые буруны —
У берега лодочка, совсем как месяц юный.
Ее найдя, туда садится. С ним — она.
Над полумесяцем и солнце, и луна.
Как лебедь, грудью челн на волны налегает.
Поднявши паруса, как крылья, отплывает.
Пространства бурные взрезает лодки грудь,
Чтоб к цели поскорей привел их водный путь.
Челнок похож на луг, но, как стрела, мгновенно
Стремится он вперед по зыби белопенной.
Так больше месяца плывут они вперед,
Обветрил лица их соленый ветер вод.
И вот они в волнах вдруг остров увидали.
Тот остров описать сумеет кто едва ли.
Пернатых сколько бы пород ни насчитать,
Их всех в себя вместил тот остров-благодать.
Видны хохлатые фазаны там местами,
Местами голуби — на шейках с обручами.
Пернатых певунов встречает всюду взгляд,
Свирелью служит клюв, они в него дудят.
Деревья там сплели ветвей густые своды,
И сколео в их листве для разных птиц — свободы!
Под каждым деревом бегут ключи, играя.
И солнца яркий свет сменяет тень густая.
Под ветром каждый сук — дрожащая рука,
Червонцы взявшая — дары для бедняка.

Царь слышит о бегстве Саламана. Однако, не имея о нем вестей, с помощью чудесного зеркала он узнает все. Царь скорбит по поводу нескончаемой страсти Саламана к Абсаль и, прибегнув к волшебной силе внушения, препятствует ему приближаться к ней.

Меж тем в любви к Абсаль царевич молодой
Душе своей обрел отраду и покой.
На что ему престол властителей высокий,
Коль может он лобзать ее уста и щеки?
Увидел это царь, и душу огонь спалил.
От этой пагубы стал свет ему не мил,
И он подействовал всей силою внушенья
На сына, чтоб его спасти от увлечения.
И чудо! Саламан по-прежнему влюблен,
Однако плод любви сорвать не в силах он.
Он видит милый лик, в груди волненье страсти.
Приблизиться же к ней он не имеет власти.
Тогда в отчаяньи царевич застонал.
О, да! «Издых осел, и выдох его упал...»
Для обнищавшего что может быть тревожней?
Богатства под боком, а кошелек порожний.
Как может жаждущий ту муку превозмочь,
Коль видит он родник, но слышит окрик: «Прочь!»
Что может быть страшней тому, кто в муках ада
Когда в душе огонь, в очах же рай-отрада?
От муки длительной царевич изнемог,
Но тут увидел он спокойствия порог.
Старания отца тогда он понял ясно —
Спаси его, извлечь из пропасти опасной.
Он вспомнил об отце, к нему направил путь —
Прощенье вымолить, к ногам его прильнуть.
Угодная судьбе заблудшаяся птица
К гнезду родимому в конце концов примчится.

Саламан возвращается к отцу, и тот встречает его с нежностью

Как только Саламан предстал перед отцом,
Вмиг позабыл отец о тягостном былом.
Целует в темя он царевича, прощая.
И руку на его плечо кладет, лаская.
«Царевич мой, ты — соль стола добра и благ,
Для человечества ты, как зрачок в очах.
Питомнику души ты — дерево младое.
Для небосвода ты, как солнышко другое.
Ты — роза счастья. Ты озаряешь, как
Бессменная луна, наш царский зодиак.
Полкам твоим, мой сын, предел — конец Вселенной,
Великие земли все чтут тебя смиренно.
Престола и венца ты с головы до ног
Достоин. Без тебя какой в них будет прок?
Ужели царское желаешь достоянье
Ничтожным людям ты предать на посмеянье?
Владения твои — все царство — принимай.
От власти в сторону свой путь не отклоняй.
Красавицу забудь. Ведь недостойн власти,
Кто отдал жизнь свою на поклоненье страсти.
Одно из двух, мой сын, вопрос стоит ребром —
Иль быть любовником, иль мудрым быть царем».

*

Саламан, страдая от упреков отца, бежит в пустыню, разжигает костер и вместе с Абсаль всходит на него. — Абсаль сгорает, а Саламан остается невредим

О, кто любовника несчастней в сей юдоли?
Нет доли тягостней его плачевной доли!
Не уменьшаются мучения любви,
Не исполняются стремления любви!
Но горше всех обид злодейские наветы

И бесконечные, пусть добрые, советы.
Услышал Саламан, что царь ему сказал,
И одеяние спокойствия порвал.
Не видел больше он в существовании смысла.
И вот о смерти мысль над разумом нависла.
Когда небытия тебя прельщает путь,
Не лучше ль умереть, чем дольше жизнь тянуть?
В пустыню Саламан бежал вдвоем с Абсаль,
Чтоб уничтожить там проклятую печаль.
Охалки хвороста повсюду он срезал
И воедино те вязанки собирал.
Высокий вырос холм их прутьев, сучьев, игл.
Царевич их поджег, и вот огонь запрыгал.
Лишь запылал костер, Абсаль и юный князь,
Схватившись за руки, пошли в огонь, смеясь.
Но мудрый властелин проведаль это дело.
Он вознамерился, чтоб женщина сгорела.
Сосредоточил он всю мощь духовных сил
И сжег в огне Абсаль, а сына — пощадил.

*Саламан всецело подчиняется мудрецу, который
устраивает его дело*

Овеян тению вниманья мудреца,
Царевич мудрецу предался до конца...
Мудрец ученика проведаль положенье
И вызвал силой чар любимой провиденье...
Меж тем описывал порой среди бесед
Мудрец красу Зохран — планеты из планет.
Он говорил: «Ее прекрасней нет планеты,
Пред нею звезд других всегда тускнеют светы.
Когда на небесах покажется она,
По ней безумствуют и солнце, и луна.
Никто не может с ней сравниться в песнопеньи,
Ни заменить ее в пиров увеселеньи.
С восторгом музыке внимает небосвод.
Ей внемля, кружится созвездий хоровод».

Услышал Саламан мыслителя реченье
И в сердце ощутил к звезде Зохране влечение.
А так как он внимал таким словам не раз,
То в сердце у него та склонность разрослась.
Когда же разгадал мудрец его желанье,
К Зохране он обратил всю силу заклинанья.
Явилась она, сияя красотой.
Предался Саламан ей сердцем и душой.
Воспоминания изгладив об Абсаль,
Вихрь страсти вдруг к Зохране в душе забушевал.
Увидел вечную царевич красоту,
Своей земной любви забыл он суету...

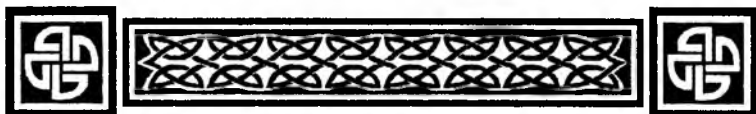
*Царь приводит государственных мужей к присяге
Саламану и передает ему свой трон и свою печать*

О, что за благодать властителей корона!
О, что за высота на возвышении трона!
Не всякой голове дана та благодать,
По этой высоте не всякому ступать.
Та высь лишь для ноги, по облакам идущей.
Венец тот для главы, достойной райских кущей.
Когда царевич скорбь былую позабыл
И сердце царственной возлюбленной вручил,
Пола его одежд очистилась от скверны.
Горе он устремил свой дух, лишь небу верный.
Достоинством власти стал царевич в этот день,
Открылась для него высокая ступень.
Тогда царь Греции созвал в своей палате
Царей подвластных стран, князей и много знати.
И задал пир такой, какого никогда
Никто не видывал в минувшие года.
Военачальник всяк и даже всякий воин
Был приглашения на праздник удостоен.
Царем стал Саламан. Вожди со всей земли
На верноподданство присягу принесли.
На голову его сам царь надел корону.

Сам царь его подвел к златолитому трону.
Семь поясов земли преемнику вручил.
Как ими управлять, он сына научил.
Затем составил он в присутствии собрания
Для сына своего, не медля, завещанье.
Алмазов мудрости без счета просверлил,
Нисколько ни таясь, при всех проговорил:
«О, сын мой дорогой! Не вечно мировластье.
К нем созревший ум не чувствует пристрастья.
Пусть будет верою твой разум осиян.
Текущий каждый день, как поле для семян
Грядущего. Пред тем, как всходам будет время,
Блаженства вечного труда посей ты семя.
Дела нуждаются в познаниях всегда,
Ведь знанье, милый сын, опора для труда.
Коль с делом ты знаком, исполни дело это.
Коль нет, то знающих людей спроси совета.
Даешь ли ты, мой сын, иль получаешь сам,
Будь осмотрителен, внимателен к делам.
Пусть ими двигает всегда святая вера...»

Заключение повести о Саламане и Абсаль

О, Джами! Ты свернул свой жизненный ковер.
А будешь сочинять ты до каких же пор?
Подобно тростнику, строча стихов избыток
И в творческом пылу крутяся, точно свиток!
Пришла твоя пора. К ответу призван строго,
Ты должен вымолить прощение у Бога.

Словарь незнакомых слов, имен, названий

Абу Али Ибн Сина (латинизир. *Авиценна*, ок 980 – 1037 гг.) — ученый, философ, врач, музыкант. Жил в Средней Азии и Иране. Служил врачом и первым министром при разных правителях. Основные философские сочинения: «Книга исцеления», «Книга указаний и наставлений». Необычайно популярен как на Востоке, так и на Западе. Книга «Канон врача» (в 5 ч.), обобщившая опыт греческой, римской и восточной медицины, выдержала не менее 30-ти латинских изданий, в течение нескольких веков являясь обязательным практическим руководством для врачей, в том числе и в средневековой Европе.

Азад — потомственный представитель привилегированного господствующего класса.

Азиз — в фольклоре исламского мира — должность наместника фараона.

Али — турецкий титул, соответствующий *высочеству*; старший писарь у турок и татар.

Аллах (от араб. *илах* — божество) — имя Бога в мусульманской религии. «Нет Бога, кроме Аллаха...» — провозглашается в *исламе*, согласно которому Бог сотворил все сущее, являясь всеильным, мудрым, абсолютным владыкой мира, всецело управляющим природой и людьми. Согласно Корану, благочестие перед Богом есть покорность. Первоначально Аллах — Бог племени курейшитов, игравших значительную роль в создании арабской государственности.

Атабек (тюрк *ата* — отец, *бек* (*бег*) — властитель) — независимый собственник и владелец небольшого княжества в империи *сельджуков* (*сельджукидов*) (в XI-XIII вв.).

Бахрам (*Бехрам*) *Гур* — любимый сказочный герой персов, сасанидский царь

Бейт — двустишие.

Бустан — плодовый сад.

Визирь (везир) — высший сановник в странах Востока, стоящий во главе гражданского, либо военного управления, комитета, председатель совета министров.

Габгаб — полный, «двойной» подбородок.

Газель (араб. *газаль*) — вид монорифмического лирического стихотворения (обычно 5-1-бейтов-двустиший). Распространена в арабской, персидской таджикской, а также в турецкой, узбекской и других тюркоязычных и урду, непали и некоторых из литератур Индии и Пакистана. Возникла из народной лирической песни, вероятно, в VII в. и окончательно сформировалась к XIII–XIV вв. Схема рифмовки: *аа, еа, са, да...* Как правило, каждый бейт содержит законченную мысль и имеет как бы самостоятельное значение.

Классическую форму создали Саади, Хафиз, Камаль. В Европе к данной стихотворной форме прибегали И. В. Гете, Ф. Боденштедт, в России — В. Брюсов и др.

Гурии (мифолог.) — прекрасные девы Магометова рая, сулящие правовеверным блаженство в загробной жизни.

Джам (Джамшед, Джамшид, Джем) — согласно мифологическим представлениям, царь Ирана в правление которого страна и народ процветали. «Чаша Джама» — знак мудрости и ума.

Джан (джон) — душа, дорогая.

Джемшиды (чаар-аймаки) — группа народов, населяющих северо-восток Ирана (язык т. н. иранской группы).

Дирхем — старинная арабская серебряная монета.

Зелоты (зилоты, букв.: ревнители) — т. н. «непримиримые», иудейская партия, боровшаяся против римского владычества в I в. до н. э.

Зенит — высшая точка на небе, над головой наблюдателя.

Зороастризм — религия, распространенная в древности и раннем средневековье (с VI века до н. э.) на Ближнем и Среднем Востоке. Название — производное от имени пророка Зороастра (Заратуштры). Священная книга — Зендавеста. Теология двойственна: Ахура Мазда (бог добра) находится в постоянном конфликте с Ахреманом (богом зла),

но первый все время одерживает победу. В ритуале религии главную роль играет огонь.

Зохра — Венера. Находится на третьем небе и сопровождает, по преданию, свою музыкой хор светил. Согласно одной легенде, Зохра — смертная женщина, которую любили два ангела — Харут и Марут. Она заставила их открыть ей нечто таинственное, неведомое людям имя Божие, затем при помощи этого талисмана вознеслась на небо и была принята там.

Зулейха — супруга египетского вельможи Пентефрия, согласно мусульманским легендам пытавшаяся соблазнить Юсуфа (Иосифа прекрасного).

Ибрагим — 1) Правитель Ширвана (с 1382 г.), основатель династии шерваншахов; 2) Авраам — персонаж библии.

Иса — Иисус Христос, в системе ислама — пророк, предшественник пророка Мохаммада.

Искандар (Искандер) — Александр Македонский (356–323 гг. до н. э.)

Ислам (или **мусульманство**, араб. *ислам* — покорность) — одна из т. н. мировых религий, распространенная главным образом в странах Ближнего и Среднего Востока, в Северной Африке, Юго-Восточной и Средней Азии и др.

Возник в VII веке. Вероучение, изложенное в священной книге Коран, слжилось из элементов первобытных религий, иудаизма, христианства, зороастризма. Стержень — учение о божественном предопределении. Основатель ислама — пророк Мохаммед (Мохаммад, Мухаммед), которого Аллах, по преданию, избрал своим посланником. Основные направления — суннизм и шиизм.

Исфаган — город в Иране.

Кааба (Каба) — мечеть Мохаммеда в Мекке, святилище древних арабов, четырехугольное здание из серого камня с плоской крышей. В восточную стену здания вделан оправленный в серебро т. н. «черный камень», служащий предметом поклонения мусульман всего мира.

Каса — чаша для риса.

Касыда (араб. *касд* — целиться) — жанр восточной поэзии, стихотворение — обычно ода, восхваляющая какое-либо влиятельное лицо (правителя, вельможу, мецената).

Формальные признаки: объем от 20 до 200 бейтов, рифмовка по системе *аа, ва, са, да*, трехчастная композиция.

Кашмир — область в Азии, в бассейне верхнего Инда.

Коран — священна книга Ислама. Написана на арабском языке, содержит 114 сур (глав); считается, что была продиктована пророку Мохаммаду свыше в 616 г.

Кыбла — направление в Мекке, сторона, куда обычно обращаются лицом мусульмане при молитве (в перен. смысле — предмет страсти).

Лал — рубин.

«Лейли и Меджнун» — литературный памятник средневековой азиатской литературы, в основе которого лежат древнеарабские легенды о трагической любви юноши-поэта. Первая литературная обработка легенды (на фарси) принадлежит Низами Гянджеви (1188, поэма «Лейли и Меджнун»).

Маги (др.-перс. *магуш*) — в древнем Иране жрецы зороастризма. В 6-4 до н. э. — особое племя. Персидские маги, как и жрецы вавилонской религии (халдеи), занимались предсказаниями и заклинаниями. В узком понимании слова выступают в значении «продавцов вина» (суфийская трактовка).

Мансур (аль-Мансур) — фактический правитель (с 976 г.) Кордовского халифата, ранее исполнял должность хаджиба (каиргерга). Известен тем, что нанес тяжелые поражения войскам христианских государств Испании.

Махрам — любимый, доверенный человек, наперстник.

Месневи (маснави) — жанровая форма в персидской поэзии, получившая также распространение в др. литературах Востока. Это поэма, характеризующаяся значительным объемом и системой парной смежной рифмовки по схеме *аа, вв, сс* и т. д. По содержанию может быть героической, философски-дидактической и романической. Первые произведения подобного жанра были написаны персидскими поэтами Масудом Марвази (IX век) и Рудаки (X век). Крупнейшие мастера жанра — персоязычные поэты Саади, Амир Хосров, Дехлеви, Джами.

Михраб (араб. — *святителище*) — молитвенная ниша в стене мечети, обращенная к Мекке. Украшается орнаментальной резьбой, инкрустацией, росписью.

Мулла — почетное наименование духовного лица у мусульман.

Муршид — духовный учитель.

Муса — то же, что библейский Моисей.

Мусалла — плодовый сад в Ширазе (на родине Саади и Хафиза).

Мускус — пахучее вещество, выделяемое особыми железами самцов ряда животных (кабарга, овцебык, крокодил, бобр), а также растениями; обладает облагораживающим и фиксирующим действием; в перен. значении — черный цвет женских волос с их ароматом (поэтич.).

Мутриб — певец, исполнитель песен с музыкальным сопровождением

Муфтий — толкователь Закона, мусульманский ученый, правовед и богослов.

Мухтасиб (Мухтесеб) — лицо, надзирающее за нравственностью

Мюрид — послушник.

Надир — воображаемая точка небесного свода, противоположная зениту.

Намаз — мусульманская молитва, совершаемая правоверными несколько раз в день.

Низомия (Низамийя) — известное в Багдаде духовное заведение (медресе), названное в честь главного визиря Сельджукидов Низам-уль-мулька.

Ной — легендарный строитель и водитель т. н. *ноева ковчега* при всемирном потопе.

Нуширван (Ануширван) — шах Сасанид (531–578 гг.), славившийся своим благородством.

«*Океан*» («*Мохит*») — книжный источник, свод религиозных правил.

Падишах — титул мусульманских государей, персидского и турецкого.

Паланкин — род крытых носилок на шестах, служащих средством передвижения для богачей и знати в странах Востока

Пантеизм (греч. *пан* — все, *теос* — бог) — философское учение. сливающее существо Божие с бытием мира,

когда Бог тождествен с природой. Основной тезис: Бог во всем или все в Боге. Причем самостоятельное существование Божества вне природы отрицается.

Пери — у древних персов добрые феи соблазнительной, чарующей красоты, охраняющие людей от злых духов (в мифологии нередко — в образе крылатых женщин).

Пиала — употребляемая на Востоке чашка для питья, не имеющая ручки и расширяющаяся вверх.

Пир — духовный учитель, старец.

Рамазан — девятый месяц мусульманского лунного календаря, посвященный строгому посту в течение дня и по возможности воздержанию от активной практической деятельности.

Рокнабад — речка в районе Шираза, воспетая Хафизом.

Рубаи (четверостишие) — форма лирической поэзии Ближнего и Среднего Востока. Заимствована из персидского устного народного творчества (в фольклоре — дубайти или таране). В письменной литературе возникла в IX–X веках (Рудаки и др.). Наряду с газелью превосходно обслуживает лирическую тему с преобладанием философских размышлений. Расцвет жанра — в XI веке. Состоит из четырех полустиший (или двух бейтов), рифмующихся по схеме *аааа*, реже — *аааа*. Размер теоретически допускает существование 24 вариантов.

Рустам — персонаж народного эпоса, богатырь.

Салих — то же, что потомственный аристократ.

Сасаниды — династия иранских шахов в 224–651 гг. Основатель — Ардашир I. В VII веке государство Сасанидов завоевано арабами. Важнейшие представители: Ардашир I, Шапур I, Шапур II, Кавал I, Хосров I, Ануширван, Хосров II, Парвиз.

Сеид — почетная приставка к именам потомков пророка Мохаммада; в широком значении — повелитель, господин.

Симург (птица Симург, Каф) — в мифологии — птица-покровительница богатыря Рустама.

Суфий — приверженец т. н. *суфизма*, мистического течения в Исламе, возникшего в VIII–IX веках, отрицающего

мусульманскую обрядность, проповедующее аскетизм, приоритет духовного над телесным.

Тамбурин — древнемавританский ударный инструмент наподобие бубна, но с удлиненным корпусом.

Текеш — шах Хорезма с 1172 г. В результате борьбы с кочевниками и Сельджуками завоевал Нишапур, Мерв и др. территории и города. При нем Хорезм стал сильнейшим государством в Средней Азии и на Среднем Востоке.

Фарси (персидский язык) — государственный язык Ирана, один из древнейших в мире. Известен с VI века до н. э. Совершенный литературный язык восходит к языку дари (фарси дари). Так называли свой язык классики литературы в конце IX и вплоть до XVII века. Исторически дари, или фарси возник при Саманидах в условиях антиарабского движения восточных иранцев, придя на смену государственному письменному арабскому языку, непонятному народу. Саманиды, со своей стороны, не выступая против ортодоксального Ислама, поддерживали ортодоксальное сектанство, поощряя деятельность ученых, переведивших арабские труды на персидский. В наши дни распространен в Иране, Афганистане, Пакистане, Индии, Ираке, Объединенных Арабских Эмиратах, в странах Закавказья и Средней Азии.

Фаркады — две звезды в созвездии Малой Медведицы, настолько близкие друг к другу, что только наличие острого зрения позволяет различить каждую из них в отдельности.

Фархад — легендарный герой персов, каменотес. Впервые его имя называет историк Балами (ум. в 996 г.), а поэт конца X—нач. XI века. Агаджи связывает образ Фархада с народной легендой о прорытии канала через скалу Бисутун, впоследствии он — герой поэмы Низами («Хосров и Ширин»). Каменотес Фархад, безответно и жертвенно полюбивший Ширин, берется по ее просьбе проложить канал в каменной земле. Ревность к Фархаду толкает Хосрова, влюбленного в Ширин, на предательство: он сообщает Фархаду о смерти Ширин, и тот умирает от горя. Однако трагическая гибель ждет и Хосрова — как возмездие за предательство. Сюжет имел большую судьбу в восточных литературах, и в частности у Навои (поэма «Фархад и Ширин»).

Фетва (*фатва*, араб. — *мнение, решение*) — письменное (иногда юридическое) заключение муфтия.

Хадж (*хаджж*, араб. — *паломничество*) — посещение Мекки с ее древним храмом Каабой, сопряженное с рядом церемоний (это прослушивание проповеди у горы Арафат, символическое метание камней в дьявола, семикратный обход вокруг Каабы, молитва, питье воды из источника Зам-зам и др.).

Хаджи — почетный титул мусульманина, совершившего хадж.

Халиф — титул преемников духовной и светской власти Мохаммада; в ряде стран — титул государя, являвшегося одновременно духовным главой мусульман; так именовались также некоторые представители знати, чиновничества. Первым Халифом в исламском мире стал Абу Бакр. Будучи первоначально выборным, со временем титул стал наследственным, начиная с династии Уммаядов (661–750 гг.). Самый могущественный из всех Халифов за всю историю — турецкий султан во времена Османской империи.

Хенна (*лавсония*) — род небольших кустарников или даже деревьев, выращиваемых как декор или красильное растение (из листьев получают хну) на географическом пространстве, простирающемся от Восточной Африки до Индии.

Хисров (*Хосров, Хусрав, Хосрой*) — наименование царей в Древнем Иране.

Хормуз (*Хормиз*) — царь Хосров Ормузд IV, отличавшийся редкой жестокостью. Правил в 579–590 гг. Был лишен престола своими придворными.

Хосров II Парвиз (с 591 г.) — царь, присоединил к Ирану воточную и южную провинции Византии.

Хотем Той (*Хатем Тайский*) — легендарный герой персов, прославившийся невероятной добротой и щедростью.

Чанг (*ченг*) — струнный инструмент наподобие арфы.

Шапур I и Шапур II — цари Ирана, правившие соответственно с 239 г. и с 309 г., оба прославившиеся успешными территориальными завоеваниями, существенно расширившими границы Ирана.

Шах — титул монарха в ряде восточных стран.

Шейх — 1) представитель высшего мусульманского духовенства, богослов и правовед; 2) у арабов — глава рода, племени.

Шираз — небольшой город в южном Иране (здесь родились Саади и Хафиз).

Шируйз — наследник и сын царя Хосрова II Парвиза, совершивший отцеубийство (в 628 г.).

Эдем — рай (по библейскому сказанию); в переносном смысле — благодатный уголок земли.

Юсуф — то же, что Иосиф Прекрасный (биб.).

Содержание

И.Крайнева.

Восточная лирика, ее шедевры и творцы 5

ОМАР ХАЙЯМ

Р у б а и

«Беги от поучений святых учителей...» *Перевод Л.Н.* 21

«Безумцы в мире есть, которых самомнение...» *Перевод В.Величко* 22

«Без хмеля и улыбок — что за жизнь?...» *Перевод И.Тхоржевского* 23

«Блеск диадемы, шелковый тюрбан...» *Перевод И.Тхоржевского* 24

«Бог создал звезды, голубую даль...» *Перевод И.Тхоржевского* 25

«В венце из звезд великих Творец Земли...» *Перевод И.Тхоржевского* 26

«В вине таится вечность бессмертных сил...»
Перевод Л.Н. 27

«Великого Китая кувшин вина — ценней...»
Перевод Л.Н. 28

«Весна. Желанья блещут новизной...» *Перевод И.Тхоржевского* 29

«Взгляни, вот платье розы раздвинул ветерок...»
Перевод Л.Н. 30

«Взгляни же: я жил во Вселенной...» *Перевод А.Умова* 31

«Взгляни и слушай. Роза, ветерок...» *Перевод И.Тхоржевского*

«Вина — другого я и не прошу...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	33
«Вино всей жизни ходу поддает...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	34
«Вино и губки милой... Да, это истощит...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	35
«Вино — источник жизни. Вот вечность в чаше...» <i>Перевод Л.Н.</i>	36
«Вином мне жизнь продлите. Вернее средства нет...» <i>Перевод Л.Н.</i>	37
«Вино не только друг — вино мудрец...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	38
«Вино пить грех...» — Подумай, не спеши...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	39
«В кумирне, в медресе, во храме, в синагоге...» <i>Перевод В.Величко</i>	40
«Влюбленный! В горестях любви...» <i>Перевод В.Мазуркевича</i>	41
«В могилах спящие земле возвращены...» <i>Перевод В.Величко</i>	42
«В небесном кубке хмель воздушных роз...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	43
«Вплетен мой пыл вот в эти завитки...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	44
«В пышном зданьи жизни бренной...» <i>Перевод П.Порфирова</i>	45
«Вращаясь, свод небес нас давит и гнетет...» <i>Перевод Л.Н.</i>	46
«В свой час горит на небе лучистых звезд венец...» <i>Перевод Л.Н.</i>	47
«Все ароматы жадно я вдыхал...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	48
«Все мудрецы, что раньше ушли, о мальчик мой...» <i>Перевод Л.Н.</i>	49
«Все царства мира — за стакан вина...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	50
«Всегда будь осторожен — все дни бедой грозят...» <i>Перевод Л.Н.</i>	51

«Всего, что есть иль было, я формы изучал...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	52
«Всех нас, помимо воли, втокнули в мир людей...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	53
«В стекле прозрачной чаши рубин вина неси...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	54
«В том не любовь, кто буйством не томим...»	<i>Перевод И.Тхоржевского</i>
	55
«В тоске молило сердце: «Открой мне знания свет!...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	56
«В учености — ни смысла, ни границ...»	<i>Перевод И.Тхоржевского</i>
	57
«Все обсудив без страха, мы истину найдем...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	58
«Вхожу в мечеть смиренно, с поникшей головой...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	59
«Вчера на площади базарной видел я...»	<i>Перевод В.Величко</i>
	60
«Где корм, а где — ловушка, не мог я рассмотреть...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	61
«Где прежде замок высился надменно...»	<i>Перевод П.Порфирова</i>
	62
«Где расцвели тюльпаны, алея и горя...»	<i>Перевод Л.Н.</i>
	63
«Где ты найдешь поруку, что завтра будешь жив?...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	64
«Грозит нам свод небесный бедой — тебе и мне...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	65
«Грядущий день и прошлый век...»	<i>Перевод К.Бальмонта</i>
	66
«Давно готовый к смерти, от страха я далек...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	67
«Дай чашу мне и слушай. В могилу ляжешь ты...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	68
«Дай чашу мне скорее! Раскаяние спит...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	69
«Дар своевольно отнятый — к чему?...»	<i>Перевод И.Тхоржевского</i>
	70

«Для раненой любви вина готовь...» Перевод И.Тхоржевского	71
«Добросовестных и умных...» Перевод В.Величко	72
«Доколе жизнь свою ты будешь посвящать...» Перевод В.Величко	73
«Достойней, чем весь мир возделать, заселить...» Перевод В.Величко	74
«До тебя и меня много сумерек было и зорь...» Перевод К.Бальмонта ..	75
«До щек ее добратся, нежных роз...» Перевод И.Тхоржевского	76
«Древо печали ты в сердце своем не сажай ...» Перевод К.Бальмонта	77
«Если в лучах ты надежды, сердце ищи себе, сердце...» Перевод К.Бальмонта	78
«Есть в небе Бык Первин — созвездие Плеяд...» Перевод В.Величко	79
«Жалкая страсть человека подобна собаке цепной...» Перевод В.Величко	80
«Живи, безумец. Трать, пока богат...» Перевод И.Тхоржевского	81
«Жизнь пестрым караваном проходит мимо нас...» Перевод Л.Н.	82
«Заботам и тревогам души не отдавай...» Перевод Л.Н.	83
«За гранью мира ищут и за пределом дней...» Перевод Л.Н.	84
«За постным Рамазаном и праздник настает...» Перевод Л.Н.	85
«Запрет вина условен: в нем оговорено...» Перевод Л.Н.	86
«Заря. Дай чашу с ярким, как пурпур роз, вином...» Перевод Л.Н.	87
«Заря. Пора проснуться, пора вина искать...» Перевод Л.Н.	88
«За чашей мы, дервиши, беспечны и пьяны...» Перевод Л.Н.	89

«Зачем смертей, рождений бессмысленный поток...» Перевод Л.Н.	90
«Зла речь твоя, мулла, и ненависть — ей мать!..» Перевод В.Величко	91
«Идем с кувшином, чашей к ручью, на свежий луг...» Перевод Л.Н.	92
«Иди зарей весенней к ручью — меже полей...» Перевод Л.Н.	93
«Из жемчуга молений я четок не связал...» Перевод Л.Н.	94
«Имей друзей поменьше. Не расширяй их круг...» Перевод Л.Н.	95
«И ночи сменялись днями...» Перевод А.Умова	96
«И я, седобородый, в силок любви попал...» Перевод Л.Н.	97
«Как будто шепот Неба ловлю я в тишине...» Перевод Л.Н.	98
«Как вихрь в степи, промчалась бесследно жизнь моя...» Перевод Л.Н.	99
«Как нежно щеки розы целует ветерок...» Перевод Л.Н.	100
«Как перед светлым, царственным вождем...» Перевод И.Тхоржевского	101
«Как? Тысячи ловушек расставив вдоль дорог...» Перевод Л.Н.	102
«Как чаша, опрокинут над нами небосвод...» Перевод Л.Н.	103
«К краям манящим чаши приник устами я...» Перевод Л.Н.	104
«Когда бы ясно тайны жизни...» Перевод В.Величко .	105
«Когда на луг зеленый, где царствует весна...» Перевод Л.Н.	106
«Когда отлита чаша — искусства хрупкий плод...» Перевод Л.Н.	107
«Когда-то просвещал нас синклит седых бород...» Перевод Л.Н.	108
«Когда ты раздобудешь кувшин вина...» Перевод Л.Н.	109

«Когда уснул я, вот что сказала мудрость мне...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	110
«Когда я пью вино — так не вино любя...» <i>Перевод</i>	
<i>К.Бальмонта</i>	111
«Когда я чару взял рукой и выпил светлого вина...»	
<i>Перевод К.Бальмонта</i>	112
«Коль знаменит ты в городе, ты — «худший из людей!..» <i>Перевод В.Величко</i>	113
«Коран Вышним Словом все верные зовут...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	114
«Кораном в пятницу вино...» <i>Перевод В.Мазуркевича</i>	115
«К тебе, о Неба Колесница...» <i>Перевод А.Умова</i>	116
«Кто в мир меня отправил, согласия не спросил...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	117
«Кто в чаше жизни капелькой блеснет...» <i>Перевод</i>	
<i>И.Тхоржевского</i>	118
«Кто помнит, как немного прожить нам суждено...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	119
«Кувшин мой жил когда-то, томленье страсти знал...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	120
«Кувшин с вином душистым ты мне разбил, Господь!..»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	121
«Куда ни обернешься, все чудо для очей!..»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	122
«К чему грустить нам о грехах?...» <i>Перевод</i>	
<i>В.Мазуркевича</i>	123
«К чему идти ты хочешь? Оставь жену, детей...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	124
«К чему, когда осуществленья...» <i>Перевод В.Величко</i>	125
«К чему печаль нам служит? Смелее веселись!..»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	126
«Лишь память мне осталась от счастья прежних дней...» <i>Перевод Л.Н.</i>	127
«Любви несем мы жизнь, последний дар...» <i>Перевод</i>	
<i>И.Тхоржевского</i>	128
«Люблю тебя и слышу со всех сторон укор...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	129

«Любовь вначале ласкова всегда...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	130
«Любовь в неверном сердце не стоит ничего...» <i>Перевод Л.Н.</i>	131
«Мгновеньями он виден, чаще — скрыт...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	132
«Мечтанья — прах! Им места в мире нет...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	133
«Мир с пегой клячей можно бы сравнить...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	134
«Мир я сравнил бы с шахматной доской...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	135
«Мне каждый день рассудок, познавший звезд пути...» <i>Перевод Л.Н.</i>	136
«Мне лучше быть с Тобой в вертепе, в кабаке...» <i>Перевод В.Величко</i>	137
«Мои заслуги точно, все до одной сочти...» <i>Перевод Л.Н.</i>	138
«Моя возлюбленная вновь...» <i>Перевод В.Величко</i> ...	139
«Моя любовь к тебе достигла совершенства...» <i>Перевод П.Порфирова</i>	140
«Мудрец, взрастивший в сердце росток любви живой...» <i>Перевод Л.Н.</i>	141
«Мы все — простые шашки. На клетках дней, ночей...» <i>Перевод Л.Н.</i>	142
«Мы скромный хлеб и угол укромный предпочли...» <i>Перевод Л.Н.</i>	143
«Мы умрем, а мир наш будет...» <i>Перевод А.Умова</i> ..	144
«Мы цель создания, смысл его отменный...» <i>Перевод К.Бальмонта</i>	145
«На блестики дней, зажатые в руке...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	146
«Надменным небесам брось вызов горстью пыли...» <i>Перевод В.Величко</i>	147
«Над пьяным, над безумным ты, мудрый, не глумись...» <i>Перевод Л.Н.</i>	148

«Над розами еще проходят облака...» Перевод В.Величко	149
«Над розой дымка, вьющаяся ткань...» Перевод И.Тхоржевского	150
«Назначьте свиданье, друзья!..» Перевод В.Величко .	151
«Налей! Вино — целитель сердечных ран — забот...» Перевод Л.Н.	152
«Нам говорят, что в кущах рая...» Перевод А.Умова .	153
«Наполни чаши. Бледно струится свет дневной...» Перевод Л.Н.	154
«Наш мир — аллея молодая роз...» Перевод И.Тхор- жевского	155
«Наш мир — поток метафор и символов узор...» Перевод Л.Н.	156
«Наш мир, Творца ошибку, плохой приют на час...» Перевод Л.Н.	157
«Не видели Венера и Луна...» Перевод И.Тхоржевс- кого	158
«Не дай тискам пенала себя зажать, Хайям!..» Перевод Л.Н.	159
«Не дрогнут веки. Ночь, я одинок...» Перевод И.Тхор- жевского	160
«Не знаю, не гадаю, чем наградит меня...» Перевод Л.Н.	161
«Не лучше ли за кубком Тебе всю мысль отдать...» Перевод Л.Н.	162
«Нем царь Давид! Стих жалобный псалом...» Перевод И.Тхоржевского	163
«"Не пей, Хайям!.."» — Ну, как им объяснить...» Пере- вод И.Тхоржевского	164
«Непобедимую в нас поселил, Господь, Ты страсть...» Перевод В.Величко	165
«Не спрашивай меня о том, что так превратно...» Перевод В.Величко	166
«Не станет нас. А миру — хоть бы что...» Перевод И.Тхоржевского	167

«Нет в суетной любви могучего сиянья...» <i>Перевод В.Величко</i>	168
«Никто из тех, что гонят из фиников вино...» <i>Перевод Л.Н.</i>	169
«Никто на свете не проник...» <i>Перевод В.Величко</i> ...	170
«Ничтожен мир, и все — ничтожно...» <i>Перевод А.Умова</i>	171
«Ночь. Брызги звезд. И все они летят...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	172
«Ну да, я пью вино!.. И кто не слеп умом...» <i>Перевод В.Величко</i>	173
«Ныне в безумстве любви, в безумном, безмерном волнении...» <i>Перевод В.Величко</i>	174
«О, Боже, смилуйся над сердцем, что в плену...» <i>Перевод П.Порфинова</i>	175
«О, бойся тело отдавать...» <i>Перевод В.Величко</i>	176
«О горе, горе сердцу, где жгучей страсти нет...» <i>Перевод Л.Н.</i>	177
«Оделся мир в зеленый наряд весенних дней...» <i>Перевод Л.Н.</i>	178
«Один припев у мудрости моей...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	179
«Однажды ночью, в тихом сне...» <i>Перевод В.Величко</i>	180
«О друг, будь весел и беспечен!..» <i>Перевод В.Величко</i>	181
«О, друг! Зачем пещись о тайнах бытия...» <i>Перевод В.Величко</i>	182
«О, дух животворящий, ты, чистое вино!..» <i>Перевод Л.Н.</i>	183
«О, если я проник в храм твоего доверья...» <i>Перевод В.Величко</i>	184
«О, мальчик! Каждой каплей вина, пролитой в прах...» <i>Перевод Л.Н.</i>	185
«О прелестях Эдема и гуриях твердят...» <i>Перевод Л.Н.</i>	186
«Освободись, о сердце, от плена чувств земных...» <i>Перевод Л.Н.</i>	187
«О сердце! Не проникнуть за тайн густой покров...» <i>Перевод Л.Н.</i>	188

«Оставь про бесконечность и безначальность речь...» <i>Перевод Л.Н.</i>	189
«О тайнах сокровенных невеждам не кричи...» <i>Перевод Л.Н.</i>	190
«От веры к бунту — легкий миг один...» <i>Перевод</i> <i>И.Тхоржевского</i>	191
«От жилищ неверья лишь одно мгновенье...» <i>Перевод</i> <i>А.Умова</i>	192
«Отрадно и прохладно в саду весенним днем...» <i>Перевод Л.Н.</i>	193
«От ран души вином себя избавь...» <i>Перевод И.Тхор-</i> <i>жевского</i>	194
«Пей! И в огонь весенней кутерьмы...» <i>Перевод</i> <i>И.Тхоржевского</i>	195
«Плакала капля воды: "Как он далек, Океан!.."» <i>Перевод К.Бальмонта</i>	196
«Плодов от древа знания дано вкусить не нам...» <i>Перевод Л.Н.</i>	197
«Подобно соколу, мой дух, расправив крылья...» <i>Перевод В.Величко</i>	198
«Подобье караван-сарая...» <i>Перевод В.Величко</i>	199
«Пока лучи заката шлет солнце с высоты...» <i>Перевод Л.Н.</i>	200
«Пока твой не смешали с гончарной глиной прах...» <i>Перевод Л.Н.</i>	201
«Пока хоть искры ветер не унес...» <i>Перевод И.Тхор-</i> <i>жевского</i>	202
«Послушай слов Хайяма про самый верный путь...» <i>Перевод Л.Н.</i>	203
«Поток времен свиреп, везде угроза...» <i>Перевод</i> <i>К.Бальмонта</i>	204
«Пренебреги законом, молитвой и постом...» <i>Перевод Л.Н.</i>	205
«Придя в кабак обратно, мы все — еще пьяней...» <i>Перевод Л.Н.</i>	206
«Промчались жизни беззаботной...» <i>Перевод А.Умова</i>	207

«Противоядые скорби, рубин целебных лоз...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	208
«Прощаясь с морскими волнами...» <i>Перевод А Умова</i>	209
«Пусть будет мне судьбою покой и отдых дан...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	210
«Пусть вечно в чаше плещет напиток золотой...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	211
«Пусть колесо судьбы мне мира не дает...» <i>Перевод В.Величко</i>	212
«Пью разноцветное вино...» <i>Перевод П.Порфинова</i>	213
«Рабы застывших формул осмыслить жизнь хотят...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	214
«Развеселись. В плен не поймать ручья?..» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	215
«Раскаянья обеты забыли мы теперь...» <i>Перевод Л.Н.</i>	216
«Расцвела сегодня пышно...» <i>Перевод В.Величко</i>	217
«Рождение наше миру красы не придает...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	218
«Росинки на тюльпане — жемчужины цветка...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	219
«Рубин огромный солнца засиял...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	220
«Свершить здесь омовенье ты можешь лишь вином...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	221
«Светила ночи в высях сверкающих "домов"...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	222
«Сегодня возвратилась мне свежесть юных дней...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	223
«Сегодня оргия, с моей женой...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	224
«Скажи, ты знаешь ли, зачем петух дворовый...»	
<i>Перевод П.Порфинова</i>	225
«Скажи, ты знаешь ли, за что в устах народных...»	
<i>Перевод В.Величко</i>	226
«Скинь ризы показные! Не поступай, как тот...»	
<i>Перевод Л.Н.</i>	227

«Сковал нам руки темный обруч дней...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	228
«Слаб человек, судьбы неверный раб...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	229
«Смотри: кружась, садяться с лиловой высоты...» <i>Перевод Л.Н.</i>	230
«Снеся к кабаку одежды, мы бражничаем в нем...» <i>Перевод Л.Н.</i>	231
«Сосудвеселья, сердце, печалью не разбей...» <i>Перевод Л.Н.</i>	232
«Сосу да кровью чистой и алой, как тюльпан...» <i>Перевод Л.Н.</i>	233
«С собой в борьбе упорной всегда я. Как мне быть?...» <i>Перевод Л.Н.</i>	234
«Стеклянный кубок полон вина живой игрой...» <i>Перевод Л.Н.</i>	235
«Стихий четыре. Чувств, как будто, пять...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	236
«Страхнув одежду праха, о дух свободный мой...» <i>Перевод Л.Н.</i>	237
«Судьба меня растопчет тяжелою пятой...» <i>Перевод Л.Н.</i>	238
«Счастливо сердце того, кто в жизни прошел неизвестный...» <i>Перевод В.Величко</i>	239
«Твердят нам лицемеры...» <i>Перевод Л.Н.</i>	240
«Тебе престол Хосроев судили звезды, шах...» <i>Перевод Л.Н.</i>	241
«То сокровенен Ты, невидим никому...» <i>Перевод В.Величко</i>	242
«Ты благ, Аллах наш, но зачем...» <i>Перевод В.Мазуркевича</i>	243
«Ты весь мир обжегал. Все, что ты увидал, есть ничто...» <i>Перевод К.Бальмонта</i>	244
«Ты видел землю. Что земля? Ничто...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	245
«Ты — воин с сетью Уловляй сердца...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	246

«Ты льешь щедроты, Небо, на весь негодный люд...» Перевод Л.Н.	247
«Ты не один несчастлив. Не гневи...» Перевод И.Тхоржевского	248
«Ты обойден наградой. Позабудь...» Перевод И.Тхоржевского	249
«Ты опьянел — и радуйся, Хайям!..» Перевод И.Тхоржевского	250
«Убаюкан тщетною надеждой...» Перевод В.Величко .	251
«Уж лучше пить и красотой...» Перевод П.Порфилова	252
«Уж мне плащом приличий кувшина не прикрыть...» Перевод Л.Н.	253
«Узор изменчивый загадочной природы...» Перевод В.Величко	254
«Укройте меня под землею...» Перевод А.Умова	255
«Умерь желанья и жажду бранных благ...» Перевод В.Величко	256
«Умчалась юность, беглая весна...» Перевод И.Тхор- жевского	257
«Хайям, за прегрешенье печалью платишь ты...» Перевод Л.Н.	258
«Хайям, наполни чашу пьяней и — веселись!..» Перевод Л.Н.	259
«Хайям, Хайям! Твой жалкий прах...» Перевод В.Величко	260
«Хоть жемчуг должного тебе повиненья...» Перевод В.Величко	261
«Хоть Коран и почитают...» Перевод П.Порфилова ..	262
«Хоть лет тебе считают за шестьдесят — пускай!..» Перевод Л.Н.	263
«Хоть превзойди наставников умом...» Перевод И.Тхоржевского	264
«Хотя стройнее тополя мой стан...» Перевод И.Тхоржевского	265
«Художник твой взял краски у розы полевой...» Перевод Л.Н.	266

«Что каяться?» — решило Предвечное вчера...» <i>Перевод Л.Н.</i>	267
«Что мне блаженства райские — потом?..» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	268
«Что там, за ветхой занавеской Тьмы?..» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	269
«Чье сердце благодати лучом озарено...» <i>Перевод В.Величко</i>	270
«Шиповник алый нежен. Ты нежней...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	271
«Этот ценный рубин из особого здесь рудника...» <i>Перевод К.Бальмонта</i>	272
«Я буду пить, умру без страха...» <i>Перевод А.Умова</i> .	273
«Я вымел бороною пороги кабаков...» <i>Перевод Л.Н.</i> .	274
«Я непокорный раб... Где ж воля, власть твоя?..» <i>Перевод В.Величко</i>	275
«Я сам в посудной лавке подслушал вечером...» <i>Перевод Л.Н.</i>	276
«Я снова молод. Алое вино...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	277
«Я у вина, что ива у ручья...» <i>Перевод И.Тхоржевского</i>	278
«Я целый день вину хвалебный гимн пою...» <i>Перевод В.Величко</i>	279

СААДИ

Г а з е л и и о т р ы в к и	
<i>Перевод Бану</i>	283
И з « Б у с т а н а » (Фрагменты поэмы)	
<i>Перевод К.Чайкина</i>	290

РУМИ

Из «Месневи»	
Перевод Ф.Корша	343
Четверостишия	
Перевод Ф.Корша	349

ХАФИЗ

Газели и рубайи	
Перевод А.Фета	455
Перевод Е.Дунаевского	487

ДЖАМИ

Саламан и Абсаль. (Фрагменты из поэмы) Перевод К.Чайкина	541
Словарь незнакомых слов, имен, названий Сост. И.Крайнева	561

ОМАР ХАЙЯМ В СОЗВЕЗДИИ ПОЭТОВ

Антология восточной лирики

Составитель *Ирина Николаевна Крайнева*

Ответственный за выпуск *М. Зими́на*

Компьютерная верстка *Н. Петренко*

Корректор *И. Шефановская*

Художник *И. Мосин*

Компьютерный дизайн обложки *А. Котова*

Подписано в печать 22.12.2000. Формат 84×108/32. Печать высокая.

Бумага типографская. Гарнитура «Гельветика».

Усл. печ. л. 31,08. Тираж 5000 экз. Заказ № 1184.

ООО «Издательский Дом “Кристалл”»,
199004, Санкт-Петербург, Биржевой пер., д. 1/10, кв. 1.

e-mail: books@kristall.sp.ru

(812) 327-09-80, 327-46-72 (факс)

Московское отделение

(095) 219-71-49

219-18-04

Лицензия ИД № 01336 от 24.03.00 г.

Гигиеническое заключение на продукцию, товар

№ 78.01.952.Т.14898.05.99 от 25.05.99

Оригинал-макет подготовлен в ООО «КОРОНА принт»

198005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29

тел. (факс): (812) 251-33-94

Обложка подготовлена в ООО Издательство «Терция»

198013, Санкт-Петербург, ул. Можайская, д. 18, кв. 2

tercia@mail.wplus.net

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ордене Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга»

Министерства РФ по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций,

198005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

СЕРИЯ
«БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Марк АВРЕЛИЙ. «НАЕДИНЕ С СОБОЙ»

+++

АРТЕМИДОР. «ОНЕЙРОКРИТИКА»

Уникальный толкователь снов, впервые издан в виде книги.

+++

Анна АХМАТОВА. ИЗБРАННОЕ

+++

Исаак БАБЕЛЬ. ИЗБРАННОЕ

+++

Андрей БЕЛЫЙ. «ПЕТЕРБУРГ»

Полная редакция романа «Петербург» с рисунками А. Белого.

+++

Елена БЛАВАТСКАЯ. «РАЗОБЛАЧЕННАЯ ИЗИДА». В 2-х томах

+++

Елена БЛАВАТСКАЯ. «ТАЙНАЯ ДОКТРИНА». В 2-х томах

Впервые текст издания научно подготовлен

+++

Джованни БОККАЧЧО. «ДЕКАМЕРОН»

+++

Михаил БУЛГАКОВ. «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

+++

Михаил БУЛГАКОВ. «ПЬЕСЫ»

+++

Михаил БУЛГАКОВ. «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»

+++

Ярослав ГАШЕК «ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО
СОЛДАТА ШВЕЙКА». В 2-х томах

СЕРИЯ
«БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Иоганн Вольфганг ГЁТЕ. ИЗБРАННОЕ (Поэзия)

+++

Иоганн Вольфганг ГЁТЕ. «ФАУСТ»

+++

ГОМЕР «ИЛИАДА», «ОДИССЕЯ»

+++

Виктор ГЮГО. «ОТВЕРЖЕННЫЕ». В 2-х томах

+++

Виктор ГЮГО. «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СМЕЕТСЯ»

+++

ДАИТЕ Алигьери. «БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ»

+++

Джером К. ДЖЕРОМ. «РОМАНЫ»

+++

Чарльз ДИККЕНС. «ТАЙНА ЭДВИНА ДРУДА»

+++

Илья ИЛЬФ, Евгений ПЕТРОВ.
«12 СТУЛЬЕВ. ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»

+++

Альбер КАМЮ. ИЗБРАННОЕ

+++

Николай КАРАМЗИН. «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО». В 3-х томах

+++

Франц КАФКА. ИЗБРАННОЕ
Полное собрание рассказов и лучшие романы

СЕРИЯ

«БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Артур КОНАН-ДОЙЛЬ. «АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА»

Артур КОНАН-ДОЙЛЬ. «ЗАПИСКИ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ»

Артур КОНАН-ДОЙЛЬ. «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА»

КОНФУЦИЙ. «БЕСЕДЫ И СУЖДЕНИЯ»

В этом уникальном издании воссоздается история переводов «Бесед и суждений» Конфуция на русский язык с 1876 по 1998 гг. Издание сопровождается предисловием ведущего специалиста-конфуциоведа Т. С. Переломова и содержательным комментарием.

Н. А. КУН. «ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ»

Льюис КЭРРОЛЛ. «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС»
«АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ»

Никколо МАКИАВЕЛЛИ. СОЧИНЕНИЯ

Генри МИЛЛЕР. «РОЗА РАСПЯТИЯ». В 2 х томах

Джон МИЛЬТОН. «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ»

Мишель МОНТЕНЬ. «ОПЫТЫ». В 2 х томах

Фридрих НИЦШЕ. СОЧИНЕНИЯ. В 2 х томах

О. ГЕНРИ. «МЛАДЕНЦЫ В ДЖУНГЛЯХ»

СЕРИЯ
«БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Юрий ОЛЕША. «ЗАГОВОР ЧУВСТВ»

+++

Борис ПАСТЕРНАК. «ДОКТОР ЖИВАГО»

+++

Борис ПАСТЕРНАК. ИЗБРАННОЕ (ПОЭЗИЯ)

+++

Эдгар ПО. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РАССКАЗОВ

+++

Франсуа РАБЛЕ. «ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ»

+++

Франсуаза САГАН. ВОСЕМЬ РОМАНОВ

+++

Жан Поль САРТР. «ДОРОГИ СВОБОДЫ»

+++

Гай Транквилл СВЕТОНИЙ. «ЖИЗНЬ 12 ЦЕЗАРЕЙ»

+++

Эфраим СЕВЕЛА. ИЗБРАННОЕ

+++

Роберт СТИВЕНСОН. «ОСТРОВ СОКРОВИЩ»

+++

Дж. Д. СЭЛИНДЖЕР
«НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»

+++

Оскар УАЙЛЬД. ИЗБРАННОЕ

+++

Френсис Скотт ФИЦДЖЕРАЛЬД. ИЗБРАННОЕ

СЕРИЯ
«БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

ОТ ВИЙОНА ДО АПОЛЛИНЕРА (Французская поэзия)

+++

ХАЙЯМ В СОЗВЕЗДИИ ПОЭТОВ (Антология восточной лирики)

+++

Даниил ХАРМС. «ЦИРК ШАРДАМ»

Наиболее полное собрание художественных произведений. Ряд работ воспроизводится впервые. В издании, построенном по хронологическому принципу, сохранены авторская орфография и пунктуация.

+++

Марина ЦВЕТАЕВА. ПРОЗА

+++

Марина ЦВЕТАЕВА. СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ. ДРАМЫ

+++

Бенвенуто ЧЕЛЛИНИ. «ЖИЗНЬ БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ»

+++

Гилберт ЧЕСТЕРТОН. ИЗБРАННОЕ

+++

Евгений ШВАРЦ. ИЗБРАННОЕ

+++

Вильям ШЕКСПИР. КОМЕДИИ

+++

Вильям ШЕКСПИР. ТРАГЕДИИ

+++

Вильям ШЕКСПИР. ТРАГЕДИИ. СОНЕТЫ

+++

Вячеслав ШИШКОВ. «УГРЮМ-РЕКА»

СЕРИЯ
«БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Михаил ШОЛОХОВ. «ТИХИЙ ДОН». В 2-х томах

«ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ». В 3-х томах

К выходу готовятся однотомники Э. Т. А. Гофмана, М. Метер-
линка, А. Грина, М. Фриша, Р. Акутагавы, Г. Гессе, Ж. Кокто.

МАЛАЯ СЕРИЯ
«БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Гийом АПОЛЛИНЕР. «АЛКОГОЛИ»

Мацуо БАСЁ «ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ»

Наиболее полное собрание переводов великого поэта на русский язык.
Вступление и комментарии В. Н. Марковой.

Шарль БОДЛЕР. «ЦВЕТЫ ЗЛА»

Ёса БУСОН. «ЛУНА НАД ГОРОЙ»

Наиболее полное собрание переводов на русский язык стихов и про-
зы легендарного автора. Вступление и комментарии Т. Л. Соколовой-
Делюсиной. Иллюстрированное издание.

Поль ВЕРЛЕН. «РОМАНСЫ БЕЗ СЛОВ»

Генрих ГЕЙНЕ. «ЛОРЕЛЕЯ»

ДУ ФУ. «СТО ПЕЧАЛЕЙ»

МАЛАЯ СЕРИЯ
«БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

ЛИ БО «НЕФРИТОВЫЕ СКАЛЫ»

+++

ИССА Кобаяси «ЛИВЕНЬ ПЯТОЙ ЛУНЫ»

Наиболее полное собрание переводов стихотворений и прозы на русский язык. Вступление и комментарии Т. Л. Соколовой-Делюсиной, с иллюстрациями.

+++

Густав МАЙРИНК. «ГОЛЕМ»

Легендарный роман воспроизводится в переводе Д. Л. Выгодского без купюр. Издание сопровождается вступлением, комментариями, иллюстрациями.

+++

Эдгар ПО. «ВОРОН»

+++

АртюР РЕМБО. «ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ»

+++

Райнер Мария РИЛЬКЕ. «КНИГА ОБРАЗОВ»

+++

САЙГЁ. «ГОРНАЯ ХИЖИНА»

Наиболее полное собрание переводов великого поэта на русский язык. Ряд переводов выполнен специально для настоящего издания. Вступительная статья и комментарии В. Н. Марковой; с иллюстрациями

+++

СЭЙ-СЭНАГОН. «ЗАПИСКИ У ИЗГОЛОВЬЯ»

+++

Вильям ШЕКСПИР. «СОНЕТЫ»

К выходу готовятся: Амброс Бирс, Ганс Гейнц Эверс.
Борис Виан, Франсуа Вийон, Роберт Фрост